

Рудольф Штайнер

**ЧЕЛОВЕК В СВЕТЕ
ОККУЛЬТИЗМА,
ТЕОСОФИИ И ФИЛОСОФИИ**

GA 137

***10 лекций, прочитанных в Христиании (Осло)
со 2 по 12 июня 1912 года.***

Содержание.

Первая лекция. 3 июня 1912 г.

Вторая лекция. 4 июня 1912 г
Третья лекция. 5 июня 1912 г
Четвёртая лекция. 6 июня 1912 г
Пятая лекция. 7 июня 1912 г
Шестая лекция. 8 июня 1912 г
Седьмая лекция. 9 июня 1912 г
Восьмая лекция. 10 июня 1912 г
Девятая лекция. 11 июня 1912 г
Десятая лекция. 12 июня 1912 г

Первая лекция. 3 июня 1912 г.

Мои милые теософские друзья! В предыдущих циклах лекций мы говорили уже с вами на различные темы теософского мировоззрения. А настоящим циклом лекций мы поставили перед собой тему, которая принадлежит к числу наиболее значительных, наиболее достойных рассмотрения и теософской жизни, в теософском мировоззрении, в теософском образе мыслей. Мы избрали, так сказать, самый значительный объект, какой только, по общему признанию, возможен для человеческого познания,— а именно, самого человека. И можно сказать, что для теософского рассмотрения именно сам человек должен представлять собой наиболее достойный внимания предмет исследования. И в теософском мировоззрении необходимо снова почувствовать нечто от того, что соприкоснувшийся с древней теософией греческий дух вкладывал некогда в само слово «антропос» (человек). «Взирающий на вершины» — так можно было бы перевести на современный язык это слово, если бы мы хотели перевести его правильно. «Взирающий на вершины» есть в то же время определение человека, которое находит своё выражение в греческом слове «антропос», то есть ищущий в высотах жизни своё происхождение» и «только в высотах жизни находящий своё истинное начало». Это - есть человек, по ощущению греческого мира. И, чтобы познать человека, как такого рода существо, для этого мы и имеем, собственно говоря, теософию.

Она есть то мировоззрение, которое от частных чувственного бытия, от частных внешней жизни хочет

подняться к тем вершинам духовных переживаний, которые, по истине, могут нам показать, откуда человек приходит и куда, собственно, человек направляется. Таким образом, вполне понятно, что как для всякого рассмотрения мира вообще, так для теософии в особенности, человек есть, наиболее достойный внимания объект исследования.

В этом цикле лекций мы будем рассматривать человека духовно с трёх точек зрения, с каких до сих пор рассматривали всегда в каждом более глубоком мировоззрении. И хотя во внешней жизни не все три точки зрения имели одинаковое значение, но мы будем рассматривать человека в ряде лекций с точки зрения оккультизма, с точки зрения теософии и с точки зрения философии.

Сегодня нам нужно прежде всего условиться относительно того, что понимаем мы под этими тремя точками зрения. Когда мы говорим об оккультизме, то мы говорим о том, что в настоящее время весьма мало известно в более широких кругах современного мира; и, нужно сказать, что для внешней жизни, для жизни каждого дня оккультизм, собственно, в его изначальном облике был в течение всего развития человечества до сих пор чем-то, некоторым образом, закрытым. Ибо оккультизм исходит из того, что для познания своего истинного существа, - для того, чтобы пережить существ, — человек не может остановиться на обычном способе созерцания, — на способе созерцания, свойственном обычному сознанию, но должен перейти к другому рода созерцанию, к другому рода познанию.

Обращаясь к сравнению, мы живём в каком-нибудь месте, то мы видим отдельные переживания, которые испытываются людьми; и каждый, кто живёт в таком месте, — если оно достаточно велико, — знает, в сущности, только частности, — только то, что вообще может быть пережито в этом месте, что может быть увидено в этом месте. Даже внешне, если кто-нибудь хочет иметь общий вид местности, должен найти себе хотя бы некоторую возвышенность, чтобы с неё обозреть в общей картине то, чего он не может увидеть внизу с отдельной точки зрения. Если он хочет найти связь и иметь общую картину интеллектуальной, моральной и прочей жизни этой местности, то он должен духовно перенестись на более высокую точку зрения, чем та, которую могут ему дать обычные переживания повседневности.

То же самое должен сделать человек, если он хочет выйти

за пределы опытов, переживаний обычного сознания. В сущности, они дают всегда только часть того, что составляет всю совокупность, всю связь жизни в целом. Но для человеческого познания это означает ничто иное, как то, что это человеческое познание должно подняться над самим собой, должно найти себе местопребывание, которое лежит выше обычного сознания, выше обычного познания. Само собой разумеется, что вследствие этого для такой, лежащей, так сказать, вне обычной жизни точки зрения, стираются подробности в их особенно интенсивных красках, в их особой нюансировке. Когда мы поднимаемся на какую-нибудь возвышенность, чтобы обозреть местность, то мы также видим только общую картину и отказываемся тогда от отдельных нюансов, которые даёт нам отдельное переживание. От различных подробностей, от различных индивидуальных особенностей заставляет нас отказаться эта точка наблюдения, выходящая за пределы обычного созв;ания. Но зато она даёт именно для познания человеческого существа, для познания всей природы человека то, что здесь необходимо,— то, что одинаково во всех людях, то, что составляет, собственно, основу человеческой природы и что человек ощущает как самое важное для своей жизни.

Эта точка зрения может быть достигнута только благодаря тому, что человеческая душа пройдёт через известное развитие, что она достигнет того, что обычно можно назвать «ясновидческим познанием». Сообщении об этом ясновидческом познании вы найдёте в соответствующей литературе. Вы найдёте там указания, что должны предпринять отдельные души, чтобы прийти к этому ясновидческому познанию. Вы найдёте, что там говорится о том, что для желающего достигнуть этого ясновидческого познания обычные средства познания — созерцание при помощи чувств, размышление при помощи обыкновенного рассудка и суждения — являются недостаточными, и нам будет указано, что эти силы должны быть преодолены и что вместо них необходимо развить совсем новые, лежащие в зачатке в душе средства познания.

Из этой литературы вы, без сомнения, также узнаете, что можно различать три ступени при подъёме к этому ясновидческому или оккультному познанию. Первая ступень есть ступень имагинативного познания, вторая — ступень инспиративного и третья — ступень интуитивного познания. Если бы мы хотели в общественной форме охарактеризовать

то, что постигается путём этого самопознания, к которому приходят посредством имажинации, инспирации и интуиции, то мы должны были бы сказать: Благодаря этому человек получает возможность созерцать вещи, которые ускользают от обычного сознания. Достаточно только указать на противоположность между бодрствованием и сном, и мы можем в общедоступной форме наглядно пояснить, что достигается человеком благодаря оккультному познанию, благодаря ясновидческому созерцанию. Во время бодрствования человек видит чувственный мир как своё окружение и судит о нём при помощи своего рассудка и других своих познавательных сил. Для обычного сознания наступает угасание сознания, когда человек переходит в состояние сна. Но человек не перестаёт существовать, когда он засыпает, и он также не возникает заново, когда пробуждается. Человек живёт также и в течение того времени, которое протекает между засыпанием и пробуждением. Но только человек не имеет достаточной внутренней силы, достаточной крепости и энергии душевной силы, чтобы воспринимать в состоянии сна то, что имеется тогда в его окружении. Можно сказать: познавательные силы человека таковы, что должны быть обострены действием физических органов, — органов чувств и нервной системы, — для того, чтобы в обычном сознании он что-нибудь видел в своём окружении.

Ночью, когда человек находится вне своих органов чувств и всей нервной системы, тогда имеющиеся в душе первоначальные силы слишком слабы для того, чтобы воспрянуть и воспринимать и созерцать окружающее. Перевести то, что ночью является слишком слабым для восприятия своего окружения, привести это в такое состояние, чтобы при известных условиях — не всегда — оно могло в состоянии обычного сна воспринимать то, что нас во сне окружает, — достигнуть этого можно при помощи средств, которые даются в целях обучения в оккультном познании. Так что человек может воспринять тогда дальнейший, новый, можно было бы сказать, — если бы это слово не было бы, в известном смысле, всё же неподходящим, — внешний, по сравнению с прежним, мир.

Следовательно, в основном, это есть изменение души, которое означает укрепление, увеличение энергии внутренних душевных сил. Когда произойдёт это изменение, это укрепление, то человек знает, из чего, собственно, состоит то, что при засыпании выходит из физического тела

и при пробуждении снова входит в физическое тело. И он знает тогда: в том, что во время сна выходит из тела, содержится внутреннее ядро его существа, которое с рождением вступает в физическое тело и, когда человек проходит через врата смерти, снова выступает из физического тела. И тогда человек также знает, как: он живёт в духовно-душевном мире в период между смертью и новым рождением. Короче говоря, человек учится познавать духовно и учится также познавать свое окружение, которое здесь духовно и которое ускользает от обычного сознания. Но в этом духовном мире лежат истинные первопричины бытия, причины также всего физического, чувственного бытия, так что, благодаря оккультному способу познания, человек достигает способности созерцать первопричины бытия. Но он достигает этой способности только после того, как сначала претворит себя в другого рода познающее существо, чем то, каким он является в обычном сознании.

Следовательно, оккультизм может быть доступным для человека только, если он начнёт действительно применять к себе те приёмы, которые предлагаются ему в оккультном познании. Дело обстоит так, — на это указывается также в литературе и об этом говорилось уже в этих лекциях, — дело обстоит так, что до сих пор в развитии человечества далеко не каждый мог воспитывать себя таким образом, чтобы взирать непосредственно в духовный мир, то есть указанным образом проникать к первопричинам бытия. Средства, дающие возможность проникнуть к первопричинам бытия, давались всегда в более тесных кругах, где строго следили за тем, чтобы человек имел сперва подготовительное воспитание, которое делало его зрелым для принесения к своей душе методом оккультного познания, прежде чем ему будут предложены высшие способы оккультного познания.

Легко понять, почему это так должно быть. Ибо высшее оккультное познание ведёт к основам бытия, вводит в те миры, из которых, некоторым образом, создан наш мир, так что вместе с этими оккультными познаниями человек достигает также известных способностей, которых обычно он не имеет. Проникая к первопричинам бытия, человек получает возможность совершать вещи, которых он не может выполнить средствами обычного познания. И есть один такой факт, который делает это вполне ясным. Мы ещё будем обсуждать этот факт более подробно. Сегодня же мы только отметим его, чтобы показать, почему не каждому могли быть даны оккультные методы познания. Это есть тот именно

факт, что во время земного развития человеку необходимо должен был быть привит эгоизм. Без эгоизма человек не мог бы выполнить своей земной задачи, ибо она заключается именно в том, чтобы от эгоизма развиться до любви и любовью облагородить эгоизм, преодолеть, одухотворить. В конце земного развития человек будет пронизан любовью. Но он может в свободе развиться до этой любви только благодаря тому, что сначала его существу был привит эгоизм. Но эгоизм действует в высшей степени опасно и вредно, именно, когда он предпринимает нечто, лежащее за пределами мира обычного сознания. Если эгоизм, которым проникнута, в сущности, вся человеческая история, порождает непрерывный ряд зол уже в обыкновенной, чувственной жизни, то всё же нужно сказать, что вред, причиняемый эгоизмом в обыкновенной жизни, совершенно ничтожен по сравнению с теми величайшими повреждениями, которые он производит, когда может полностью действовать с помощью средств оккультного познания.

Потому необходимой предпосылкой было всегда, чтобы те, кому давались средства оккультного познания, обладали столь строго подготовленным характером, чтобы, несмотря ни на какие, даже сильнейшие соблазны мира, никогда не пожелать действовать в духе эгоизма. Это есть первое, глубоко значительное требование при подготовке к оккультному познанию: чтобы характер тех людей, которые допускались к этим познаниям, не позволял им злоупотреблять этими оккультными познаниями в эгоистическом смысле. Этим, естественно, создавалось такое положение, что постепенно с ходом развития человечества только немногие могли быть избраны для принятия в те оккультные школы, которые в древние времена назывались мистериями или ещё как-либо иначе, и что таким образом, только этим немногим давались средства к тому, чтобы подняться к такому оккультному познанию. Оккультные познания, которых достигли тогда эти немногие, имели совершенно определённые свойства, совершенно определённые особенности. То, что я хочу привести сейчас как особенность оккультного познания, это изменяется, в известном отношении, именно в наше время; но это было свойственно, в основном, всем в правильном смысле так называемым оккультным школам. В этих оккультных школах, где людям преподавались средства оккультного познания, было необходимо, среди многих вещей, которые требовали

преодоления для того, чтобы преодолеть именно эгоизм,— было необходимо также следующее: не говорить обыкновенными словами в мистериях, в оккультных школах; не объясняться посредством обычных слов, как объясняются в жизни внешнего сознания.

Ибо известного рода, хотя и более тонкий, можно сказать высокий, эгоизм всё-таки проникает в человека благодаря тому, что он пользуется словами, мыслями и понятиями, которые употребляются во внешней жизни. Здесь вступают в силу все те же вещи, которые не позволяют человеку явиться человеком вообще, но заставляют его быть членом определённого народа,— со всеми эгоизмами, которые свойственны ему именно потому, что он вполне правомерно для внешней жизни любит свой народ. Для внешнего сознания это вполне естественно, и так это должно быть, чтобы люди имели эти более тонкие высшие оттенки эгоизма; и в известном отношении, эти высшие эгоизмы суть даже нечто наиболее похвальное в жизни.

Но для высших, всеобщих человеческих познаний, которые надлежит искать за пределами жизни обычного сознания, мы не смеем приносить также и этих высших, утончённых эгоизмов. Поэтому подготовка в оккультных школах происходила так, что сначала создавался, так сказать, общечеловеческий язык. В этих школах применяли не язык обыкновенной жизни, но такой язык, который действует на людей иначе, чем всякий другой язык, на каком говорят в том или другом месте. Это был язык, который действовал не в словах и мыслях, как преподают в обычной науке, а в символах. Для тех, кто знает математику, совершенно ясно, что она имеет всеобщее значение благодаря тому, что были избраны символы, которые могут быть применяемы повсеместно. Благодаря тому, что были избраны эти символы,— что люди возвысились, так сказать, до создания такого языка, который говорит в символах,— они поднялись над тем, что примешивается к нашему суждению к нашему обыкновенному сознанию как эгоизм, как высшие оттенки эгоизма. Но благодаря этому в отношении того, что хотели изобразить и сказать, эти люди могли быть поняты так же лишь теми, кто сперва изучил этот всеобщий язык, эти символы. Этот язык состоял из символов, которые можно было нарисовать, которые выполнялись движениями рук в ритуалах, выражались сочетанием красок и т.д. И главное в этих школах было не то, что сообщалось в словах,— ибо это была лишь подготовка,— а то, что говорилось на языке

символов, независимо от обыкновенных человеческих слов и независимо также от обыкновенных человеческих мыслей. Итак, первое в оккультных школах,— это было создание символического языка.

В древнейшие времена посвящённые участники мистерий считали строгой обязанностью не открывать во вне ничего из всеобщего языка мистерий, из всеобщих символов, ибо, узнав символы и будучи достаточно проникательным, человек мог неподготовленным подойти к способам оккультного познания. Создание символов было средством говорить на всеобщем человеческом языке. Сохранение символов в тайне было средством не допустить до незрелых людей то, что эти символы выражали.

Таким образом, уже благодаря самой необходимости говорить или пользоваться языком символов создавалась невозможность широкого распространения знания мистерий. Поэтому истинное мистериальное знание, подлинный оккультизм был всегда хранимым в оккультных школах, доступным путём оккультного обучения познанием человечества, и сообщение этого познания человечеству ограничивалось выше охарактеризованными более тесными кругами.

Но есть, некоторым образом, ещё другая причина, почему повсеместно не могло быть сообщено то, что представляет собой оккультизм. Ибо если, с одной стороны, человеку необходимо сперва стать свободным от эгоизма, прежде чем он смеет проникнуть в тот мир, который ему должен открыться, то, с другой стороны, человек оказывается не в состоянии,— после того, как сила познания в нём изменяется, и он приходит благодаря самовоспитанию к тому, чтобы созерцать в этом, совсем иначе построенном мире,— не в состоянии уже пользоваться обыкновенными человеческими понятиями и человеческими идеями.

Создание символов имеет ещё и эту вторую задачу и цель: создать средства выражения для того, чего действительно нельзя выразить в обыкновенных человеческих словах и понятиях. Ибо оккультизм берёт человеческое существо там, где оно не связано с чувствами и мозгом, а находится вне чувств и мозга. Но все обыкновенные слова отчеканены такими, как они возникли из деятельности мозга и из внешнего созерцания; и как только человеку открывается оккультное познание, так он сразу же чувствует, что не может выразить его

обыкновенными словами. Оккультные познания таковы, что они достигаются вне физического тела. Выговорить их средствами, полученными через физическое тело, является в начале оккультных познаний вообще ещё невозможным.

Однако, оккультное познание совсем не есть нечто, существующее лишь для того, чтобы быть знанием для некоторых любопытствующих людей, но он есть содержание того, что является в то же время самым необходимым, самым существенным для человечества. Оккультное познание есть переживание первооснов бытия, — первооснов человеческого бытия, прежде всего. Поэтому оккультное познание всегда должно было проникать в жизнь, должно было сообщаться жизни. Вследствие чего должны были быть изысканы способы делающие возможным внести оккультные познания в жизнь, делать понятной для людей их своеобразную природу.

Первый способ сделать оккультные познания понятными для человека, — есть и всегда было то, что мы называем теперь теософией. Переводя оккультные познания в теософию, мы отказываемся от существенной особенности оккультных познаний, — а именно от того, чтобы говорить только с помощью самых возвышенных средств. Мы переходим к тому, чтобы облечь эти оккультные познания в обыкновенные человеческие слова и человеческие понятия. Поэтому в качестве теософии оккультизм выступает таким образом, что при сообщении его какому-либо народу берутся представления и понятия этого народа, чтобы облечь в них общечеловеческие оккультные познания. Но благодаря этому оккультное познание специализируется, так как тогда оно становится сообщениями, облечёнными в слова только одной части человечества. И, таким образом, произошло то, что те, которые в оккультных школах пришли к обладанию оккультным знанием, специфицировали и дифференцировали его именно потому, что они должны были облечь его в обособленный язык данного народа, ибо они должны были облечь в язык народов то, что в оккультном познании является общим достоянием человечества.

В мистериях, — при перенесении общего для всего человечества достояния оккультизма в особые формы отдельного народного языка или отдельной народной души, — всегда сохранялась цель и намерение оставаться как можно более общечеловеческим.

Но, в то же время, нужно было сделать себя понятным,

нужно было высказываться на языке, которым говорит народ, нужно было высказываться в понятиях, которые образовал этот народ. Поэтому отдельные теософы, которые выступали в человечестве, должны были считаться с необходимостью быть понятыми для той специальной цели и в той специальной области, о которой они говорили.

Совсем нелегко выразить на отдельном языке, в определённых формах понятий всеобщее оккультное достояние человечества. И всё же в значительной степени это происходило в различных областях земли и исторической жизни. И если оккультизм в собственном смысле есть то, к чему человек приходит, когда применяет к себе средства ясновидческого самовоспитания и, таким образом, поднимается до высшего созерцания, то теософия есть то, что выступает навстречу человеку в понятиях и идеях, которые он имел уже прежде и в которые только облечены оккультные познания.

Если только оккультные познания правильно облечены в обыкновенные понятия и идеи, то они будут понятны также и для того, кто имеет здоровую силу суждения и даёт себе труд понять эти вещи. Поэтому теософия является совершенно понятной при добром усилии для здорового человеческого ума. Не следует говорить: только тот может уразуметь оккультизм, кто сам придет к оккультному видению. Когда оккультные истины облечены в формы понятий,— как в теософии,— то они будут понятны для здорового человеческого ума.

Но существуют известные законы развития человечества, о которых мы будем ещё говорить, и которые с течением времени делают необходимым — можно было бы сказать — изменять, дифференцировать, в свою очередь, также и теософию. Между тем, как, возвращаясь в более ранние времена человеческого развития, мы находим у древнейших народов (не у тех упадочных народов, которые непонимающая себя самоё антропология называет «первобытными народами», а у тех древнейших народов, которые показывает нам теософия), — мы находим мистерии и тайные школы, передающие немногим отдельным лицам оккультные знания, и, наряду с этим, то, что возвещается всем как теософия, как облечённые в идеи народа оккультные познания, — в позднейшие времена это несколько изменяется. Тогда теософская форма, — бывшая в древности почти единственной, в которой человек мог

подняться до первопричин,— переходит в религиозную форму, которая всюду считается с тем, что хотя теософия и может быть понята здоровым человеческим умом,— если он будет достаточно широк, — но что с постепенным развитием исторической жизни люди не всегда смогут занять эту всеобъемлющую точку зрения здорового человеческого ума. Так что следовало позаботиться о тех человеческих душах, которые в силу самой внешней жизни, не имели возможности взять точку зрения здорового человеческого ума на той высоте, как это было в древности и как это необходимо для того, чтобы сделать оккультные истины понятными. Было необходимо для тех душ, которые не могли уже достигнуть до всеобъемлющей точки зрения, создать для познания ими первопричин бытия род познания через веру.

Из своего рода познания через чувство, которое развивалось также в мистериях, вышла религиозная форма познания, которая со временем стала более популярной, более доступной, чем первоначальная теософская форма. Поэтому если мы вернёмся в прошлое развитие человечества, то найдём как древнейшую форму мира.....не религию собственно, как её понимают теперь. Если мы вернёмся в первую послеатлантическую эпоху, а древнейшую индийскую эпоху, то найдём, в сущности, оккультное тайноведение, распространённое так широко, что народ мог принимать участие в; этом познании и форме теософии. Для древнейшей индийской эпохи религии, в сущности, совпадает с теософией. Религия не индентся там чем-то отдельным, обособленным от теософии. Поэтому если мы проследим развитие религии в прошлом, то найдём в её исходной точке теософию. Но с ходом развития человечества всё больше должна была выступать религиозная форма и являлась необходимостью отказаться также от того, чтобы человек понимал своим здоровым человеческим умом то, что может предложить теософия. Тогда теософские истины были переведены в истины веры.

И когда от древнейших времён мы переходим к более поздним, то видим, что вместе с христианством происходит величайшее изменение,— изменение теософской формы в религиозную. Во внешних христианских исповеданиях, которые развивались в ряде столетий, очень мало заметно, прежде всего, теософия. Тогда древний характер теософии совсем отстывает, и мы видим, что и развитию христианства рядом с верой появляется геология, а не теософия, которую теологи преследуют даже с известной ненавистью, во всяком

случае — с антипатией и неприязнью. Таким образом, МЫ ВИДИМ, ЧТО с течением времени христианство развивает, наряду с популярной верой, именно теологию, а не теософию, и, наоборот, отвращается от всего теософского.

Третья форма, в которую облакалось затем стремление человека проникнуть к первопричинам бытия, есть философия. Между тем как оккультное познание достигается человеческим существом, — поскольку оно свободно от физического тела, — и между тем как теософия передаёт оккультные познания во внешних мыслях и во внешних словесных выражениях, философия стремится достигнуть до мировых основ теми средствами познания, которые хотя и являются наиболее тонкими и изощёнными, но которые связаны всё же с орудием мозга. Философия, какой она выступает в собственно философский период развития человечества, не хочет — в противовес теософии — давать чего-либо, добытого, прежде всего, вне человеческого тела; но она хочет подойти к первопричинам бытия средствами обыкновенного познания, которые применяются в теле.

Так что находить философские истины человек стремится, хотя и тончайшими средствами, какие только имеются в теле, но всё же именно теми средствами познания, которые связаны с телом.

Поэтому философия имеет, в сущности, ту же цель, что и оккультизм и теософия: а именно, прийти к первопричинам бытия; но философия стремится с помощью мышления, — тех средств исследования, которые связаны с мозгом и с внешним восприятием, проникнуть к первопричинам бытия так далеко, как это вообще возможно для этих средств исследования.

Но благодаря тому, что философия действует с помощью утончённейших, изощённейших средств познания, — хотя и таких средств познания, которые связаны с мозгом и с внешним чувственным восприятием, — она является опять-таки уделом только немногих людей. Только немногие пользуются этими тончайшими средствами познания. Мы слишком хорошо знаем, как философия есть то, что не может стать популярным, что большинством людей ощущается как нечто чрезмерно трудное, если не просто скучное.

Но мы должны именно принять во внимание, что философия действует связанными с чувствами средствами познания и избирает из этих средств наиболее тонкие,

изоощрённые. Благодаря тому, что в философии человек пользуется теми средствами, которые связаны с его личностью, философия без сомнения, есть нечто личное. Но, с другой стороны, благодаря тому, что, поднимаясь до утончённейших средств познания, человек имеет всё же случай до известной степени снять с себя личное, философия становится чем-то всеобщим.

Заметить всеобщее в философии может только тот, кто глубже войдёт в неё. Что она есть нечто личное, к сожалению, люди замечают слишком скоро. Между тем, как тот, кто глубже войдёт в область философии, находит основные причины, которые одинаковы у видимо столь различных мыслителей, как древние греческие философы Парменид и Гераклит; люди отмечают прежде всего разницу между последними и столь им враждебным собратом, как Шопенгауэр. Кто берёт философию с внешней лишь стороны, тот видит только то, что разбивает философию на различные точки зрения, и он не видит последовательности в развитии этих личных, человеческих точек зрения.

Так философия становится, в известном смысле, противоположностью оккультизма; ибо философию человек должен добывать своими личными средствами; до оккультизма же он достигает только тогда, когда освободится от личности. Поэтому тот, кто философски совершенно правильно ставит свою личность перед людьми, с таким трудом может быть понят другими. Но когда удаётся оккультизм облечь в общеупотребительные слова и идеи, то известное понимание находится почти по всей земле. Оккультизм именно устраняет всё личное. Он не есть философская система, которая исходит из личности, а, напротив, то, что исходит из вне-личного и поэтому становится общепонятным. Когда оккультизм делает усилие, чтобы стать теософией, то он имеет стремление — и, в известном смысле, может этого достигнуть — говорить к каждому человеческому сердцу, к каждой человеческой душе.

Из той характеристики, которую я дал вам как введение, как род подготовки, вы можете усмотреть, какие особенности во вне будут иметь оккультная, теософская и философская точка зрения.

Оккультная точка зрения в своих результатах всегда одна и та же для всего человечества. Поистине, не существует различных оккультных точек зрения. Различных оккультных

точек зрения действительно не существует так же, как не существует различных математик. По какому-либо вопросу в оккультизме нужно только иметь истинные средства, чтобы достигнуть познания; тогда достигают того же самого познания, которого достигает всякой другой, кто имеет правильные средства. Поэтому не верно, что в оккультизме могут существовать разные точки зрения в высшем идеальном смысле, как не может быть разных точек зрения в математике.

Поэтому оккультизм, также и в отношении опыта, где бы он ни проявлялся, был всегда единым оккультизмом. И если в теософиях, которые выступали и которые представляли собой внешнее деяние оккультизма, оказывались различия, то это происходило именно потому, что для одного народа, для одной эпохи человечества надлежало избрать иное одеяние, чем для другого народа и для другой эпохи человечества. В этом одеянии и в образе мыслей состоят различия теософий на земле.

То, что может лежать в основе оккультизма, — это повсюду одно и то же. Благодаря тому. Что были различными, смотря по наряду и по эпохе. Оккультизм не знает таких различий, как религия; не знает такой дифференциации, при которой он мог бы быть побуждаем к сопротивлению, к вражде против другого. Этого, именно, нет в оккультизме, так как он есть то, что может быть достигнуто повсюду как единое достояние человечества. Поскольку теософия должна стараться, особенно в наше время, быть отвечающим современности отделением оккультизма, она должна иметь стремление воспринимать в себя как можно меньше тех различий, которые выступили в человечестве. Она должна стремиться, насколько это возможно, быть верным выражением оккультных содержаний и оккультных положений. Поэтому она должна по необходимости стремиться, именно, преодолеть отдельные мировоззрения и религиозную дифференциацию, в частности.

Всё больше и больше должны мы учиться тому, чтобы не иметь теософии с какой-нибудь определённой окраской. Ибо постепенно в развитии человечества произошло так, что, благодаря религиозным — я не хочу сказать — предрассудкам, а благодаря предвзятым ощущениям и мнениям, теософии получили свои особенные окраски и оттенки. Но в идеале теософия должна быть всегда выражением оккультизма. Поэтому не может быть

буддийской, или индуистской, или зороастрианской, или христианской теософии. Конечно, для отдельных народностей должны быть приняты во внимание своеобразные представления и понятия, с которыми выходят навстречу оккультизму. Но в то же время, в идеале, - теософия должна быть чистым выражением оккультных истин. Поэтому, в известном смысле, отступлением от великих положений оккультистов всего мира был, например, факт появления в отдельных кругах Средней Европы теософии, которая назвала себя христианской. В действительности, христианской теософии не может быть так же, как и буддистской, или зороастрианской.

По отношению к религиям теософия должна стать на точку зрения объяснения религиозных истин, на точку зрения понимания их. Тогда оказывается, что религиозные истины как таковые суть особые формы, особые выражения той или другой стороны единого оккультизма и что постигнуть самый оккультизм можно только, если брать его независимо от всех этих различий.

Мы уже отметили, что вышесказанное следует рассматривать как идеал. И если понятно, что отдельные теософские одеяния оккультизма будут всегда принимать различные формы в мире, хотя все оккультисты едины в своих познаниях, то, с другой стороны, опять-таки именно в наше время должна быть создана возможность общего для всех высказывания об оккультизме. Это достигается только, когда есть действительно добрая воля к тому, чтобы снять те особые различия, которые проистекают из предвзятых мнений и ощущений. Но можно сказать, что в известном отношении, мы должны быть рады уже к тому, если достигнем свободных от расхождения суждений о самых элементарных вещах оккультного познания. Это будет возможно в более широком объёме, прежде всего, в отношении важнейших оккультных познаний о реинкарнации и карме. Поскольку теософия распространится и станет выражением оккультных познаний, она будет прежде всего стремиться распространить на земле великие истины о реинкарнации и карме. И тогда эти истины снимут укоренившиеся на земле религиозные предубеждения.

Дальнейшим идеалом было бы осуществление в человечестве того дела мира, которое установило бы единство и гармонию в отношении высших областей оккультного познания. Но это — трудно достижимый идеал.

Достаточно вспомнить, как глубоко современный человек,— в своих понятиях, в своём воспитании,— погружён в религиозные предубеждения и предвзятые мнения, чтобы понять, как трудно дать в теософии что-нибудь не окрашенное религиозной предвзятостью, но являющееся, насколько это возможно, истинным крещением оккультизма.

В известных границах будет понятно, что буддист, пока он стоит на точке зрения буддистского исповедания, будет всегда отклонять точку зрения христианина. И если теософия примет буддистскую окраску, то, естественно также, что эта буддистская теософия будет относиться враждебно или без понимания к оккультизму. Столь же понятно, что в области, где господствуют христианские формы, будет, в свою очередь, трудно прийти к объективному познанию, скажем, тех сторон оккультизма которые нашли своё выражение в буддизме. По идеалу надлежит понять как одно, так, так и другое, и установить полное гармонии и мира понимание по всей земле.

Буддист и христианин, если они станут теософами,— поймут друг друга, найдут точку зрения гармонического примирения. Перед теософом возникает как идеал образ единого оккультизма, освобождённого от религиозных предрассудков. Христианин, ставший теософом, поймёт буддиста, который говорит ему: «Невозможно, чтобы Бодисаттва, который есть человеческое существо, проходившее ряд воплощений и только в одном случае, в момент смерти Судходханы, ставшее Буддой,— невозможно, чтобы после того, как он стал Буддой, он мог бы вернуться в человеческое тело; ибо с достоинством Будды достигнута столь высокая ступень человеческого развития, что данный индивидуум не нуждается уже в возвращении в человеческое тело!»

Христианин скажет буддисту: «Хотя до сих пор христианство ничего не открывало мне о таких существах, как Бодисаттва, но, поднявшись до теософии, я учусь познавать, что не только ты, имеющий эту истину из своего познания, но что и я также должен признать эту истину». Теософ будет стоять перед буддистом, говоря: «Я знаю, что такое Бодисаттва; я знаю, что буддист говорит полную истину об известных существах, - истину, которая могла быть высказана именно там, где распространялся буддизм; я понимаю, когда буддист говорит: «Будда не возвращается в

телесный организм». Христианин, ставший теософом, понимает буддиста, ставшего теософом. И, встречая буддиста, христианин может сказать ему: «Если проследить содержание христианского исповедания, если исследовать его, как оно исследовалось в оккультных школах в отношении лежащих в основе его оккультных фактов, то оказывается, что под существом, которое обозначали именем Христа (это имя могло быть неизвестно другому, то есть буддисту), разумели сущность, до Мистерии Голгофы никогда не бывшую на Земле, сущность, которая проходила иные пути, чем земные инкарнации, которая затем должна была однажды быть в физическом теле и, что главное,— в этом физическом теле прошла через смерть,— и именно совершенно определённым образом (распятие и воскресение); сущность, которая через эту смерть стала тем, чем она стала для известной части человечества и должна стать для всего человечества; сущность, которая не может опять появиться в физическом теле, ибо это противоречило бы всей природе Христа».

Когда буддист, ставший теософом, услышит это от христианина, то он скажет: «Так же, как ты понимаешь, что я никогда не могу допустить, что Будда, — после того, как он стал Буддой,— вернётся в физическом теле, как ты понимаешь меня благодаря признанию того, что было дано мне как истина, так и я признаю ту часть истины, которая была дарована тебе. И стремлюсь познать то, чего ты не можешь найти в своём исповедании, — а именно, что в начале христианства стоит не учитель, а деяние; ибо оккультист ставит в исходный пункт христианства не Иисуса из Назарета, а Христа», и он ставит в исходный пункт Мистерию Голгофы.

Буддизм отличается от христианства тем, что он имеет в своей исходной точке учителя; христианство — имеет деяние, искупительное деяние Голгофы через смерть на кресте. Не учение, а дело является предпосылкой христианского развития. Это понимает буддист, ком который стал теософом. И он принимает,— дабы установить гармонию в человечестве,— то, что даётся как оккультная основа христианства. Буддист нарушил бы гармонию, если бы захотел применить к христианству свои буддистские понятия. Как христианин, когда он становится теософом, обязан понять буддизм, исходя из буддизма, и не переиначивать понятий о Бодисаттве и Будде, а понимать их такими, как их содержит в себе буддизм, так обязанностью буддиста

является принять христианские понятия такими, как они есть, ибо они образуют оккультные основы христианства. И как нельзя сблизать то, что обозначается именем Христа, с тем, что по природе своей стоит ниже, — с наименованием Бодисаттвы, так же нельзя, оставаясь верными идеалу теософии, давать в ней что-либо иное, кроме отблеска единого оккультизма.

Перенесение на Христа особенностей Бодисаттвы означало бы препятствие для великой умиротворяющей миссии теософии. Но эта миссия будет достигнута, если теософия будет стремиться приблизить к человечеству единые первоосновы бытия в той научной форме, которая отвечает нашему времени. Если мы на Западе без предубеждения поймём буддизм, или браманизм, или зороастрианство, если христианство будет понято в надлежащей форме, тогда через некоторое время станет возможным познать основы христианства и найти последователей для познания таким образом идей христианства.

Люди не всегда поднимались до признания того факта, что в исходной точке христианства стоим деяние и что поэтому нельзя говорить о возвращении Христа в физическом теле. Поэтому в течение столетий постоянно всплывали воззрения, которые говорили о возвращении Христа. Они были всегда преодолеваемы и будут всегда преодолеваемы, ибо они противоречат великой единой жизненной миссии теософии, которая должна быть единым выражением оккультизма. Оккультизм всегда был единым и не зависит ни от какой буддистской и христианской окраски, и поэтому может объективно понять как мусульманство, так и зороастрианство, и буддизм; может также понять и христианство.

Это даёт нам понимание того факта, каким образом в предыдущем развитии человечества всеобщий оккультизм принял в теософии столь различные формы. Мы увидим, почему в наше время великий идеал должен заключаться не в том, чтобы одна религиозная форма одержала верх над другой, но чтобы различные религиозные формы поняли друг друга. Но предварительным условием для этого является взаимное действительное понимание,— понимание оккультных основ, которые являются одними и теми же во всех религиях.

Этим я попытался дать вам род введения, род подготовки

к тем значительным исследованиям, в начале которых мы стоим.

Вторая лекция. 4 июня 1912 г.

Мои милые друзья! Первое, что необходимо для того, чтобы мы могли рассматривать человека с трёх точек зрения, — с оккультной, с теософской и с философской точки зрения, — есть то, чтобы мы сказали прежде всего об оккультной точке зрения; и будет хорошо, если, говоря сегодня об этой оккультной точке зрения, мы обрисуем как в жизни человеческого развития до сих пор тот или другой человек приходил к тому, чтобы подняться до этой оккультной точки зрения, до оккультного созерцания мира.

Мы сказали уже в подготовительной, вводной лекции, что в прошлом развитии человечества вполне закономерно всегда только немногие признавались зрелыми для участия в свершениях мистерий, в событиях оккультных мест обучения, которые приводили человека к оккультному созерцанию. Итак, о развитии этих немногих мы будем прежде всего говорить. Из других, прочитанных мною лекций, становится также ясным, что мы стоим теперь в таком моменте развития, когда, благодаря популяризации теософского элемента всё большее и большее количество людей будет принимать участие в оккультной жизни, гораздо более чем те немногие, которые участвовали в ней в течение прошлого развития человечества.

Таким образом, в наши дни то, что нам предстоит рассмотреть, касается каждого человека, который чувствует, что в будущем также и оккультное знание, знание о скрытых сторонах бытия, в известном отношении не должно уже оставаться сокрытым. Что в соответствии с требованиями более развитых людей оно должно получать всё большее и большее распространение.

Человек, который хотел прийти к оккультному познанию, должен был, прежде всего, направить свой взгляд от внешнего мира на свои собственные душевные силы. Но так как он оставался во внешнем мире действующим человеком, то его оккультное развитие было, в сущности, его личным делом, — можно было бы сказать, — делом, которое он имел для себя. Во внешнем мире он оставался человеком среди других людей, человеком с обязанностями, которые

возложила на него жизнь. В начале это оккультное развитие направлялось главным образом на выполнение различных предписаний, касающихся особого воспитания душевных сил оккультного ученика.

Первое, к чему должен был прилагать старания такой человек, можно облечь в слова: он должен был примириться со своей кармой в отношении всего того, что касается воли. Итак, примирение со своей кармой,— со своей судьбой, могли бы так же сказать,— было первое, к чему должен был прилагать старание оккультно развивающийся человек.

Но вы совсем не должны думать, что для этого примирения со своей кармой нужна тотчас же обширно развитая теория кармы. То, что в этой связи называется «примирением со своей кармой», есть скорее особого рода культура, воспитание, самовоспитание ощущений и чувств. Если вы предположите, что человек начинает своё оккультное развитие, то согласитесь, что до момента, когда он начал это развитие, он жил по примеру внешних людей, жил, как один из этих людей, то есть занимал то или иное положение в жизни, усваивал себе те или иные мысли, ибо эти мысли давали ему возможность действительно выполнять те внешние действия, которые он должен был выполнять по своей профессии или вообще, по своему положению в жизни.

Далее он признавал за собой известные обязанности, круг обязанностей, которые возлагали на него нравы или его общество. Заранее можно предположить, что человек, который не был в согласии с тем, чего требовал от него окружающий мир, то есть человек, не выполняющий своего долга, не почувствует стремления к оккультному развитию.

Как правило, люди, которые могли быть призваны к оккультному развитию, обладали действительными способностями в своём жизненном положении, и были готовы подчиняться кругу обязанностей, возлагаемых на них нравами и общественным порядком. Но в том, что имеется в человеке, как его способности, как его умения в жизни, в том, что окружает человека, как принятый на себя круг обязанностей, во всём этом лежит, собственно, позитивная карма, в которую человек был поставлен. В этом выражается его карма.

И первое, что требовали и возлагали на того, кто некоторым образом должен был выйти из этого чисто жизненного положения и вступить в исследование духовного

мира,— было то, что он известным образом принял эту свою жизненную карму, то есть дал себе самому и тем, кто помогал ему проникнуть в оккультный мир, обещание прежде всего ни в каком случае не использовать, во внешнем жизненном положении того, что достигается на поле оккультного опыта. Он должен был направить свою волю таким образом, чтобы человек, который стоит во вне и наблюдает того, кто развивается оккультно, не нашёл бы никакой заметной разницы, между тем, как этот оккультно развивающийся человек поступал в своей внешней жизни раньше, и тем, как: он поступает после того, как сделал уже некоторые шаги в оккультном исследовании.

Итак, не вмешивать того, что даёт человеку оккультное исследование, в жизнь физического плана: это есть примирение со своей кармой, это есть отказ от того, чтобы при помощи оккультных средств искать выгоды для внешнего жизненного положения.

Мы, правда, увидим, что известное преуспевание во внешнем жизненном положении, при правильном, регулярном пути, всё-таки наступает. Но этого не имелось в виду при том, что, как сознательное обязательство должен был взять на себя тот, кто допускался до оккультного пути. «Ты не должен использовать своего развития для того, чтобы достигнуть преимущества перед своими братьями во внешней жизни, но ты должен руководствоваться в этой жизни теми же правилами, какими ты руководствовался до сих пор». Это постоянно всё снова и снова запечатлевалось теми, которые проходили оккультное развитие. Это было первым отречением, которое должен был выполнять проходящий оккультное развитие, ибо этим он заранее уже отказывался от того, чтобы — в эгоистическом смысле — употреблять средства оккультной жизни.

Выше сказанное вы должны понимать совершенно точно и дословно,— то есть: ничего не убавлять, и ничего не прибавлять к этому. Тогда вы заметите, что это относится к тому, что данный человек в силу возложенной в него кармы, в состоянии выполнить во внешнем мире или в чём состоит его долг.

Но вместе с этим из всего оккультного стремления заранее исключается эгоистическая воля человека. Её исключают совершенно сознательно. Уже один этот факт вызывает изменение в душевном настроении человека.

Чтобы понять это, обдумайте только следующее. До сих пор для человека, который вступает в оккультное развитие, внешний круг обязанностей, внешнее положение в жизни было, так сказать, единственным, чему он себя посвящал, единственным миром, в котором он жил. Теперь он взял на себя обязательство, жить и этом мире, прежде всего по тем же самым правилам, по которым он жил до сих пор, и вместе с тем он должен сохранять ещё силы и для чего-то другого.

Тем самым для него заранее проведена граница между двумя областями сил, в которых он действует. Для него сразу же открывается мир, о котором он до сих пор совсем не заботился, к которому до сих пор не имел никакого интереса. Это чрезвычайно важно. Ибо для каждого человека начинается полный круг жизни, новый отрезок жизни, когда в его жизнь вступают новые интересы,— интересы, которые хотят утверждать за собою свою область.

Таким образом, заранее предполагалось, что чувство, что весь мир ощущений, круг интересов будет затронут новым миром, тем миром, в котором до сих пор человек не стоял. Внешнее выражение этот факт, о котором я вам только что рассказал, находил себя в том, что особенно в древних мистериях и тайных школах, в местах обучения оккультному развитию, всегда строго следили за тем, чтобы не вводить человека ни и какую коллизию, ни в какую дисгармонию с внешним кругом его интересов. Поэтому от него строго требовали, чтобы в отношении всего, что возлагала на него его профессия, что возлагал на него круг его обязанностей перед государством или другими объединениями, в которых он состоял, он в самом широком объёме выполнил свой долг; и люди, которые как-либо обнаруживали своё несогласие с этим, которые противились кругу внешних обязанностей, совсем не принимались в оккультные школы.

Я передаю вам просто факты прошлого оккультного развития. Поэтому вы найдёте, что те, которые уже во внешней жизни выступали так, что в том или другом отношении они противились порядку, внутри которого жили, не были членами какой-либо школы мистерий или места оккультного обучения.

Второе, что требовалось, было уже гораздо труднее. Возьмём человека, который дал себе и, так сказать, своему учителю то обещание, о котором говорилось выше. Далее он должен был сказать себе: «В свою волю, поскольку эта воля выступает на физическом плане, я не позволю влиться тому,

что мне будет дано, как результат оккультного опыта». Но он вступает в круг оккультного опыта со всем остальным, что принадлежит ему, как человеку, то есть со всеми своими душевными силами, которые — за исключением воли — он может применить, как применял их раньше. Воля была связана в нём тем, что он дал охарактеризованное выше обещание, но всё остальное, что было в его распоряжении на физическом плане,— то есть силу его суждения, его фантазию, его память, движения его чувства, и так далее, с которыми он действовал раньше на физическом плане,— всё это он мог применять также и теперь; с их помощью он мог и теперь ещё действовать на физическом плане.

Возьмём хотя бы рассудок. Рассудок есть способность души, которая даёт нам возможность распознавать, составлять суждения о фактах жизни. Без него мы не обойдёмся во внешней жизни на физическом плане. Мы должны, так сказать, на каждом шагу применять этот наш рассудок. Но предположим, что, сделавшись членом оккультного общества, человек получает результаты оккультного опыта, познания, касающиеся того, что он делает в своём жизненном положении. Для своей воли он не может употребить этих познаний. Но ничто не мешает ему (если он удержал себя в отношении воли), применять свой рассудок таким образом, чтобы, встречаясь с людьми и вещами, которые выступают перед ним на физическом плане, разумно наблюдать их с помощью всех тех средств, какие он имеет теперь в результате оккультного опыта. Итак, хотя результаты оккультного опыта нельзя было вносить в свои действия, в свои волевые решения, но суждения человека, как оккультного ученика, о существах минерального царства, растительного царства, животного царства, суждения о других людях, применение рассудка в обычном мире,— всё это можно было ставить под влияние оккультного опыта.

Вы видите, что с этим связана строгая самодисциплина характера оккультиста. Ибо, что является более естественным для человека, который встречается в жизни с другими людьми и хочет действовать, как не то, что в своём жизненном положении он действует, применяя свои знания, руководствуясь этими знаниями, когда, например, его рассудок указывает ему, что он имеет дело с нравственно мало достойным человеком. Конечно, будет вполне естественно и само собою понятно, если в обычном мире он сделал это.

Оккультист не может этого делать. Правда, он может теми средствами, какие даёт ему оккультный опыт, обогатить свой рассудок, может лучше, чем прежде проникать в характер другого человека и знать, что перед ним нравственно мало достойный человек; он может также руководствоваться этим знанием в том, что он делает для этого человека, так по отношению к этому человеку он не принял на себя обязательства, но принял его только по отношению к своему жизненному положению. Он не взял на себя обязательства не применять своей воли к тому, что он делает для другого человека. Но относительно того, что он делает для себя, он взял обязательство примириться со своей кармой и не употреблять своих познаний, которые открываются ему, когда он применяет свой рассудок, укреплённый средствами оккультного опыта.

Возьмём конкретный случай, когда кто-нибудь достигает в оккультной области той ступени, о которой я теперь говорю. Если бы он: не стал оккультистом, то встретившись с человеком, он, может быть, не узнал бы, что перед ним нравственно малодостойный человек. Поэтому он мог бы позволить этому человеку обмануть себя. Такой случай вполне возможен. Вы согласитесь, что в жизни это часто бывает: человек обманывается, считая другого лучше, чем он есть в действительности, и поэтому, как говорится, попадает впросак, то есть даёт себя провести.

Как оккультист, человек имеет известное преимущество. Он распознаёт моральную неполноценность другого, но он обязался прежде всего — я прошу действительно воспринять, то есть услышать это слово «прежде всего» — не применять этих оккультных познаний к воле, то есть к своему жизненному поведению. Нужно знать: этот человек нравственно неполноценен, но поступать нужно так, как поступил бы раньше. В общественном смысле нужно принять от него то, что должен был бы принять, не имея оккультных познаний. Здесь вы видите ясно и резко подчёркнутым, какое самоотречение требуется от начинающего оккультиста, как отчётливо должен он различать то, что может знать без оккультного опыта, и то, что благодаря оккультному опыту могло бы дать ему преимущество в жизни. Кто, не будучи оккультистом, настолько счастлив, что по своим природным способностям или в силу особых жизненных обстоятельств распознает моральную недоброкачественность другого, тот всегда будет склонен считать глупцом начинающего оккультиста, когда тот не пользуется для себя этими

преимуществами. В силу благоприятных обстоятельств жизни, или по каким-либо другим причинам, некоторые люди могут видеть то, что оккультист видит также, но чем он не может руководствоваться так как он взял на себя обязательство не руководствоваться этим. Конечно, в жизни бывает, что один человек держит своё обещание, а другой нет. Но это его личное дело. Можно считать глупцом начинающего оккультиста, когда он позволяет другому обмануть себя. Но это не даёт нам права предполагать, что у него нет средств распознать стоящего перед ним человека.

Итак, вторая ступень есть та, когда мы воздерживаемся от применения воли в целях нашего эгоизма, но можем пользоваться нашим рассудком во внешнем физическом мире. На этой ступени, которая была только что обрисована, древние учителя мистерий задерживали своих учеников, обычно, довольно долго. Долгое время эти ученики должны были оставаться, так сказать, в мире, учась более глубоко наблюдать своим рассудком не только других людей, и в то же время не изменять характера своего жизненного пути. Этим достигалось не только строгая самодисциплина, не только умение не ставить на службу своего эгоизма те преимущества, какие доставлял человеку его ум, но достигалось и ещё нечто другое.

А именно, если после того как проговорит рассудок, тотчас же выступит воля и присоединит к этому действия, к которым приглашает рассудок, тогда сила этого рассудка не может окрепнуть настолько, как в том случае, когда в течение некоторого времени его применяют, так сказать, химически, выделив его из сферы действия воли. Если человек решительно выключит себя самого, как эгоистическое существо из той области, в которую он вступает, применяя указанным образом свой рассудок к окружающему его миру, но, воздерживаясь от проявления воли, тогда ему открываются тонкие различия. Рассудок становится изощёренным. Способность суждения и способность различия приобретают всё большую силу, когда мы поступаем указанным образом; и этим мы заканчиваем вторую ступень оккультного развития, которую можно было бы назвать: «воспитание освобождённого от воли рассудка», или, если бы мы хотели сказать вполне точно: «воспитание освобождённого от воли эгоистической рассудка».

Но следующая ступень в этой области,— после того как в течение долгого времени человек с величайшей остротой

применял свой рассудок,— следующая ступень начинается, именно, с отказа применять свой рассудок. Вы видите, что теперь выступает нечто ещё более трудное,— теперь человек должен взять на себя: так судить о вещах, как он судил о них раньше,— прежде чем стал оккультистом. Он должен к вещам внешнего физического плана применять только ту силу своего суждения, и рассудка, которою он пользовался раньше. То, что он затем приобрёл для своего рассудка, то, чего он достиг, и что составляет огромное преимущество и завоевание его духа,— всё это человек должен исключить из своей духовной деятельности. Он должен опять отказаться от того, чего в течение долгого времени он добивался со всей энергией и силой, когда стремился укрепить именно свой рассудок; теперь он должен всё это вырвать совершенно из своей души, поскольку это есть сознательная деятельность рассудка, и должен сказать себе: проходя свои странствия, свои положения на физическом плане, ты должен мыслить и рассуждать, как ты мыслил, рассуждал и поступал до своего оккультного развития, согласно тогдашнему состоянию твоего рассудка».

Таким образом, человек должен отодвинуть себя назад, должен быть, так сказать, настолько глупее, каким он был до начала развития своего рассудка. Чем же станет тогда этот рассудок, от которого человек отказался? Применять его он больше не может; он применял его долгое время; но дальше он не может его применять. Что же происходит с достижениями деятельности рассудка, силы суждения, кода мы отказываемся от их непосредственного применения? Тогда они переходят в нашу память, в наше воспоминание. Таков следующий шаг: всё, что человек познал благодаря своей обострённой силе рассудка, должно стать для него воспоминанием. Он не должен подвигаться дальше вперед в культуре, в развитии своего рассудка; он должен отказаться от всякого применения своего укрепленного рассудка, от желания узнать что-либо ещё о широких связях с помощью своего обостренного рассудка. И должен всё снова и снова искать в памяти то, что он приобрёл себе силой этого обостренного рассудка; всё снова и снова это должно выступить в его памяти. Он должен всё более и более стремиться к тому, чтобы завоеванное его рассудком стало для него чем-то таким, как те мысли, которые он продумывал 10 или 20 лет назад, и о которых теперь он не мыслит, а только припоминает.

Видите ли, в таких оккультных школах, как, например,

древняя пифагорейская или также некоторые школы передней Азии, зрелыми для ученичества признавались только те, от которых можно было ожидать, что они выдержат обет: не вносить в свою эгоистическую волю тех способностей культуры рассудка, которых они должны были достигнуть. Затем, в течение очень долгого времени этих учеников воспитывали таким образом, что предлагали им учиться самым различным образом разделять и снова соединять явления (анализировать и синтезировать) с помощью более острой силы суждения, чем та, которая возможна во внешней жизни. Длительному воспитанию этой силы суждения придавали величайшее значение в этих правильно руководимых: школах и мистериях древности, а также и средневековья.

Затем ученик должен был дать, так сказать, мировой обет. Это второе обещание, которое ученики давали себе и своему учителю, было следующее: перестать более судить о вещах, видимых на физическом плане, с помощью тех суждений, которые были ими достигнуты силой рассудка. Но и к учениям, которые им предлагали их учителя, они также не должны были подходить критически. Им разрешалось только сравнивать то, что сообщал им учитель, с тем, чего они ранее уже достигли с помощью силы суждения. Они должны были не критиковать, а стать такими слушателями, которые только сравнивают то, что слышат теперь, с тем, что прежде приобрели благодаря обострённой силе рассудка. Это принадлежало опять-таки к следующей ступени оккультного развития, которую можно назвать: «Исключение более острой силы рассудка и ограничение своей собственной душевной жизни памятью и воспоминанием». Кроме того, разрешалось также применять то, что в символах и образах могла порождать фантазия из этих припоминаемых суждений, понятий и идей.

Итак, фантазия и память были те душевные силы, которые вступали теперь, так сказать, в свои права, которые должны были особенно вступать в действие на этой более высокой ступени. Дабы они, так сказать, дистанцировались из остальной душевной жизни и не подвергались постоянному влиянию суждений рассудка, для того они и должны были действовать отдельно.

Таким образом, ученик вступал на дальнейшую ступень своего оккультного развития. Время прохождения этой ступени заполнялось главным образом тем, что ученикам

сообщали оккультные познания, переведенные уже в теософию и принявшие форму идей; ученики воспринимали эти сообщения и давали им воздействовать на себя.

Разумеется, срок, в который ученики проходили эту ступень, был различным в различных мистериях, в силу которых признавалось необходимым передать большее или меньшее количество оккультных истин тем, кого готовили быть соответственным образом руководителями человечества. В большинстве случаев срок был довольно продолжительным.

Следующее, к чему должен был обратиться теперь ученик, заключалось в том, чтобы со всей силой, какая имелаась в его распоряжении, стремится угасить, то есть вычеркнуть из сознания, также и воспоминания, и возникновение в фантазии символы и тому подобное, а также, разумеется, и приобретённые самим «Я» понятия. Поистине, это была чрезвычайно трудная задача, и нельзя представить себе, чтобы, как правило, все ученики справлялись с этой труднейшей задачей.

Но вы можете составить себе представление о том, как ученики могли всё-таки справляться с этой задачей,— а именно, распространять полное забвение надо всем тем, что сначала они приобрели себе своей собственной силой, — если вы взвесите, что эти ученики научились удерживать свою волю в отношении внешних поступков, что они прошли через строжайшую самодисциплину, и умеют теперь действовать таким образом, как это было указано выше.

Когда человек строго удерживал от проявления свою волю,— которая обычно свободно раскрывается во вне,—то собирал в своём внутреннем существе большие запасы волевых сил. Это было действительно так. Человек становится всё сильней и сильней в своём внутреннем, когда вынужден сдерживать во вне свою волю таким образом, чтобы ничто из преимуществ, достигнутых им благодаря духовному развитию, не излилось в эту эгоистическую волю. Благодаря этому он становится всё более сильным, и достигает того крепкого волевого решения, которое необходимо, чтобы подавить, вычеркнуть из сознания всё, что было приобретено в оккультном обучении, и перешло затем в память. Как мы вычёркиваем представления, которых нельзя применять в жизни, также должно быть вычеркнуто и то, о чём только что говорилось. Это было безусловным требованием.

Но не подумайте, что те, которые были такого рода оккультными учениками, становились слепыми и верящими в авторитет людьми по отношению к своим учителям. Этого отнюдь не было. Верящими в авторитет являются люди, которые с лёгкостью принимаются обычным рассудком судить о том, что они слышат. Но те люди, которые сперва помыслили в себе силу суждения, хранят затем только в воспоминании то, что они приобрели себе благодаря этой повышенной силе суждения. Эти люди, которые в способностях своей памяти и фактически открывали себя воздействию оккультного обучения, разумеется, не становились слепо верящими в авторитет; но они воспринимали то, что предлагало им оккультное обучение так, как воспринимают явления самой природы. Так именно воспринимают оккультное обучение ученики, если они прошли соответствующие предварительные ступени.

И учителя заботились именно о том, чтобы их слова действовали на учеников как сама природа. Это было возможно благодаря тому, что, пройдя предшествующую ступень развития силы суждения и рассудка, и перейдя к следующей ступени воспоминания, ученики были уже настолько подвинуты вперёд, что могли воспринимать слова, как воспринимают солнечный восход, как стоят перед волнуемым ветром морем, как стоят перед каким-либо другим явлением природы, которое наблюдают с тем, чтобы его изучить, и к которому не подходят критически, ибо тогда его не познают.

Менее всего познают внутреннюю мощь какого-либо явления природы те, которые подходят к нему только со своей симпатией или антипатией. Как обычно рассматривают природу, так рассматривал оккультный ученик то, что предлагало ему оккультное обучение.

Но после того, как в течение известного времени учеников вели так, что позволяли действовать в них только воспоминанию, фантазии, памяти, и применять рассудок разрешали только в их внешней профессии в жизни, — после этого они должны были вступить в период внутреннего, душевного покоя, забвения своих собственных сил, и уничтожить в себе все свои достижения. Только тогда наступал для них момент полнейшего внутреннего душевного покоя, когда из сознания были удалены даже те представления фантазии и памяти, которых они достигли в оккультной жизни своей собственной силой.

Пустой делалась в известном отношении душа; и, благодаря тому, что она делалась пустой, что из этой души исключалась эгоистическая воля, эгоистический рассудок, эгоистическая память, эгоистическая фантазия, она открывалась навстречу действительно новому миру. Это было необходимо для того, чтобы этот новый мир мог действительно войти в душу.

Вы должны ознакомиться с этим фактом, что по истине новый мир входил в душу, которая стала пустой от своей эгоистической душевной силы. Поэтому вы не удивитесь, если характеристика этого мира прозвучит странно. Что считается странным? Странно то, что человек переживает, как что-то противоречащее его прежним переживаниям. Ибо, почему люди отвергают то или другое. Прислушайтесь, что говорят в жизни, когда отвергают что-либо сказанное другим; тогда говорят: «В том, что здесь утверждается, есть противоречие». То есть находят, что это противоречит всему уже известному, знакомому, привычному, и тотчас же думают, что имеют преимущество перед этим человеком, и что вправе указать ему на противоречие в его высказываниях.

В сущности, публичное обсуждение вещей заключается именно в том, что указывают противоречия, и говорят о том или другом: «это явно ошибка, так как в этом есть противоречие». Таково большинство возражений. Этот факт, что мы встречаемся с противоречиями, потому что подходим к чему-то, что не может иметь ничего общего с нашим прежним миром, с тем, что мы до сих пор знали — этот факт мы должны принять во внимание и знать, что необходимо примириться с явными противоречиями, когда к нам подступает новый мир, который характеризуется в таких понятиях, что мы можем сказать: Да, всё это явные противоречия. Ибо так и должно быть, что новый мир характеризуется в противоречиях, потому что новый мир не был бы новым, если бы он был в полном согласии со старым и не носил никаких противоречий.

Поэтому вам не следует удивляться, если первая характеристика того мира, в который человек вступает, достигнув,— после ступени забвения,— ступени душевного покоя, может быть дана в словах, которые являют противоречие по отношению к обычному миру, где мы живём.

Три вещи (принципа, идеи — прим. пер.) узнаёт человек,

когда достигает того, что было описано выше. Мы можем охарактеризовать их, только если прибегнем к словам, которые сами по себе противоречат всему, что человек знает о внешнем мире. Итак, три вещи узнаёт человек, когда действительно вступает в то, что можно назвать сверхчеловеческим миром.

Первое, что он узнаёт, есть «неоткровенный свет». Посмотрите кругом: разве может быть в мире невидимый свет? Существо света заключается именно в его откровении. Но первое, что человек познаёт в сверхчеловеческом мире, есть неоткровенный свет, тёмный свет, — свет, который не светит. Второе, что человек узнаёт в сверхчувственном мире, есть «неизречённое слово». Слово не существует в обычном мире, если оно не произнесено. Не произнесенное слово не есть слово. Мы имеем полное противоречие, когда говорим: Второе, что познают в сверхчувственном мире, есть неизречённое слово. И третье есть: «сознание без предмета сознания».

Вспомните только, что когда вы развиваете сознание, когда вы знаете то или другое, то всегда вы имеете объект, предмет знания. Но то сознание, которое, как нечто третье, встречает нас, когда мы вступаем в сверхчувственный мир, есть сознание без объекта, без предмета.

Эти три принципа, которые можно охарактеризовать только в столь противоречивых словах, ученик встречает, когда, после описанной нами подготовки, вступает в область оккультизма. Ибо таковы три первые, действительно оккультные идеи, которые мы познаём:

1. Неоткровенный свет.
2. Неизреченное слово.
3. Сознание, без предмета сознания.

И значит событие, которое может наступить для начинающего оккультиста, заключается в том, чтобы он научился что-нибудь связывать с тем, что является ему только, как противоречащее всему, что он знал до сих пор. В то мгновение, когда человек может связать в себе какое-нибудь внутреннее переживание с тремя идеями: неоткровенного света, неизреченного слова и сознания, без предмета сознания,— в это мгновение он стал подлинно оккультистом, он действительно вступил на путь оккультного познания.

Третья лекция. 5 июня 1912 г.

Мои милые теософские друзья! Вчера мы обратили внимание на тот факт, что начинающий оккультист, пройдя через ту подготовку, о которой уже говорилось, встречается с переживаниями, которые по указанным причинам должны быть обозначены, как заключающие в себе противоречия. Мы назвали, прежде всего, три такие переживания: 1) неоткровенный свет, 2) неизречённое слово и 3) сознание без предмета сознания.

Не совсем легко будет освоиться со всем тем, что необходимо, дабы связать какие-либо идеи и понятия с тремя названными переживаниями. То, как человек мыслит в обычной жизни и то, как он мыслит и исследует также в обычных науках,— и именно то, как исследуют в естествознании,— всё это исследование, это знание связано с физическим человеческим телом. Ибо, хотя это физическое человеческое тело не является, собственно деятелем, не есть то, что собственно действует, когда человек производит научные исследования, но оно есть орудие, которым человек должен пользоваться, чтобы производить эти исследования, чтобы указанным образом приобретать познания о внешних предметах окружающего его мира. Всё вообще, что может быть познано этим путём, и что составляет предмет именно естественных наук (впоследствии мы будем иметь ещё случай сказать, что это не вполне относится к таким наукам, как, например, этика, социология, юриспруденция, и применимо лишь к отрасли естественных наук) — не может быть приобретено иначе, как при посредстве орудия тела и, в частности, орудия человеческого мозга.

Но, если оккультный ученик пройдёт через переживания, о которых говорилось вчера, то он приходит к возможности мыслить, не пользуясь своим мозгом. Это кажется абсурдным для современного материалиста. Тем не менее, это именно так. Это совершенно ясно показывает оккультисту, прошедшему через оккультные упражнения, его внутреннее переживание. Ибо всё знание о внешних предметах, которое может быть достигнуто обычной наукой, всё, что в ней может быть исследовано и продумано, всё это является призрачным, так сказать, безжизненным, по сравнению с теми образованиями, которые вырабатываются нашей душой, когда мы освобождаемся от мозга.

Для краткости изложения, теософам можно сказать, что

человек, который достиг освобождения от орудия своего физического тела, пользуется тогда для внутренней работы в душе только теми орудиями, которые даются в его эфирном теле, астральном теле и в организации его «Я». Таким образом, он пользуется тем, что мы: узнаём о человеке из теософии, помимо физического тела.

То, что тогда выступает в душе, имеет гораздо более крепкую внутреннюю силу, гораздо большую внутреннюю жизненность, чем обычные мысли о внешних предметах и, кроме того, принимает действительно вид тонкой, отовсюду окружающей нас субстанции. Нельзя сказать об этом иначе, как, что оно имеет вид волнующегося света, причем, однако, не следует думать, что это есть тот свет, который сообщается через посредство человеческого глаза, то есть через внешнее орудие тела; но нужно представлять себе, что эта распространяющаяся субстанция, в которой мы находимся, прежде всего, как в волнующемся море, — скорее внутренне ощущается, чем как-либо внутренне видится, наподобие некоторого светового сияния и т.д. Это есть нечто, внутренне ощущаемое, и оно таково, что, когда человек это действительно ощущает, то у него уже не может быть представления, что он пребывает в ничто.

Тот, кто действительно находится в этом элементе, не станет уже утверждать, что он пребывает в ничто, ибо этот элемент оказывает на него прежде всего поражающее, по сравнению со всем прежде испытанным, действие. Он действует так, точно он нас разрывает и рассеивает по всему пространству, как если бы мы растекались во все стороны в самом этом элементе, как если бы мы растворились, потеряли почву под ногами, потеряли все точки опоры, которые мы имеем во внешнем материальном. Это есть первое, что тогда прежде всего наступает. И в этом чувствовании себя разливающимся по всему пространству элементе нам дано то, что можно назвать: волнующийся, текущий, никаким образом не открывающийся во мне, духовный свет. Это есть прежде всего то, что некоторым образом, как внутреннее переживание, познаёт каждый ученик оккультизма.

Но если оккультный ученик имеет это переживание, и является в то же время слабой натурой, если он не привык в жизни много мыслить, то его встречает здесь камень преткновения, так как он не может легко двигаться дальше, он не научился в жизни много мыслить. Для этого

существует та подготовка, о которой мы говорили вчера, длительное упражнение высшего рассудка, высшей силы суждения. Не то, что мы внешне усваиваем, благодаря этому высшему рассудку, а та дисциплина, через которую мы приходим, когда учимся мыслить более остро,— это помогает нам, когда мы, как исследователи оккультизма, вступаем в этот текучий (струящийся) элемент. Ибо тогда действуют, некоторым образом, не мысли, а те силы нашего самовоспитания, которые развивались в нас при мышлении. Они продолжают действовать; и тогда мы имеем не только волнующийся, сокровенный свет, но можем воспринимать в этом текучем элементе всплывающие образования, о которых мы знаем, что не восприятия внешних предметов дали нам эти внутренние образы, но что они возникают в самом элементе, в который мы теперь погружены.

Если мы достигли такой силы суждения в жизни, то мы теряемся в этом волнующемся (текучем) свете, но переживаем в нём образования, имеющие в себе гораздо больше жизненности, чем сны и видения. Но одновременно мы переживаем, что в этих образах отсутствует всё, что отличает чувственные восприятия. Мы не можем найти в них тех качеств, которые мы воспринимаем только чувствами, но мы в высшей степени можем найти в них то, что иначе мы переживаем только, когда образуем себе мысли. Но эти мысли, не просто мысли, которые к нам приходят, это суть, некоторым образом, укрепленные в себе, сущностные в себе образования.

Это есть первое, что переживает оккультный испытатель, и что всё сильней и сильней выступает с течением оккультной жизни. Сначала это выступает слабо, сначала мы должны удовлетвориться немногим, доступным для нашего переживания. Но потом нам даётся всё больше и больше, и мы учимся познавать мир, который предлагается нам, как мир, лежащий за чувственным миром. Мы узнаём, имея это переживание, нечто, совершенно особенное. А именно мы узнаём, что все те силы, которые делают нас способными к такому переживанию, совсем не находятся в окружающей нас земной жизни и в земной закономерности. Когда мы имеем это переживание, то мы совершенно точно замечаем, что всё, что делает нас, как земного человека, способными для внешней жизни и для естественнонаучного мышления,— всё это создано в нас теми силами, которые принадлежат земле.

Вы знаете (как теософы, мы знаем это), что человек прошёл на земле через различные изменения и преобразования, прежде чем достиг своего настоящего образа. В течение этого времени земные силы действовали на него. Постепенно его мозг, его органы чувств приняли, под влиянием земных сил, тот образ, какой они имеют теперь. И если мы хотим понять глаз, ухо и самый мозг в их настоящем виде, то мы должны сказать: в начале земного развития все эти органы были совсем другими. В течение земного развития силы земли действовали на эти органы, и придали им их современный вид. Всё, что эти органы, а также мозг, имеют от сил земли,— всё это мы применяем для повседневной жизни или в естественнонаучном мышлении и исследовании. В деятельности этого исследования нет ничего, что не было бы дано человеку силами земли. Как обыкновенный человек, который видит, воспринимает вокруг себя мир и вещи, и размышляет о них, так и учёный, который работает в лаборатории, обсерватории,— все они пользуются не другими какими-либо способностями своего мозга и органов чувств, как только теми, которые исходят от сил земли.

Но если, имея образование нашего мозга, мы имеем то, что делает нас способными переработать этот мозг так, чтобы он вынес из себя высшие члены человеческой природы, и если мы созерцаем то, что было описано выше, — этот текущий, волнующийся духовный свет, то это происходит не от земных состояний, а является подобием тех сил, которые действовали на человека прежде чем Земля стала Землёй. И мы должны сказать, когда вспоминаем, что прежде, чем стать Землёй, она прошла состояние Луны, Солнца, Сатурна; от этого состояния Сатурна, Солнца и Луны не происходят те силы, которые делают человека способным воспринимать с помощью органов чувств и охватывать эти чувственные восприятия мышлением. Но всё то, что делает нас свободными от работы чувств и мышления, от научной работы и т.д. Всё, что делает нас способными развивать в себе высшие члены,— эфирное тело, астральное тело и «Я», — которые могут жить в волнующемся свете,— всё это мы имеем, как наследие от эпохи Сатурна, Солнца и Луны. Так что это исходит из доземной эпохи развития и не может быть найдено в пределах земного бытия.

Когда со временем наука дойдёт до того, что овладеет, так сказать, механизмом органов чувств и мозга (она достигнет этого, хотя и не так скоро), то наука будет

чрезвычайно горда в этом достижении. Но этим будет понято только то мышление и то исследование, которое объяснимо из земных отношений, и поэтому имеет значение также только для земных отношений. С помощью земных сил никогда не сумеют объяснить всего мозга в целом и также не всё построение органов чувств; но чтобы вполне объяснить то, что действует в наших чувствах и в нашем мозге, что придало этим чувствам и мозгу их теперешний облик,— для этого должны будут обратиться к тому, что теософы знают, как состояния Сатурна, Солнца и Луны.

Эти предшествующие состояния нашего земного развития, то есть те силы, которые действуют, пока человек ещё не пользуется своим мозгом, своими чувствами, эти силы, которые мы унаследовали от Сатурна, Солнца и Луны, парализуются, останавливаются в своих действиях тем, что мы можем найти, когда вступаем в волнующийся свет, мы ощущаем не так, как, если бы мы это мыслили. Ибо относительно того, что мы мыслим, у нас есть чувство, что мы мыслим это теперь, а то, что мы тогда переживаем, не кажется нам таким, что мы это мыслим теперь.

В высшей степени важно, чтобы вы приняли это во внимание. Ясновидящему, который вступает в это состояние, те образования, о которых я только что говорил, не кажутся мыслями, которые он мыслит теперь, но мыслями, которые сохранились только в памяти, в воспоминании,— мыслями, которые можно припомнить.

И теперь нам становится также понятно, почему мы должны игнорировать наш рассудок и перейти к укреплению памяти. Это необходимо потому, что мы должны развить в себе чувство, которое распространяется в окружающем нас духовном море света, выносит из себя образования, которые можно воспринять только как припоминаемые образования (как воспоминания). Если бы мы не прошли через укрепление памяти, то они ускользнули бы от нас и ничто (из них) не стало бы восприятием для ясновидящего. Тогда могло бы быть так, что он видел бы только распространяющееся, волнующееся, внутреннее море света.

Но этим не всё сказано. То, что воспринимается тогда памятью, делает нас прежде всего способными несколько заглянуть в давно прошедшие состояния нашего развития,— в состояния Луны, Солнца, Сатурна. Но образования, которые тогда воспринимаются, которые выступают тогда, как представления памяти, не суть нечто единственное, и даже

они суть нечто более слабое. Ибо тогда воспринимается то, что действует на нас с большею силой и мощью,— то, о чём можно было бы сказать (хотя мы знаем, что это действует только наплывающий мысленный свет), что это приносит нам боль или радость, что оно начинает,— можно было бы сказать,— жалить и жечь, или же вызывает в нас состояния блаженства.

И возникает вопрос: что усматривает оккультист, который воспринимает в этом наплывающем море эти особенные образования, которые он может схватить теперь также рассудком,— образования, для восприятия которых ему нужна не только память, ибо они стали настолько сильными, что их может схватить рассудок? Итак, что усматривает в них оккультист? Видите ли, оккультист усмотрит в них что-нибудь только в том случае, если прежде он нечто изучил,— и именно, если прежде он познакомился с религиозными мыслями философов, если он несколько занимался философией. Тогда перед его духовным взором выступит тот факт познания, что истинные мыслы философов являются тенями, отражениями того, что, как нечто живое, воспринимается в волнующемся свете.

Теперь наступил момент, когда вы можете понять, что такое философия. Вся философия в мире есть ничто иное, как совокупность мысленных образований, идей, которые отбрасываются, как образы, в нашу физическую жизнь и которые имеют своё истинное начало в сверхфизической жизни,— в том, что ясновидящий может воспринять указанным образом. Философ не воспринимает того, что лежит за его образами, и что он в этих образах вносит в физическое сознание. Но эти образы он получает. Оккультист всегда может указать происхождение всех великих, значительных мыслей философов, которые когда-либо играли роль в мире. Философ видит только теневой образ мысли; оккультист — реальный, живой элемент света, который стоит за этим. Отчего же это происходит? Вот видите ли, это происходит оттого, что хотя мы,— говоря вообще,— парализовали те силы, которые исходят для мозга от развития Сатурна, Солнца и Луны, но мы всё-таки имеем в нашем мозге известный остаток от древних времён, благодаря которому человек может воспринимать по крайней мере теневые образы, отражения того, к чему мозг способен благодаря действию до-земных сил. Таким образом, те силы, которые действуют в философском мозге, не суть земные силы. Они — слабый, бледный отблеск доземных сил.

Философ только не знает, что в его мозге живёт наследие до-земных времён, что он пользуется своим мозгом, как орудием, поскольку действует это наследие.

Но и это наследие также не действовало бы, если бы во время земного развития не произошло совершенно определённого изменения, о котором, разумеется, не хотят ничего знать современные философы. Если бы всё осталось только таким, что Земля была бы простым перевоплощением того, что в старом Сатурне, в старом Солнце и в старой Луне, то есть если бы Земля не давала человеку ничего большего, не приносила бы человеку ничего, кроме тех сил, которые она имеет благодаря тому, что в ней продолжают жить силы Сатурна, Солнца и Луны, то есть до-земные силы, тогда на Земле вообще не могло бы возникнуть такого размышления, какое мы находим, можно сказать, в наивысшей степени выраженным в философии. Но философия имеется у каждого человека, потому что до известной степени каждый человек философствует. И это возможно лишь потому, что произошло изменение в правильном перевоплощении Земли: от творческих сил, которые привели к бытию Землю, отделяется главная сила (например, Луна), и продолжает далее действовать на человека уже не так, как прочие силы, а так, что мы: можем сказать: в духовном отношении эта сила действует на человека так, как лунный свет действует на землю в физическом отношении (то есть отражённо).

Видите ли, в физическом отношении лунный свет действует на землю так, что Луна отбрасывает ей солнечный свет. Ибо то, что приходит к нам, как лунный свет, есть только отражённый солнечный свет. И то, что при ясновидении делает человека способным выйти за пределы только припоминаемых представлений, и что делает его способным внести в физическое сознание нечто такое, как философия,— всё это происходит от того, что на человеческий мозг, созидающим образом действует некая духовная сила, та самая духовная сила, которая в памятниках моздаизма называется Ягве или Иегова, и которая есть такой же отражённый духовный свет, как лунный свет, в физическом смысле есть отражённый солнечный свет.

Так действительно, в отношении своего мозга человек может быть понят не только как результат наследия, принесенного из до-земных состояний. Мы поймём человека и человеческий мозг только, если мы знаем, что, как физический солнечный свет отражается от Луны на землю (и

тогда, когда на известном участке земли солнечный свет не видим), так человеку, поскольку он живёт в силах мозга, отражается духовный свет из-за пределов земли.

Каждая инспирация — а это есть инспирация — которая предлагается человеку не его собственными силами, а приходит извне, делает его способным возвыситься до такого миропознания, которое может быть названо философским. Это познание мира отличается тем, что оно побуждает человека искать в многообразии вещей мира единую причину (начало). Это — главнейшая особенность, черта философии. Назовёт ли человек эту единую причину «Бог», или «Мировой Дух», — дело не в этом. Но его стремление всё объединить и свести к единой причине, объясняется тем (это открывается ясновидящему), что мозг не есть только результат (порождение) прошлых состояний Земли, но что в нём действуют влияния из духовного мира, которые можно сравнить с влияниями лунного света (отражённые солнечные влияния), как мы об этом сейчас говорили.

Я обращаю здесь ваше внимание на то, что может быть для вас разъясняющим, когда вы рассматриваете то, что было изложено выше. Человек, как философ, не имеет того, что ясновидящий воспринимает, как силу Ягве, которая смешивается с силами, унаследованными от более ранних состояний. Но он имеет мысленные образы и не знает, что за ним стоят те силы, которые действовали в до-земных состояниях и обозначаются, как силы Ягве. Он не знает, что это стоит за его мыслительным процессом. Он видит только теневые образы мыслей, которые порождаются в нём благодаря тому, что он вырабатывает себе силами своего эфирного тела этот волнующийся свет, о котором я говорил, и когда этот свет действует в его мозге, в нём возникают те теневые образы мыслей, которые мы воспринимаем как философию. Этого философ не знает. Он знает только, что он живёт в этих теневых мысленных образах.

Но я обращаю ваше внимание на одну особенность этих мысленных образов, которая вам будет полезна впоследствии, — именно на ту особенность, что человек, как философ, является бессознательно ясновидящим, то есть живёт в теневых образах ясновидческих состояний, не зная ничего о ясновидении; он живёт в теневых образах, создаёт всё, что может создать, как философ, и, наконец, достигает того, что порождённые им идеи и понятия связывает и объединяет таким образом, что относит их к некому единому

существо. Такова отличительная особенность философии.

Эта особенность свойственна именно всей философии. Но когда таким образом приводят в действие только философский материал и подходят к делу вполне правдиво и честно, то в мыслительных образах, так как этим философским путём никогда не могут найти нечто такое, как существо Христа. Тогда находят именно мировое начало, но никогда не находят Христа. Если вы встретите в философии идею Христа, то можете быть уверены, что она взята из внешнего мира, где её можно найти в Священном писании; неправильным философским путём может быть чисто бессознательно она была затем введена в философию. Если философ остаётся в пределах своей философии, то он не может найти ничего другого, кроме мирового духа, ко никогда не Христа. Христа он не может найти. Не может быть понимающей себя самой философии, которая могла бы иметь идею Христа. Это невозможно.

Итак, запомним это прежде всего. Но кто имеет охоту и случай для этого, тот может заглянуть в философов,— поскольку это будут чистые философы,— и может проверить, можно ли у них найти Христа. Возьмите такую обширную и развитую систему философии, как у Гегеля; вы увидите, что в пределах системы философии Гегель не может прийти ко Христу. Он вводит Христа из внешнего мира. Его философия никак не даёт ему Христа. Сказанного пока достаточно для характеристики того, что выступает, как первое переживание ясновидящего испытателя и что он учится обозначать, как неоткровенный свет.

Очень слабо, сначала почти незаметно, выступает второе переживание. Оно выступает так, что действительно есть много ясновидящих, которые давно уже имеют первое, выше охарактеризованное переживание, а относительно второго едва ли понимают, что это такое. Выступает то, что мы можем охарактеризовать приблизительно следующим образом: если волнующийся свет является нам, как нечто такое, в чём мы как бы разливаемся, как бы распространяемся по мировому пространству, то, нами называемое, неизреченное слово появляется в начале так, как если бы что-то со всех сторон шло нам навстречу. По мере того, как мы распространяемся в пространстве мира, что-то как бы идёт нам навстречу, как бы приближается к нам со всех сторон, в то время, как мы, со своей стороны, разливаемся во всех направлениях. И, по истине, для

человека, который переживает это расширение и ещё не умеет им должным образом овладеть, это сопровождается состояниями острого страха. Извне, навстречу нам как бы что-то движется, идёт, как некая мировая оболочка, которая приближается к нам, и мы не можем сказать иначе, как это приближение мировой оболочки подобно прежде всего тому, как если бы с нами начали говорить на таком языке, что с этим нельзя сравнить ни одного слова, которое прошло через человеческую гортань. Но, если мы отделим от слова всё, что связано с ним, как внешний звук, то мы постепенно получим представление о том, что как полное глубокого смысла мировое звучание со всех сторон выступает нам навстречу. Вначале оно ещё слабо, и только с возрастающей силой оккультного обучения и оккультного самовоспитания это восприятие духовного мира становится всё сильнее и сильнее.

В качестве ясновидящего, мы имеем совершенно удивительное чувство, когда видим, что со всех сторон нечто подступает, как некая мировая оболочка; не внешняя оболочка мира, а надвигается нечто, подобное звукам. Мы имеем тогда совсем необычайное ощущение; и что мы его имеем, есть знак, что мы на правильном пути. Мы имеем ощущение: «Да, но в сущности, это — мы сами; это и есть истинный человек, который здесь идёт нам навстречу. Мы только видимо замкнуты в кожу, когда живём в физическом теле. В действительности всё наше существо заполняет мир, и оно идёт нам навстречу, когда мы описанным образом переходим в оккультное состояние. Нечто со всех сторон идёт нам навстречу». Это выступает, как известное ощущение: расширение духовной жизни, и затем опять её сжатие. То есть то, что мы переживаем, и так как это направляется к нам, как глубоко значительные слова, которые звучат для нас только духовно, то мы связываем с этим определённое понятие,— понятие «неизреченного слова», «неизреченного языка».

Но если человек имеет известное наследие, о котором я уже говорил и которое исходит не от земных сил и его немногого существа, а от до-земных состояний, действовавших, как было показано при образовании его мозга, то он имеет в себе также и наследие тех сил, которые идут из до-земных состояний и которые теперь действуют не в его мозге, а в его сердце. Сердце — весьма сложный орган, и как в мозге действуют не одни только земные силы, но и до-земные силы, хотя для внешнего опыта мы пользуемся только тем, что

исходит от земли — так и в сердце также действуют до-земные силы. То, что человеку нужно для восприятия земного воздуха, земной пищи, чтобы поддерживать жизнь организма среди земных элементов, всё это он получает от земных сил. Но для того, чтобы человек мог воспринять то, что здесь было названо «неизреченным словом», он должен высвободить высшие душевные члены не только из мозга, но и из сердца.

В качестве ясновидящего, можно давно уже воспринимать духовный свет, когда были выделены высшие члены тела. Но, если в сердце они остаются связанными, обычной жизни, тогда мы имеем дело с ясновидящими, которые воспринимают своими освобождёнными от мозга душевными силами волнуемый свет, но не могут слышать приходящего со всех сторон неизреченного слова. Они начинают слышать его только, когда сверхчувственные человечески силы будут вынесены также и из сердца. То, что делает сердце способным выделить из себя высшие сверхчеловеческие члены, так что человек начинает развивать душевную жизнь, независимую от орудия его сердца. То, что существует, как обычная жизнь на физическом плане, это связано с физическим органом сердца. Когда люди сумеют освободить из своего физического сердца высшие члены тела, то они научатся переживать такую душевную жизнь, которая связана с более высоким органом сердца, чем физическая сердечная мышца и кровь. Когда человек учится своей душой переживать те силы своего сердца, которые выше сил, связанных с физическим сердцем, то он учится действительно познавать то, что окружает его, как идущее к нему со всех сторон «неизреченное слово».

Итак, это зависит от освобождения наших сверхчувственных, человеческих членов от физического сердца.

Между тем как; восприятие сверхчувственного света связано с освобождением нашего высшего человека от физического мозга — восприятие неизреченного слова связано с освобождением наших членов от физического сердца.

И точно так же, как есть люди, которые только, так сказать, бессознательно имеют в себе нечто от до-земных сил, действовавших в образовании мозга, так есть люди, которые имеют в себе нечто от до-земных сил, действовавших

в образовании сердца. И этих людей, которые имеют в себе это древнее наследие и по причинам, которые мы ещё укажем, особенно работают над ним именно в наше время, тогда не было бы теософов, тогда вы не сидели бы здесь. Ибо вы сидите здесь не почему другому, как потому, что когда в ваши руки попала теософская книга или когда вы услышали что-либо в лекции по теософии, то вы почувствовали нечто от того древнего наследия, которое состоит из сил, работавших над вашим сердцем ещё прежде, чем образовалась Земля. Когда вы были охвачены тем, что пришло к вам благодаря теософии, то вы пережили в себе нечто подобное тому, как философы переживают те мыслеобразы, о которых было сказано выше. Вы пережили теневые образы того, что бессознательно для нас, ясновидение вашего сердца могло бы слышать сквозь слова, сказанные вам на каком-либо любом языке. Вы слышали тогда нечто совсем особенное, иначе вы не стали бы теософами. Вы услышали, что это внешнее слово есть лишь внешний отзвук того, что было исследовано ясновидящим сердцем, отзвук того, что исходит из областей оккультизма, что было исследовано до-земными силами сердца, и что проговорило вам в теневых образах, которые мы сами могли пережить: сквозь внешнее слово вы услышали внутреннее слово. Сквозь изреченное слово вы вняли отзвуку неизреченного слова; сквозь человеческий язык, а в человеческом слове вы услышали то, что сперва было услышано на языке богов из божественных миров.

И, если даже люди, которые честно и искренно чувствуют себя привлечёнными к теософскому стремлению, не всегда сознают, что в них, так сказать, бессознательно действует уже некоторое ясновидение, то с ними всё-таки происходит то же самое, что с философами, которые видят образы бессознательно ясновидящего мозга, и не знают, в каком своеобразном мысленном элементе они, собственно, живут. Так как мозг более доступен для земных сил, легче затрагивается земными силами и потому легче становится земным органом, чем сердце, которое мало доступно для земных сил, то и оказывается, что особенно в наше время, когда исследование подчинено земным законам, когда мозг занят внешним познанием, его внешние части становятся настолько сильными, что внутренний, сверхчувственный мозг человека совершенно парализуется. И, благодаря тому, что сердце гораздо менее доступно для воздействия земных сил, то, говоря о теософии, можно скорее найти доступ к человеческим душам, чем путём чистой философии. И, если

только — особенно в наше время — люди не закроют себя чисто материальными интересами внешней жизни от того, что указанным образом может говорить к их сердцу, то они будут всегда восприимчивы к теософии.

Теософские истины могут быть поняты каждым; их не поймут только люди, которые, благодаря чисто внешним, теоретическим или жизненным интересам, слишком сильно вошли в материальное, позволили увлечь себя и не видят ничего, кроме этих внешних материальных интересов. Тогда туман распространяется и закрывает в них то, что должно развить сердце, охваченное теософией.

Поэтому, чтобы понять философию, нужно иметь то, что может воспринять те особенные образования, о которых говорилось прежде, и отразить их в теневых образах мысли; нужно некоторым образом воспитать свой мозг для восприятия более тонких мыслей, в которых могут отразиться тени высших, сверхфизических сил. Но вы хорошо знаете, что только в самых редких случаях люди воспитывают, таким образом, свой мозг. Чтобы понять теософию, не нужно никакой подготовки. Чтобы признать истинным, чтобы понять то, что вынесено из духовных миров оккультными исследователями, которые освободили свои высшие силы, духовные члены своего тела от физического сердца и мозга, для этого людям нужно только не отвлекаться внешней жизнью, не растворяться во внешней жизни. Самый простой, скромный человек имеет те силы, которые достаточны, чтобы понять теософию. Ему не нужно быть научно образованным. Если подходить без предубеждений и предвзятых мнений, то каждый может понять известные теософские истины. Ибо эти истины суть данные, как в теневых образах, — в обыкновенных переживаниях факты оккультного исследования, которые исходят от неизреченного слова, слышимого тогда, когда человек освобождает, эмансипирует, — если мы можем употребить это слово, — свои высшие члены от физического сердца, то есть когда он может жить не только в сверхфизическом мозге, но и в сверхфизическом органе сердца.

Чтобы передать в правильных, логических, научных понятиях то, что было исследовано сверхфизическим сердцем, для этого необходимо знать научные понятия. Но в теософии главное даже не в этом. Важнейшие теософские истины могут быть облечены в простые понятия, и вы знаете, как немного нужно для того, чтобы понять, чтобы иметь

достаточное понимание для основных истин теософии. Но большая часть того, о чём мы часто говорим, предназначена, собственно, не для того, чтобы создавать убеждения в простых, скромных душах. Убеждения, разумеется, могут возникнуть. Они всегда будут в здоровой душе; они всегда будут в душе, которая не стала больной от материальных интересов.

Но в наше время необходимо, чтобы теософия была защищена также от несправедливых нападков со стороны: отстаивающей якобы свои права науки. Простые, доступные, вполне понятные истины теософии мы должны представить миру таким образом, чтобы они показали, что они могут устоять, если люди мыслят тонко, и, во всяком случае, ясно и правильно. Последнее необходимо требуется от людей. Требуется деятельное, упорядоченное мышление, чтобы понять, что нет такой истины, которая стоила бы в противоречии с тем, что есть теософия. Но такое мышление, я хотел бы сказать, не только крайне редко встречается, но и чрезвычайно трудно достижимо. Широко распространён род внешнего, хотя и не личного, но непогрешимого научного авторитета, вызывающего ряд неуловимых, научных предрассудков, влияние которых огромно.

Так мы видим, что люди, которые считают себя сведущими в области какой-нибудь отдельной науки или которые популярным образом ознакомились с какими-либо данными этой науки, совершенно естественно полагают, что их мышление достаточно, чтобы понять отношение теософии к науке. Но обычно это для них невозможно, ибо ясное, упорядоченное мышление в наше время встречается совсем не так часто, как думают. Известными науками можно теперь заниматься, имея довольно-таки неупорядоченное мышление, — такое мышление, которое воспитано в рамках отдельной научной специальности, и не выходит из рамок этой науки.

И литературным деятелем, пишущим человеком, человеком, который публикует то или другое, теперь также можно быть, не идя особенно далеко в своём мышлении. Ибо обычно вовсе не спрашивают о том, стоит ли за этой мнимой духовной продукцией упорядоченное, правильное мышление, — не спрашивают потому, что чутьё к этому утеряно. Чтобы иметь это чутьё, нужно немного; его можно иметь, как некоторого рода инстинкт. Но оно только усиливается, когда человек несколько ближе подходит к оккультному исследованию и оккультным силам.

Позвольте мне сделать одно замечание, которое примыкает к тому, о чём я сейчас сказал, и которое должно послужить лишь иллюстрацией того, какие странные вещи могут встретиться человеку, если он имеет к этому небольшое чутьё. Переживание, о котором я хочу рассказать, само по себе незначительно, но оно всё же показательно.

Я проходил вчера утром по улице. Мой взгляд упал,— скажем, невольно на определенное место в витрине книжного магазина. И вдруг я почувствовал, что меня что-то укололо, точно ужалил овод или пчела. Я разумею духовный процесс. Тогда мне стало любопытно, что же именно меня укололо. Сначала я мог уяснить себе, что могло уколоть меня в этой витрине; я стал всматриваться и увидел брошюру. Мне бросился в глаза эпиграф, стоявший на этой брошюре, и мне показалось, что он был поставлен в защиту настроения этой брошюры, точно этим эпиграфом автор хотел определить своё умонастроение. Почему же этот эпиграф уколол? Сейчас это станет нам ясно. Написано было следующее:

Со своей спекуляцией молодчик пасётся, точно скот, на пустоши сухой, Не видя, что кругом прекрасная, зелёная трава!

И внизу подпись: Гёте, «Фауст».

Но кто говорит в «Фаусте» эти слова? Мефистофель! Это не является изречением, на которое можно ссылаться, когда хочешь опереться на Гёте.

Эти слова вложены в уста Мефистофеля. И, если кто -нибудь применяет их в положительном смысле, то он мыслит неправильно. Он хочет сослаться на Гёте, но внутренние причины заставляют его сослаться не на Гёте, а на Мефистофеля, на чёрта. Это показывает мне, что с мышлением здесь что-то не ладно (задержка). Укол произошёл от спутанного, совсем неправильного мышления.

Четвёртая лекция. 6 июня 1912 г.

Мои милые теософские друзья! Мы должны теперь несколько ближе подойти к третьему переживанию сверхчувственного мира, к господствующему в сверхчувственном мире сознанию. Но, если мы хотим приступить к рассмотрению этого сознания без предмета в сверхчувственном мире, то мы должны сначала ознакомиться с тем, что имеется в каждом человеке, но что далеко не

каждый человек правильно наблюдает,— и именно, наше обыкновенное сознание здесь в этом мире, то сознание, которое внутренне объединяется в человеке тем, что он замечает в себе своё «Я», замечает, что он сам по себе является отдельным существом, знающим о других предметах и существах, которые его окружают.

И это сознание есть такой элемент нашей жизни, который мы, перед лицом оккультного исследования, должны рассмотреть совершенно точно. Ибо действительно можно сказать, что это сознание или, можно также сказать, это «Я» — сознание является для оккультиста тем жизненным элементом, которому, при переходе в сверхчувственные миры, угрожает наибольшая опасность потеряться и к которому человек, желающий проникнуть в сверхчувственные миры, должен отнестись с особым вниманием. Особое внимание к обыкновенному, повседневному сознанию,— скажем — к земному сознанию (здесь я опять подхожу к некоторому противоречию, но неизбежность противоречий была ведь уже указана выше), потому так необходимо на оккультном пути, что потеря этого сознания, отказ от него, преодоление этого сознания также необходимо, как и опасно. Итак, здесь имеется одновременно как опасность, так и необходимость. Если вы обдумаете, как построено это Я-сознание, то вы должны будете сказать себе: это сознание есть, собственно, то, благодаря чему вы душевно пребываете в себе, благодаря чему вы душевно замыкаетесь в себе самом. Когда вы не применяете своих чувств, прежде всего, когда вы не спите, то вы всё ещё имеете возможность быть в себе самом, в своём сознании. Это сознание погружается во мрак только, когда вы засыпаете. И вам не нужно будет особенно много думать, чтобы сказать себе: то, что человек привык называть божеством или единым началом мира, нельзя, собственно, считать принадлежащим к этому сознанию которое человек теряет каждый вечер при засыпании, ибо каждое утро человек находит содержание своего сознания снова. Всё, что он имел вечером при засыпании, остаётся; и при пробуждении он может, так сказать, поднять нить внутренней душевной жизни там, где он обрезал её при засыпании. Так что от засыпания до пробуждения всё оставалось, но только человек ничего не знал о себе во время своего сна. И единое божественное мировое начало, которое все в себе сохраняет, должно было поддерживать также и его сознание; таким образом, мировое начало должно быть

совершенно независимым от состояния сна в человеке и как бы бодрствовать свыше над человеческой природой, когда человек бодрствует и также, когда он спит.

Отсюда вы видите, что, находясь в своём земном сознании, человек должен мыслить божественное мировое начало, пребывающим во всяком случае вне этого земного сознания. Поэтому своим собственным сознанием (то есть сознанием, которое включает в себе его «Я»), он, прежде всего, вообще ничего не может знать об этом мировом начале. Это обстоятельство делало всегда естественно необходимым, чтобы сообщения об этом мировом начале приходили в обычное земное сознание не путём его собственных усилий, а через то, что называют откровением. Откровения — особенно религиозные откровения - всегда давались человеку именно потому, что он сам не мог их найти в своём сознании, поскольку это сознание есть земное сознание. И, чтобы найти отношение к этому мировому началу, чтобы уяснить себе существо этого мирового начала, человек должен был именно получать откровения. И это происходило во время всего развития человечества. Когда мы оглядываемся на древние, дохристианские времена, то мы имеем различных учителей, которые, например, на языке Будды назывались Бодисаттвами, а у других народов назывались иным образом. Эти учителя ставились, так сказать, среди людей и сообщали им то, чего они сами не могли достигнуть своим земным сознанием.

Откуда же,— можете вы спросить,— имели эти учителя религий знание о вещах, которые лежат за пределами человеческого сознания? Но вы знаете уже из ряда лекций и теософских сообщений, что существовала «инициация», так называемое, «посвящение», и что все великие учителя религий должны были заканчивать посвящением, то есть должны были сами подняться до оккультного пути или они должны были воспринять от других посвящённых, которые поднялись до оккультного пути. И, таким образом, постигали божественное не своим сознанием, а тем сознанием, которое ставило себя вне земного сознания.

Таково начало древних религий. Все сообщения и откровения, которые получали народы до-христианских времён от великих учителей человечества, приводят, в конце концов, к этим основателям великих религий, которые были инициированы, которые были посвящёнными, и в сверхфизических состояниях получали то, что они сообщали

человечеству. Поэтому отношение самого религиозного человека к Богу оставалось всегда таким, что он представлял себе Бога существом, пребывающим вне его человеческого мира, потусторонним существом, откровение о котором он мог получить только особым путём.

Если сам человек не поднимется до инициации, то и это религиозное отношение также должно оставаться таким, что человек чувствует себя стоящим здесь на земле, чувствует, что своим сознанием он воспринимает предметы земли, а от основателей религий узнаёт нечто о вещах, которые лежат вне чувственного мира и вне мира рассудка,— вообще вне мира человеческого сознания, прежде всего. Так было во всех религиях, и в известном отношении так это осталось в религиях и до сегодняшнего дня.

Мы знаем, что, например, буддизм следует отнести к великому основателю этой религии, Будде. Но когда речь идёт об основании буддизма, то всегда указывается, что Будда достиг посвящения, высшего созерцания во время своего пребывания под деревом Бодхи, что есть лишь особое выражение того факта, что на 29-м году своей жизни он получил способность созерцать в духовном мире и открывать другим то, что он познал в духовном мире.

При этом дело не столько в том, что именно открывается. То, что открывается, согласуется всегда с тем, что может быть воспринято. Если мы возьмём, например, древнюю Грецию, поскольку она получила свои религиозные представления от пифагорейства, то мы видим опять - таки, что Пифагор прошёл через посвящение и, благодаря этому, мог принести из духовных миров то, что он, именно принимая во внимание потребность тогдашних людей, мог привить человеческому сознанию.

Этим характеризовано отношение религиозного человека к духовному миру, и это отношение таково, что нельзя мыслить иначе, как противоположность человека и божественного мира. Видят ли в этом божественном мире плюрализм, множественность существ или единства, предлагают ли политеизм или монотеизм, этот вопрос должен нас здесь меньше касаться. Главное в том, что человек, находит себя противопоставленным божественному миру, который должен быть дан ему в откровении.

В этом также причина, почему теология так упорно держится за то, чтобы само человеческое познание не

вливалось в религиозные представления. Ибо когда человеческое познание вливается в религиозные представления, оно должно быть тем познанием, которое достигается человеком только в сверхчувственных состояниях путём восхождения в духовные миры. Но тогда это есть как бы вторжение в те области, которые теология,— не религия, как таковая,— хочет именно устранить от влияния на религиозные представления человечества. И поэтому теологи так настойчиво учат, что есть два пути заблуждения, которые теология должна избегать. Первый путь якобы тот, когда теология вырождается в теософию, ибо тогда человек как бы хочет дорасти до Бога, которому он, как человек, должен только противостоять. И теологи повсеместно учат о том, что теология не смеет вырождаться в теософию.

Второе заблуждение, по словам теологов, это мистика, хотя сами они делают иногда маленькие вылазки в теософию или в мистическую область. Но мы очень хорошо отличаем просто религиозного человека от мистика. Ибо мистик есть нечто совсем другое, чем просто религиозный человек. Религиозный человек характеризуется тем, что, стоя на земле, он приходит в связь с пребывающим вне его сознания Богом.

Но мы видели, что в человеческой душевной жизни имеются ещё и другие переживания. Мы видели, что, кроме того, чего мы коснулись сегодня, в человеческой душевной жизни имеется мыслительная жизнь — жизнь, которая прибегает к орудию мозга. Имея обычное сознание, человек имеет, разумеется, и мозг, и имеет также мир своих мыслей. Всё это сплетается одно с другим. Одно не бывает без другого. Поэтому, в том, что мы называем человеческим сознанием, вплетаются мысли, переживания, которые возникают у нас, когда вы пользуетесь орудием мозга.

И религии всегда могут быть пронизаны мыслями, связанными с орудием мозга, ибо, являясь носителем откровений, основателем религии, посвящённый может облекать божественные откровения в такие формы, что люди понимают их, когда пользуются орудием своего мозга. Таким образом, религия может быть облечена в представления мозга; но, кроме того, она может быть облечена и в такие представления, которые пользуются орудием сердца, так что религия может говорить или больше к мозгу, или больше к сердцу. Поэтому когда мы сравниваем между собой

различные религии, то мы находим, что одни говорят более к рассудку, к переживаниям человека, связанным больше с мозгом; другие говорят, обращаясь больше к представлениям и ощущениям сердца и к жизни чувства.

Это различие, несомненно, можно заметить в отдельных религиях. Но характерная особенность всех религий заключается в том, что человек сохраняет своё Я-сознание, что он остаётся сознательным, как человек. Тогда Я-сознание действует здесь на земле, а извне на него действует то сущностное, что пребывает в духовном мире.

Когда же человек становится мистиком, то его развитие начинается прежде сего с радикальнейшего изменения иесго того, что связано с обычным сознанием. То, что особенно тщательно сохраняет религия, как таковая, пока она остаётся религией,— а именно тот факт, что человек, как таковой, находит себя предоставленным себе самому, что он противопоставляет своё, чисто земное сознание, божественному миру, это именно преодолевает мистика. Все мистики, до-христианские и после-христианские, стремились всегда вырваться из этого человеческого сознания. Они хотели всегда сделать шаг вверх, в сверхчеловеческие миры, то есть выйти из обыкновенного человеческого сознания, преодолеть его. Это характерно для мистики — преодоление обычного сознания, вживание в то состояние, где наступает забвение себя. И, если мистики идут достаточно далеко, то это самозабвение должно переходить в самоуничтожение, в угашение себя. Подлинные мистические состояния, восторги, экстаз, направлены на угашение того, что человек называет ограниченностью своего земного сознания,— чтобы этим путём дорасти до высшего.

Если не разобрать отдельных примеров, то только с трудом можно составить себе представление о сущности мистики, так как она выступает в самых разных формах и существует множество разного рода мистиков. Поэтому будет хорошо, если и мы остановимся здесь на этих отдельных примерах.

Представим себе, после всего, о чём мы сейчас говорили, что мистик чувствует себя призванным преодолеть своё обычное Я-сознание, исключить его и, таким образом, подняться над самим собой. Но, конечно, при этом у него остаётся — это вы легко можете себе представить,— то, что человек имеет обычно, как свои душевные переживания, когда он пользуется своим мозгом и сердцем. Мистик хочет

выключить сознание, но этим он ещё не выключает всех переживаний, возникающих благодаря деятельности мозга и сердца. Отсюда вы получаете уже всевозможные оттенки мистиков. Уясним же себе, каковы могут быть эти оттенки. Чтобы сделать это более наглядным, напишем их следующим образом:

- A. Переживания сердца - Неоплатоники, Скотус. Переживания мозга - Эригена, Мейстер Экхарт.
- B. Переживания сердца — Франциск Ассизский.
- C. Переживания сознания — Гегель.
- D. Переживания сознания — Святой Терезы.

Итак, мистик может иметь переживания мозга и переживания сердца. Но сознание он выключает. Тогда этот мистик является нам таким, что мы можем сказать: в экстазе он выходит из себя; но его мысли и ощущения остались такими, которые мы знаем: он ещё не выключил того, что мыслится и чувствуется благодаря деятельности мозга и сердца. Такого рода мистиков, имеющих переживания мозга и переживания сердца, мы находим, собственно, только, если пойдём довольно далеко назад в историческом прошлом; мы находим их именно среди тех мистиков, которые — после основания христианства стремились, при помощи Греко-платоновской философии, подняться мистически к божественному «Я». Это были люди, вроде неоплатоников Ямблиха и Плотина. Сюда же относится и мистик Скотус Эригена; и, если не придерживаться строго этого оттенка, и взять мистика у которого переживания мозга преобладают, а переживания сердца более слабы, то сюда же, в ряд этих мистиков, можно было бы заключить также и Мейстера Экхарта. Тогда это будет, так сказать, класс А — мистики с переживаниями сердца и мозга.

Мистики второго рода суть те, которые выключают не только сознание, но вместе с сознанием выключают ещё и свои переживания мозга, и оставляют только те переживания, которые человек имеет, когда пользуется орудием сердца. Эти мистики, как правило, выступают так, что мы видим: они любят то, что идёт через мысль. Вместе с сознанием они хотят выключить также и мысли. Только то, что достигается через орудие сердца, кажется им нужным для личного развития человека. Итак, это суть мистики, которые выключают переживания мозга и переживания сознания, и стремятся преодолеть человеческое сознание

тем, что экстатически выходит из этого сознания, и сохраняют ещё связь с собой, как с человеком, утверждая своё отношение к окружающему миру в переживании сердца.

Если вы конкретно представите себе такого мистика, то вы можете приблизительно сказать, что это будет экстатик, который хочет выйти из себя и предпочитает такие состояния, когда он всецело свободен от себя; но как только вы хотите сообщить ему что-нибудь, для чего нужно пользоваться мозгом (то есть мышлением), он отнесётся к этому отрицательно. Будете ли вы говорить ему о высших мирах или о внешней природе, это будет для него, в конце концов, совершенно безразлично. Он на всё скажет: ничего этого не нужно знать. Утверждая свою связь с окружающим миром на переживаниях сердца, можно прекрасно выполнить свой человеческий долг. Эти мистики, которые из всех человеческих душевных переживаний позволяют говорить только переживаниями сердца, будут не легко доступны для особенно сложных представлений, какие приобретаются благодаря оккультизму; ибо для этого необходимо всегда хоть немного мышления.

Так, когда одного известного мистика спросили, не хочет ли он взять псалтырь — потому что он совсем не читал Священного Писания,— то он ответил: «Кто возьмёт сперва псалтырь, тот скоро захочет ещё большую книгу; и нельзя предвидеть, чего он тогда ещё захочет, если начнёт хотеть знать что-нибудь из того, что облекается в мысли». О внешней природе он также не хотел иметь никаких внешних мыслей. Он говорил: «Человек не может узнать ничего, чего бы он уже не знал». Так отрицал он всякое знание. — Таков мистик с одними переживаниями сердца, то есть принадлежащий к категории В.

Но у такого мистика происходит большое сбережение душевных сил, именно благодаря тому, что он совсем не пользуется рассудком, мыслительной силой. Сознание он также выключает. Таким образом, когда такой мистик находится в экстатических состояниях с выключением человеческого земного сознания, то, воспринимая в своём окружении всё, что можно видеть глазами, слышать ушами, короче говоря, воспринимать всеми чувствами, имея всё это вокруг себя, воспринимая всё это и не желая этого понимать, так как понимание он считает ненужным. Этот мистик сохраняет большой излишек сил, дающих ему возможность особенно почувствовать окружающую нас природу.

В качестве мистика, можно таким же образом защититься и от теологии. Итак, природа окружает всех мистиков. Но мистик отверг бы также и науку о природе. Благодаря этому он берегает в себе те силы, которые он истратил бы на то., чтобы мыслить о природе. Так что он не будет изучать природу. Но благодаря тому, что он пользуется силами сердца, оно у него сильнее развивается. В гораздо большей степени, чем человек, который расходует свои силы на рассудок и на своё самосознание, этот мистик будет посредством своего сердца чувствовать и ощущать всё, что могут сказать ему окружающие его существа природы. Поэтому мы можем предположить именно у такого мистика наиболее ярко выраженное, наиболее конкретное чувство природы. Один такой мистик облёк однажды это чувство природы в следующие слова, которые я хочу вам привести, чтобы вы видели, каким живым становится чувство природы у подобного мистика.

«Всевышний, всемогущий и благой Господь! Тебе хвала, слава, честь, всяческое поклонение. Тебе единому подобает это. Никакой человек не достоин назвать Тебя. Да будет благословен Господь Бог и все создания Его, прежде всего наш благородный брат, Солнце, которое производит день и озаряет нас своим светом. Прекрасно оно и сияет в своём блеске. Твоим подобием, о Господи, ради сестры нашей Луны и также ради всех звёзд, которые Он поставил на небе и заставил сиять в блеске и красоте. Да будет благословен Бог, Господь, ради братьев наших: ветра, воздуха и облаков, ради всех времён, прошлых, настоящих и будущих, в которые он хочет сохранить создания свои. Да будет благословен Бог, Господь, ради сестры нашей воды, которая столь полезна и смиренна и также прекрасна и чиста. Да будет благословен Бог, Господь ради брата нашего огня, которым он освещает нам ночь и который так красив и весел и силен и могущественен. Да будет благословен Бог, Господь, ради матери нашей Земли, от которой мы получаем питание, и силу, и всяческие плоды и также всё пёстрое обилие цветов и трав».

Вы видите, что сознание здесь вышло из себя и поэтому, можно сказать, что это есть опьяняющая сила сердечного чувства, проникнутая тем, чего не могут воспринимать глаза и другие чувства (ибо человек этот — мистик), но что испытывает душа, как растворение в божественности природы. Когда же в этом участвует и человеческое сознание, тогда у человека появляется то чувство природы, о

котором Гёте так прекрасно говорит в «Фаусте»:

«Высокий дух, ты дал мне, дал мне всё, о чём просил я. Ты не напрасно мне свой лик в огне явил. Ты дал мне красоту природы царства; Дал силу чувствовать и наслаждаться ею. Не хладным гостем только быть, — Нет, ты мне дозволил в глубину её взглянуть, Как в грудь раскрытую родного друга. Провёл передо мною цепь живых Существ, и научил узнать, что братья мне И молчаливый куст, и ветер, и вода». Здесь вы имеете отзвук того чувства, тайна которого была раскрыта выше. И, когда вы рассматриваете Фауста, то видите, что это становится частью его душевной жизни. — Но вы имеете мистика, у которого эта одна сторона, этот один элемент человеческого переживания затмевает своим блеском всё стальное, и который стоит перед природой так, что Солнце становится для него братом, Луна — сестрой, огонь — братом, земля — матерью, и он чувствует, таким образом, её духовность. Вы имеете здесь выход из обыкновенного человеческого сознания с сохранением всех душевных переживаний, которые могут развиваться благодаря орудию сердца. Таков мистик, которого вы все знаете: Франциск Ассизский.

В нём мы имеем исключительно яркий пример мистика, действовавшего в той инкарнации, в которой жил тогда Франциск Ассизский, таким образом, что он отвергал, как внешнее знание, так и всю теологию, и также всякое знание о сверхчувственных вещах. Поэтому у него с таким величием и силой выступило слияние с духом природы.

Но это не пантеистическая духовность, которая всегда имеет в себе нечто от более тонкого чувства аффектации; это не мечтательность и не воспевание всеобщего духа природы; но он говорит о конкретных ощущениях детского, братского, сестринского чувства, которые пронизывают его душу, когда он стоит перед существами природы.

Людей, которые ищут экстаза, то есть отказа от своего самосознания или угашения своего самосознания, и в известных состояниях исключают те душевные переживания, которые связаны с орудием сердца, но сохраняют зато мышление, переживания мозга,— этих людей на обыкновенном языке часто не называют мистиками, потому что от мистика обычно требуют, чтобы его переживания вещей были пронизаны чувством. Вы легко можете понять, отчего это происходит. Представьте себе человека, который устранил из своих душевных переживаний всё личное

самосознание. Тогда в нём отсутствует именно то, что другие люди считают интересным в человеке, то есть личность. Ибо люди интересуются друг в друге именно их личностью.

Но то, что мы называем переживанием сердца, имеет ещё такой сильный личный оттенок, когда оно выступает перед нами в том роде, как это было у Франциска Ассизского, имеет в себе ещё столько привлекательной общечеловеческой силы, что наше сознание следит за ним с интересом, но не так охотно присоединяется к этому своей волей. И это естественно, особенно в наше время, ибо далеко не все могут стать теперь такими, как Франциск Ассизский. И всё-таки всеобъемлющая широта сердца,— всё то, что может быть им охвачено — это привлекает людей, хотя личное здесь угашено. Это устранение и угашение сознания, эта приглушённость сознания у такого мистика как Франциск Ассизский приводит, с одной стороны, как вы знаете, к известному радикализму, и, с другой стороны, это удерживает людей,— хотя они и интересуются им,— от прямого подражания ему. Обыкновенно люди не хотят выходить из своего сознания, так как чувствуют, что потеряют почву под ногами, если выйдут из своего сознания.

Но представьте себе, что мог бы быть такой мистик, который совершенно выключил всё личное сознание и, кроме того, ещё все переживания сердца. Тогда он давал бы людям только чистые мысли,— мысли и представления, которые пользуются только орудием мозга. Как правило, человек не может жить всегда в таком состоянии. Франциском Ассизским можно быть в значительной степени, ибо то, что развивается, как переживание сердца, действительно может быть применимо в общечеловеческом смысле. Но тот, кто вместе со своим сознанием, со своим личным Я-сознанием подавляет в себе также и переживания сердца и живёт только в мыслях, выражает в мыслях только то, что связано в человеке с мозгом, — такой человек необходимо может предаваться этому занятию только в определённые, можно было бы сказать, избранные мгновения своей жизни. Ибо жизнь на земле всегда зовёт нас к личному; и, если бы кто-нибудь жил только в мыслях, пользовался бы только мозгом, то он не мог бы выполнять никакой земной работы. Поэтому он может отдаваться этому только на короткое время, только на мгновения, может пользоваться исключительно мозгом, И для других людей он будет человеком, к которому их не только не тянет, но от которого они вообще бегут. Ибо людей больше всего интересуют именно личные переживания. А он

их подавляет. И тогда люди толпами бегут от него, то есть они не имеют никакого интереса к нему приближаться.

В правильном смысле слова таким мистиком можно назвать философа Гегеля, о котором я вам уже говорил. То, что он даёт, должно полнее намеренно исключать всякую личную, сознательную точку зрения, и также все переживания сердца. Это должно быть чисто мыслительной концепцией, так что образец мистика с одними переживаниями мозга мы можем в самом высоком смысле назвать «Гегель». Такой человек поднимает нас, так сказать, на чистейшие, эфирные высоты мысли. Ибо в то время как в обыкновенной жизни человек имеет только такие мысли, которые коренятся в личном интересе, в личном сознании, и пронизаны, проникнуты этим личным, у такого философского мистика (как Гегель) это именно должно быть исключено. Такой мистик исключает также и то, что делает духовное желанным, благодаря тому, что оно связывается с переживаниями сердца. С количественной отрешённостью он отдаётся течению чистых переживаний мозга (то есть мышления) Поэтому из высшего, что может пережить человеческое сердце, он имеет только мысли.

Это именно и раздражает большинство людей в Гегели, что в нём нет ничего, напоминающего о переживаниях сердца, но что он все вещи сводит только к мыслительным образам. Холод и пустоту чувствует большинство людей, когда то, что они ценят в сердце, они находят у Гегеля кристаллизованными в холод мысли. И то, в чём утверждает себя личность, то, благодаря чему человек крепко стоит в земной жизни, самосознание, сознание Я,— всё это у Гегеля имеется только как мысль. Разумеется, Гегель обращает своё внимание также и на «Я», поскольку оно есть идея особенно важного переживания, переживания — «Я».

Он делает это. Но это остаётся мысленным образом, и Гегель не пронизан коренящейся в самосознании жизненностью и непосредственностью человеческой личности.

Далее мы имеем ещё один возможный тип мистика. Это был бы мистик, выключивший в себе все три способности: земное сознание, переживания сердца и переживания мозга. Тогда мы имели бы мистика типа В, который выключил бы в себе все земные человеческие переживания души. Вы можете себе представить, что это чрезвычайно трудно достигнуть. Но для оккультиста (и мы будем ещё говорить об

этом более подробно) является чем-то само собою разумеющимся подъёмом к таким состояниям, когда выключается то, что связано с орудием мозга и сердца, поскольку они созданы из земных сил и поскольку они пользуются сознанием. Для опытного оккультиста это есть нечто само собой разумеющееся. Но тогда он начинает жить и познавать в сверхчеловеческом мире; и в то время, как он угасил в себе всё что приводит его в связь с земными людьми окружающего мира, вокруг него открывается высший мир. Таким образом, он выходит из одного и переходит во что-то другое. Но мистик, который выключает все три рода переживаний, пользующихся земными орудиями, не переходит тогда ни во что, могущее наполнить его сознание. Разумеется, он не вступает в ничто, ибо, кроме нашего сознания, существует, ведь, ещё божественно-духовный, сверхчувственный мир. Но он вступает в него не так, как оккультист, которому открывается тогда неизреченное слово, сверхчувственный свет; он подавляет своё сознание, он подавляет все имеющиеся в нём силы, и наконец чувствует ещё только то, как после преодоления всех этих человеческих переживаний он с чем-то соединяется и пребывает внутри этого.

Тогда нечто начинает воздействовать на него, как угашение сознания, как угашение всех земных переживаний, как слияние с чем-то, что чувствуется, ощущается, что воспринимается в опьянении, с чем соединяются в восторге и экстазе, но о чём нельзя рассказать, ибо это не переживается никаким определённым образом, ни в каких конкретных восприятиях.

Мы увидим, когда будем далее говорить об оккультизме, что было бы опасно, если бы человек сразу решительно пресёк в себе все три рода переживаний, то есть переживания мозга, сердца и сознания. Тогда он стал бы мистиком, который после так называемого, слияния в экстазе, был бы подобен спящему человеку, который во сне соединяется с божественным, но ничего об этом не знает, и не имеет даже чувства того, что он соединён с божеством. Если мистик хочет получить хотя бы живое ощущение и чувство соединения с божественным, то он должен погашать эти отдельные личные переживания постепенно одно за другим.

Тогда мы приходи к мистiku, который может показать это нам на примере, к личности, которая шла действительно

этим путём, и приглашала, некоторым образом, к подражанию ей в своих сочинениях; эта личность стремилась, прежде всего, со всей силой подавить и погасить в себе личное самосознание. Но тогда оставалась ещё деятельность сил сердца и рассудка. Следующее, что было преодолено этой личностью, это — силы рассудка, и последнее — силы сердца. Что переживания сердца остались последними, это обусловило в ней совершенно исключительную силу и интенсивность чувства при вступлении в мир, который лежит вне сознания. Итак, преодоление происходит в этой последовательности. Сперва сознание, потом переживания мозга, и, наконец, переживания сердца.

Весьма характерно, что эта личность, прошедшая самым правильным образом такого рода мистический путь, была женщина. Не правда ли в области теософии мы не можем быть поняты в этих вещах неверно; вещи нужно брать объективно. Для женщины это действительно легче, потому что — как мы это узнаем ещё из других сообщений — особенность женской природы такова, что ей легче преодолеть себя самоё, то есть все душевные переживания. Эта женщина, которая указанным, правильным образом пережила мистику так, что она постепенно погасила и истребила в себе все связанные с орудием мозга и сердца переживания души и ощущала затем соединение с орудием мозга и сердца переживания души и ощутила затем соединение с божественным духом, как некое бракосочетание, как всеобъятие,— это была Святая Тереза.

Если вы проследите жизнь Святой Терезы и рассмотрите её на основе того исследования, какое мы провели сегодня о понимании мистики в человеке, то вы скажете, что такой случай мистики может быть только исключительным. Гораздо чаще и обыкновеннее душевные переживания преодолеваются не с такой чистотой и силой, как это было у Святой Терезы, но исключаются только частично, и некоторая доля их остаётся.

Таким образом, мы получаем опять три вида мистиков. Мы получаем, во-первых, таких мистиков, которые хотя и желают преодолеть всё, что живёт в них, как душевные переживания, но у которых остаются переживания, связанные главным образом с мозгом. Как правило, эти мистики являются натурами, которые можно было бы сказать,— если не понимать этого выражения тривиально,—

в высшем смысле слова практически, мудрыми людьми; людьми, которые хорошо справляются с жизнью, так как они пользуются своим мозгом, и которые, благодаря тому, что они в высокой степени преодолели в себе личное, вызывают симпатию своей вне-личной природой.

Затем имеются мистики, которые, хотя и стремились преодолеть все переживания сердца, но мало в этом успели. Заметьте хорошенько разницу между этими мистиками и таким, каков был Франциск Ассизский, который не стремился к тому, чтобы преодолеть переживания сердца, но сохранил их в полном объёме, и поэтому также сохранил их вполне здоровыми. В этом и состоит возвышенное величие Франциска Ассизского, что его сердце расширилось надо всем его душевным существом. Следовательно, я разумею не тех мистиков, которые не стремятся преодолеть переживания сердца. Я говорю, напротив, о тех, которые именно стремятся преодолеть переживания сердца, со всей силой стараются их подавить, но которым это не удаётся.

У них мы не находим тогда того необычайного слияния со сверхчувственно-духовным, какое встречает нас у Святой Терезы. Мы находим у этих мистиков, которые стремились выйти из пределов лично-человечески-земного, и тем не менее в сильнейшей степени сохранили переживания сердца, — что в их стремление вмещивается нечто человечески довольно таки ограниченное. И тогда действительно получается, что это бракосочетание, эта охваченность божественно-духовным весьма походит на любовные ощущения, любовные инстинкты человеческой природы в обыкновенной жизни.

Этих мистиков, которые любят Бога и божественные миры, как любят что-нибудь человеческое, вы найдёте в достаточном количестве, если перелистаете историю святых, историю монахов и монахинь. Тогда вы увидите, как многие из этих мистиков с чисто человеческим жаром, можно сказать, с человеческой любовью влюблены в Мадонну, которая становится для них прямой заменой человеческой женщины. Или, как монахини влюблены в своего жениха-Христа со всеми чувствами человечески-земной любви. Эта область психологически весьма интересна, но не всегда производит приятное впечатление; это особая группа церковно-религиозных мистиков, которые стремятся к описанным выше переживаниям, но не могут этого достигнуть, так как человеческая природа удерживает их

вдали от этого.

Далее мы приходим к мистикам типа святой Хильдегарды, которые имеют прекрасные задатки, но имеют также и нечто от обыкновенных, земных влечений, примешивающихся к их мистическим переживаниям, к их мистическим ощущениям. Они впадают уже в переживания, очень близкие к эротическому переживанию, в мистическую эротику, которую вы можете встретить в истории мистиков, когда в своих сердечных излияниях они говорят о невесте своей души, о пламенной любви к жениху-Иисусу и т.п.

Наиболее приемлемы эти мистические личности становятся ещё тогда, когда они сохраняют в себе довольно значительную долю обыкновенного человеческого сознания, когда своим человечески личным они могут стать над своим мистическим переживанием, когда в их сознание входит несколько юмора и иронии, когда они рассматривают себя и видят, что не победили, но что в них есть ещё нечто человеческое. Тогда это получает личный отпечаток и теряет тот неприятный характер, который появляется в результате искомого, но не достигнутого преодоления всех переживаний сердца. Несимпатично здесь действует именно то, что человек стремится чего-либо достигнуть, но это ему не удаётся и он задерживается как раз тем, что он больше всего хочет преодолеть.

Тогда это приобретает известный несимпатичный оттенок, который ощущается, как мнимая святость или лицемерие, ибо как бы обходным путём через аскезу непреодолённое желание проявляется в том, что изживает себя в обыкновенных человеческих вожделениях.

Напротив, когда при этом присутствует ирония и юмор, когда данная личность имеет моменты, в которые она пользуется своим обыкновенным, человеческим сознанием, видит себя со стороны и с обыкновенной, человеческой точки зрения, говорит себе правду; когда она сменяет свои мистические моменты такими, в которые она говорит себе правду, тогда всё становится гораздо более симпатичным, как например, у такой мистической личности, как Мехтхильда из Магдебурга.

Эта Мехтхильда из Магдебурга отличается от других, подобных ей личностей, именно тем, то хотя в ней есть нечто страстно-эротическое по отношению к божественно-духовному, но она с известным оттенком юмора

высказывается о своей божественной госпоже Любви или о своей божественной Любви вообще, как говорят, например, о человеческой любви. Она не облакает этого в возвышенные слова, но говорит об этом так, что всегда слышится некоторая ирония. Это отличается от того, что мы читаем, напротив, в писаниях святой Гильдегарды, также не вполне свободных от человечески-личного и даже в писаниях некоторых высоко ценимых мистиков. Но Метхильда из Магдебурга чувствует себя страстно перенесенной на границу божественно-духовного, и говорит действию тельно откровенно, не называя того, в чём есть эротика сердца, проявлением религиозного восторга, а говорит о религиозной любовной связи. Так это звучит, когда она говорит о госпоже Любви, под которой она понимает своего божественного жениха.

Таким образом, вы имеете здесь также различные оттенки. В последнем случае вы имеете оттенок, в котором сильны еще переживания сердца, но сохранилось и то, что можно назвать личным сознанием. Короче, мистика есть область, имеющая бесконечно много оттенков; но при этом мы совсем не коснулись того (об этом мы будем ещё говорить), что обозначается, как древнейшая греческая мистика, как вы найдёте её представленной в моей книге «Христианство как мистический факт». К этой мистике в сегодняшнем исследовании мы ещё не подошли. Но одно мы можем узнать уже из указанных сегодня нюансов,— а именно, что все мистики имеют стремление переступить пределы обыкновенного, личного Я-сознания, погасить его, и что, если человек не хочет после этого потерять почву под ногами, то в нём должно открыться другое сознание. Сущность мистики именно в том, что, достигая до границы духовного, мистик ощущает божественно-духовное как некое слияние, но не вступает в мир божественно-духовного. Снимается сознание, воспитанное на внешних предметах, требующее внешнего предмета. Стремление мистики заключается в том, чтобы сбросить с себя это сознание. Ясно, что мистик хочет выйти из себя самого. Но когда человек хочет сознательно пережить то, что даётся в неизреченном слове в неоткровенном свете, то, понятно, что он должен пережить это в новом, в другом сознании. Поэтому мистик, если он хочет стать оккультистом, должен не только отказаться от обычного сознания, но позаботиться о том, чтобы развить в себе другое, высшее, сознание, и именно сознание без предмета сознания. Завтра мы будем говорить

дальше об этом высшем сознании, в которое должен вступить оккультист.

Пятая лекция. 7 июня 1912 г.

Мои милые теософские друзья! Вчера мы провели перед своей душой — хотя бы частично — разнообразные формы мистики. Это вчерашнее рассмотрение должно было показать, что мистик, особенно в новейшее, после христианское время,— есть человек, который вступает на оккультную стезю, на оккультный путь, и для этой цели стремится преодолеть своё личное, своё повседневное сознание.

Но именно на примерах мистиков, которых мы могли вчера рассмотреть, мы показали, каким образом мистик может уклониться от своего пути. Эту ошибку он может сделать благодаря тому, что он стремится преодолеть, и даже совсем погасить своё обычное сознание, но при этом и мы показали это на примере выдающихся мистических личностей,— в момент, когда вместо обычного сознания у него должно было бы открыться сверхчувственное опытное познание, он оказывается в такой области, которая исключает, в сущности, всякий опыт, всякое действительное познание. Поэтому мы должны были отметить, как одна выдающаяся мистическая личность определяет свою цель, выражая её словом брак, слияние. И вместе с тем мы должны были охарактеризовать этот брак, это слияние, как некоторого рода потерю своего Я, как отрыв от себя, как не владение больше собой, нечто вроде как бы высшего сна, как бы переход в другой элемент.

Благодаря этому последнему обстоятельству мистика, в том виде, как она чаще всего встречается, хотя и представляет собой путь к оккультизму, но она никогда не может постигнуть до сознания без сознаваемого предмета. Ибо как только мистик отходит от предметов внешнего мира, так он, по крайней мере те мистики, о которых мы вчера говорили,— теряет тотчас же и самое сознание; им овладевает тогда иное состояние, состояние опьянённости, потери себя; и, таким образом, он не достигает того, что мы должны были указать, как третий элемент оккультного переживания,— а именно, того высшего сознания, которое не имеет в себе ни одного из тех внешних предметов, какие заполняют обычно сознание, и которое есть, тем не менее,

некое сознание.

Сегодня я хочу показать вам, как поступает именно оккультист, когда он исходит из обычного сознания, покидает это сознание, но не теряет себя, и имеет кроме того ещё нечто, в чём он живёт. Если мы поставим вопрос: отчего мистики, подобные тем, которых мы рассматривали вчера, теряют себя, то мы должны сказать: это происходит оттого, что как бы внимательно мы их ни рассматривали, у большинства этих личностей мы не находим внутренней причины, побуждающей их выйти из себя; именно этой внутренней, побуждающей причины у них не имеется.

Можно было бы показать, что у всех рассмотренных вчера мистиков имелись именно внешние причины, побуждавшие их стремиться к отрыву от своей личности. Мы могли бы показать, что у Франциска Ассизского имелись определённые, скажем, унаследованные им, ясновидческие, визионарные состояния. Мы могли бы показать, что у названных вчера мистичек этой причиной была личность, и особенно подчеркиваю это — личность самого Иисуса, который являлся им, как жених; и мы сразу же видим: если бы на этих мистичек не оказала воздействия христианская традиция, то есть внешнее обстоятельство, если бы они не получили этого внешнего побуждения, то они не пришли бы к своим мистическим состояниям.

Именно это внешнее побуждение имелось у всех мистиков, о которых мы упоминали вчера. Но должна существовать внутренняя, побуждающая причина, которая подвигает человека к преодолению своей личности. И эта причина действительно существует у истинного оккультного ученика. Мы можем представить её себе следующим образом. Предположим, что человек задумается над своим Я, над этим удивительным членом человеческого существа, над этим центром своего сознания. И тогда он прежде всего замечает, что это Я есть нечто, так сказать, связующее, объединяющее его жизнь в земном состоянии. Если бы вы исследовали естественнонаучным путём свою жизнь, то убедились бы, что наше внешнее тело с его субстанцией, — каким оно встаёт перед вами, — имеет весьма мало отношения к тому, что в вас постоянно, устойчиво на земле; ибо естествознание покажет вам, что все субстанции нашего тела обновляются в течение 7—8-ми лет, так что едва ли многие из Вас могут предположить, что в них имеется теперь что-нибудь от тех субстанций их тела, какие они имели в

себе в детстве; пожалуй все, сидящие здесь должны будут сказать себе, что за время жизни их тело до основания изменило свою субстанцию; что, по существу, это тело стало совсем другим. И, таким образом, устойчивость, постоянство мы никак не можем отнести к субстанции тела.

Но если вы оставите в стороне внешнюю субстанцию тела и попытаете бросить взгляд на ваше мышление, чувство и волю, то вы вскоре заметите, что они также сильно меняются в течение жизни. Вам достаточно вспомнить, как совсем другие мысли, и совсем другие ощущения, чувства и волевые импульсы действовали в вашей душе в юности, по сравнению с тем, что выступало в ней позднее, и как глубоко, в сущности, изменилась ваша внутренняя, душевная жизнь. Но никому из вас не придёт в голову, если он, как говорят, в здравом уме,— никому из вас не придёт в голову сказать, что у него теперь другое Я, чем то, какое было 10 или 20, 30 лет тому назад, или вообще сколько он себя помнит в прошлом. И если бы человек стал утверждать, что, скажем, после 17 лет он был одним Я, а от 17-ти до 3 или 4-х лет другим Я, то его существо было бы разорвано и он не был бы уже в здравом уме. Итак, относительно этого Я, которое представляет собой истинный центр нашего сознания, мы должны признать, что во всяком случае во время земной жизни оно есть нечто, сохраняющее свою длительность в течение всего нашего земного пути.

Однако при дальнейшем размышлении вскоре оказывается, что в этой оценке нашего Я не всё вполне правильно. Когда вы говорите о себе другим людям, то употребляете слово «я», и подразумеваете под этим «я» всё то, что обнимало наше сознание на продолжении всего нашего жизненного пути. Это основное ощущение от Я и было причиной того, что многие философы (и до сих пор) говорят о «Я», как о том, из чего следует исходить, когда хотят сказать что-нибудь о существе человека. Просматривая новейшую философию, можно сказать, постоянно встречаешь это стремление установить отношение к Я. От Фихте до Бергсона,— если мы возьмём только этот последний период — вы повсюду найдёте стремление исходить из Я. Этим путём достигнуты значительные, заслуживающие внимания результаты. Но кто задумается ещё глубже, кто продумает это ещё глубже, у того внезапно появится совсем другая мысль. У него появится следующая мысль: Хотя ты говоришь о постоянстве своего Я, хотя ты убеждён в неизменности, устойчивости этого Я в течение твоей земной жизни, но

знаешь ли ты это Я, можешь ли ты его как-нибудь обрисовать, показать? Кто действительно продумает это, тот убедится, что его Я совсем не так неизменно, как он предполагал, ибо сама жизнь опровергает всякую философию чистого Я, представители которой говорят о постоянстве находимого ими Я. Каждая ночь, когда человек засыпает, опровергает непрерывность Я. Ибо тогда его Я погашено; так что, говоря о своём Я, мы делаем, в сущности, определённую ошибку. Мы припоминаем свою жизнь, и незаметно для себя пропускаем то, что (как известно) к нам также относится,— а именно наше Я во время сна ночью, ибо тогда мы ничего не знаем об этом Я. Итак, при воспоминании о нашем Я, мы имеем не непрерывную, а прерывную линию.

Но, как вообще возможно, что мы имеем дело именно с прерывной линией, как это возможно, что наше сознание Я постоянно прерывается? Это происходит оттого, что, как люди, мы имеем не Я, а только мысль, только представление Я. А так как при засыпании все представления погружаются в мрак бессознания, то это же происходит и с мыслью-Я. Вместе со всем остальным она также уходит в бессознание.

Уже самый этот факт её угасания вместе с миром всех представлений, показывает нам, что в этом Я — а философски имеет только это представление Я — нам дано лишь отражение чего-то, о чём мы говорим, когда произносим «Я», на что даётся нам только как образ.

Итак, с этим постоянным носителем нашей душевной жизни, с этим Я и его познанием дело обстоит вовсе не так, чтобы его можно было взять за правильную исходную точку для оккультизма. Ибо сначала оно дано только как образ, оно имеется только как образ.

Но наша душевная жизнь есть нечто весьма своеобразное, весьма особенное, нечто, позволяющее сделать известное заключение. В нашей душевной жизни имеется множество представлений, множество образов. Но как именно поступают в нашу душевную жизнь эти представления? У земного человека это происходит благодаря воздействию окружающих его предметов. Если вы как следует рассмотрите своё сознание, если вы рассмотрите свою жизнь представлений,— а это и есть сознание —то вы найдёте: то, что появляется в вас, как представление, что заполняет сознание,— всё это вызывается каким-нибудь внешним предметом; всё это есть, так сказать, образ внешних вещей.

Этим мы указали на причину того, почему именно мы представляем себе одно или другое. Итак, причина теперь нам ясна; она заключается в том, что нас пробуждают к представлению внешние вещи. Не будь их, у вас не было бы этих представлений. Но представление

Я, образ Я есть нечто совсем особое. Найдите во внешнем мире предмет, который вызвал бы в вас представление «Я». Его там нет, его там вовсе не существует. В этом особенность представления «Я», образа-Я, когда мы имеем его только как образ; для других представлений мы можем всегда указать вызвавшие их предметы; но для представления — Я — нет. Так что во всём круге нашей внешней жизни нет того, что имеется в представлении-Я, что облекается в слова: «я есмь».

И мы должны, таким образом, сказать, что в основе этого Я лежит именно нечто неизвестное,— то, чего нельзя найти во внешнем мире, поскольку он предлагается человеку. Нечто совсем особенное есть это «Я». Если бы было возможно внутренне уловить, схватить это «Я»,— как это полагают интуитивисты, вроде Бергсона, если бы можно было уловить нечто большее, чем представление, тогда пожалуй можно было бы сказать, что хотя в этом представлении Я мало земной действительности, хотя это есть действительность, которая дана не извне, но все таки это было бы нечто. Однако этого Я совсем нельзя уловить, нельзя достигнуть.

Но одно может знать об этом Я каждый человек,—одно, что может явиться как бы точкой опоры, наподобие той, какую когда-то требовал для своего рычага Архимед, чтобы сдвинуть центр земли. Одно может явиться этой точкой опоры, когда мы направляем размышление нашей души на это Я. Из многих разнообразных вопросов и мировых загадок, которые могут возникнуть, когда люди обращают своё внимание именно на внешний мир, может быть выделен один вопрос; и с этого вопроса должен собственно всегда начинать оккультный ученик, когда он хочет выйти за пределы своего сознания. Он должен спросить себя: Не видишь ли ты во всей окружающей тебя земной жизни чего-нибудь, что показалось бы тебе таким, что ты мог бы сказать: в этом выражено твоё глубочайшее, внутреннее существо? Не находишь ли ты чего-нибудь, что было бы выражением твоего Я?

Искать этого выражения Я путём рассмотрения душевной жизни было бы делом бесполезным и роковым. Мы нашли бы тогда только наши временные представления и

никогда не получили бы уверенность, что можем найти что-нибудь, выводящее нас из пределов этих земных представлений. Во всяком случае, мы не можем надеяться, что освободимся от нашей личности — чего, как оккультисты, мы должны достигнуть, если будем рассматривать только эту нашу личность, нашу внутреннюю душевную жизнь. Но во внешнем мире мы знаем и переживаем только земного человека, а не Я. И тем не менее мы постепенно приходим к убеждению, что не внутренняя душевная жизнь, а только наш внешний образ мог бы быть выражением того, что соответствовало бы нашему Я. Но, как сказано, уловить самого Я мы не можем. И, когда мы: оглядываемся на своё окружение, то находим только одно — и сначала это есть именно то единственное, что мы можем признать выражением нашего Я: это единственное есть именно наш человеческий образ. Поймите теперь эти слова, чтобы мы могли пройти через это трудное место (это нужно преодолеть, если мы хотим овладеть нашей темой), — поймите как должно «человеческий образ», как его нужно понять, — понять именно то, каким он предстаёт перед ними во внешнем мире. Думаю, что каждый без труда может сказать себе: как внешняя форма растения есть выражение его сущности, как оно имеет эту форму потому, что она отвечает его внутреннему существу; как кристалл оформлен таким, как он есть, потому что это отмечает его внутреннему существу, так и человеческая форма должна отвечать внутреннему человеческому существу. И так как из всех наших земных переживаний мы именно в нашем Я схватываем единство нашего Я, то единство нашей человеческой формы и должно быть выражением человеческого Я. Другими словами: в пределах всех наших восприятий, именно, форма человека, человеческий образ, является выражением человеческого существа. Эти слова кажутся довольно тривиальными; но это есть одно из самых значительных положений, рассмотрению которых мы вообще можем отдаться.

Но оккультист должен пойти дальше. О своём Я он скажет себе, что хотя он и называет его, когда произносит «Я», но что на земле он его нигде не имеет, что его здесь нет, ибо то, что имеется здесь, это есть только представление Я. Но человеческий образ кажется существующим здесь. Не правда ли странные слова, когда я говорю: человеческий образ кажется существующим; так мы поставлены перед удивительной загадкой: мы видим на каждом шагу

человеческий образ, это выражение человеческого Я, но самого Я мы уловить не можем.

Здесь имеется только одна возможность, и эта возможность заключается в том, что оккультист идёт на то, чтобы с достаточной силой почувствовать, что с человеческим образом дело обстоит также, как с человеческим Я. Ибо человеческий образ, который всегда перед нами, не есть выражение того Я, которого нет всегда перед нами. И нужно, чтобы с тем, что по-видимому встречается нам на каждом шагу, о человеческом образе, о человеческой форме мы могли бы также сказать, что его нет здесь, что его именно совсем нет среди земных вещей. В высшей степени важно, чтобы мы проникли до этого представления: с человеческим образом дело обстоит совсем необыкновенно, также как с представлением о человеческом Я, и когда этот человеческий образ выступает во вне перед нами, то он вводит нас, так сказать, в заблуждение, он как бы обманывает нас. Таково ощущение, к которому приходит оккультный ученик: человеческий образ обманывает его, когда хочет быть выражением его Я и в то же время так тривиально просто существовать на земле, между тем как само Я остаётся сокрытым.

Но и в другом отношении не отвечало бы тому требованию, которое мы поставили выше,— требованию «иметь сознание без сознаваемого предмета» (без предмета сознания) — если бы мы допустили в своё сознание этот человеческий образ, который есть всё-таки именно внешний предмет. Или, другими словами: тот человеческий образ, который повсюду встречает нас в жизни, не может быть тем, чего мы ищем, как выражения нашего Я. Но оккультист, разумеется, должен знать, что он не может жить в таких представлениях, в таких суждениях, которые взяты извне; переживания, к которым ему необходим теперь перейти, он не может черпать из внешнего мира, ибо то, что приходит извне, составляет земное сознание, которое он хочет преодолеть. И когда оккультист созерцает свой человеческий образ, то он должен уметь пережить в атом человеческом образе то, что выводит его из пределов всего земного сознания.

Но можем ли мы пережить в человеческом образе действительно нечто, выводящее нас за пределы земного сознания? Да, мы можем пережить это, когда всматриваемся в человеческое лицо и замечаем, что это человеческое лицо

производит на нас совсем особенное впечатление. Но, разумеется, когда, в качестве оккультного ученика, человек хочет прийти к соответствующему ощущению, то он не должен быть слишком увлечён и влюблён в обычное представление, какое об этом лице имеют, ибо тогда он подойдёт к человеческому лицу с таким настроением, что того ощущения, которое должно было бы возникнуть, у него не появится. Здесь нужно проникнуть до таких глубочайших ощущений, какие только вообще для нас возможны, ибо по отношению к человеческому лицу мы приходим к совершенно необычному ощущению: это человеческое лицо не то, каким оно должно было быть. И тогда в человеческом лице, и во всём, что к нему относится, во всей верхней части человека мы научаемся видеть, как всё это было изменено под влиянием того, что можно назвать высокомерием, гордостью и надменностью в душевной человеческой жизни. И это есть уже действительное начало преодоления обычного сознания, когда человек проникает до этого глубочайшего ощущения и говорит: «Ты — человеческое лицо, ты — голова человека, ты — верхняя часть человеческого тела,— ты обманываешь меня; своим высокомерием и гордостью ты придаёшь себе ту форму, какой ты не должно было бы иметь. Когда я всматриваюсь в тебя,— ты, верхняя часть человеческого тела,— то я проницаю твой кажущийся образ; и когда я замечая всё то, что в течение многих инкарнаций было запечатлено в человеке, как высокомерие и гордость, то передо мной выступает нечто совсем другое. Тогда сквозь то, чем кажется человеческий образ в своей верхней части, проступает ощущение, что высокомерием и гордостью человек изменил свой первоначальный облик.

И ещё нечто второе отмечаем мы, в качестве оккультного ученика, в остальной части человеческого образа и человеческого существа. Здесь также на пробуждённое, глубочайшее ощущение человеческой души, этот внешний человеческий образ производит такое же впечатление: в сущности, он нас обманывает, и остальная часть человеческого образа также должна была бы быть другой. В ней также нужно что-то отбросить; и то, что здесь нужно мысленно снять, отделить, это есть вожделение, чувственность. Так что мы должны сказать: образ человека изменён,— сверху — высокомерием, гордостью, надменностью; снизу — вожделением. Если бы вожделение не прожигало его, как внутренний огонь, то нижняя половина человеческого организма была бы другой.

Эти два ощущения являются теми основными ощущениями, из которых нам надлежит исходить. Но отчего возникают в нас эти ощущения. Мы их можем иметь. И мы можем облечь их в два суждения: человек слишком горд, высокомерен, и он слишком охвачен вожделением. Таковы те определённые, внутренние переживания сознания, которые мы можем тогда иметь, которые настойчиво выступают, если мы действительно с глубочайшим душевным ощущением рассматриваем человека. Но разве эти ощущения вызываются каким-нибудь предметом обширного мира земной жизни? Совсем нет, ибо они появляются в человеческом переживании только тогда, когда человек ощущает свой собственный образ, как нечто не должное, когда он отмечает, что вначале этот образ был задуман иным, и был затем изменён гордостью и высокомерием. Так что оба эти переживания вызываются не тем, что мы называем внешним предметом. И однако они могут возникнуть в человеческом сознании, могут в нём появиться, когда человек живёт во внешнем мире.

В высшей степени важно, что человек может прийти к этому внутреннему восприятию, к внутреннему переживанию, не имеющему внешнего предмета. И это внутренне переживание весьма действенно. Оно действует так, что идущий оккультным путём человек отвертывается от своего земного человеческого образа и говорит: «Собственно, такой, каким ты мне предстаёшь, ты не есть истинный человек». Но он отвертывается не так, как мистики, о которых мы вчера говорили, и которые не имели тогда уже ничего от земных переживаний; но он выходит из своего обычного переживания, и всё таки берёт нечто с собой,— он выносит именно суждение о человеческом образе, которое всё снова и снова поднимается из человеческого чувства.

То, что сейчас было охарактеризовано, есть, так сказать, нечто основное, из чего не раз исходило оккультное сознание, когда хотело быть не просто мистическим переживанием, а оккультным сознанием. Оно исходило из представления о человеке, но так, что при этом внешний человеческий образ погашался. Внутреннее же переживание не погашалось. Сохранялось некоторое суждение о человеке, — а именно: собственно то, каким ты являешься теперь, это всё сделала земная жизнь, и ты, в сущности, указываешь совсем на другой образ, совсем на другую форму.

Если мы хотим ещё больше уяснить себе, что имеем здесь

дело с тем, что постепенно может развиваться, в человеке, как сознание без предмета, то необходимо несколько ближе рассмотреть эту человеческую форму. Ибо когда мы чдсазали, что оккультный ученик выходит из себя самого и сохраняет только род чувствующего суждения о человеке, так что как бы отвертывается от верхней половины человека, говоря, что она слишком высокомерна, и от нижней, говоря, что она слишком охвачена вожделением, то это есть всё ещё довольно неопределённое внутреннее переживание, которое может ещё стать конкретным, определённым. Это есть именно то внутреннее переживание, которое, как мы увидим, — приводит к высочайшим областям переживания; но само оно ещё неопределённо.

Чтобы достигнуть большей определённости, рассмотрим детальнее человеческий образ, каким он сначала стоит перед нами. Если бы мы хотели говорить научным языком, то мы сказали бы: «Разложим человеческий образ». Когда мы разлагаем человеческий образ, то делим его на известные части и члены, которые выступают совершенно отчётливо, так как человеческий образ действительно делится на эти части.

Если вы спросите себя: как, собственно, составлен человеческий образ, как построен человек, то эти части наметятся для вас, когда вы воспримете то, что я скажу. Вы убедитесь, что указания, вынесенные из глубин оккультизма, дают действительно исчерпывающее перечисление частей, слагающих человека, что они показывают нам, как именно складывается человеческий образ.

Первое, что существенно для человеческого образа, что бросается нам в глаза, что — в смысле внешней формы делает человека именно человеком, это есть то, на что я указал уже некоторым образом в начале этих лекций. Это есть факт вертикального прямостояния человека, тот факт, что человек есть существо, ходящее в выпрямленном вверх положении. Это есть первое и существенное, — как бы первый член его образа. Чтобы установить для себя этот член человеческого образа, назовём его прямостоянием.

Конечно, вам может сперва показаться несколько произвольным это указание частей человеческого образа. Но если вы точнее вникнете в это, то убедитесь, что здесь нет произвола, и что это раскрывает существо человека в смысле его образа, когда я передаю вам его, исходя из оккультного познания.

Второе, что мы можем признать существенным для человеческого образа, что делает человека именно человеком, это есть факт особого строения его образа в переднем направлении, так что человек может быть говорящим существом, и в нём может рождаться звук. Подумайте, насколько это существенно для человека. Итак, это есть второе. И если человек в общем организован в вертикальном направлении, то здесь он организован вертикально так, что его речевые органы начинаются от сердца и гортани и поднимаются вверх, к лицу. Рассмотрите в этом отношении человека, и вы увидите, что все формы этих органов построены для порождения звука, для образования звука. И поэтому мы можем сказать, что вторым по значению, в порядке частей человеческого образа, является способность к звукообразованию, к речи.

Третье, что вы должны затем признать существенным для человеческого образа, это есть тот факт, что человеческий образ построен симметрично. Вы не можете думать, что человеческий образ не утратил бы ничего существенного для себя, если бы он не был симметричным. Это есть то, что существенно в третьих. Все члены человеческого организма расположены так, что обе стороны являются симметричными. Мы знаем, что имеются исключения; но симметрия есть то, что существенно для расположения членов.

Четвёртое, что имеет значение, заключается в следующем. Когда вы рассматриваете то, что человек имеет в этих трёх членах своего образа: прямостояние, способность речи и симметрия, то мы должны сказать себе: то, что имеется в человеке, как эти три члена,— всё это направлено во вне. Когда человек выпрямляется, это есть нечто ставящее его во внешнем мире. Речь есть нечто, относительно чего мы без сомнения будете знать, что это вводит его во внешний мир. Симметрический образ включает его в известное положение равновесия в пространстве.

Теперь мы переходим к другому: это есть тот факт, что взятый чисто физически человек, есть нечто внутренне замкнутое, что под оболочкой своей кожи он объединил известные органы, отделив их от своего внешнего. И мы можем сказать, что в качестве четвёртого члена своего существа человек имеет обособленное бытие под оболочкой своей кожи, так что органы, несущие внутренние функции, являются закрытыми и защищенными от влияния внешнего

мира. Поэтому мы скажем: замкнутость во внутреннем или обособленность от внешнего есть нечто принадлежащее этому образу.

Следующее, пятое, что относится к этому образу, я прошу видеть в том, что внутри этой замкнутости, под оболочкой кожи, имеются деятельные органы, — то, что живёт и действует там во внутреннем. Эта внутренняя деятельность и жизнь свидетельствуют о том, что человек, каким он стоит перед нами в своём образе, находится в зависимости не только от внешнего мира, но и от своей внутренней части, что там во внутреннем он имеет как бы некий жизненно-действенный центр своего существа. Если мы сравним с теми членами, которые мы уже рассматривали, например, кровеносную систему, то будем иметь нечто, протекающее всецело во внутреннем, внутренне-замкнутое бытие. Таким образом мы имеем замкнутость и мы имеем внутреннее, замыкающееся.

Но эта внутренне замкнутая часть человеческого образа имеет определённую особенность. Она построена двояко,— говоря чисто физически. Есть такие внутренние органы, как лёгкие и сердце, образование которых обязано компромиссу, влиянию извне. Сердце должно корреспондировать с лёгкими, и благодаря этому оно было приспособлено к внешним условиям. Высший мир, воздух, проникает через лёгкие во внутрь и, таким образом, сообщается внутренним органам. Но есть и такие органы, которые своим строением ясно показывают, что они предназначены только для внутренней области. Это суть органы нижней части тела. Их строение обусловлено тем, что они находятся внутри в человеке. Определяющее значение здесь имеет только внутренняя часть в человеке, так что мы можем сказать: в шестых, мы имеем ту часть человеческого образа, которую мы можем назвать чисто внутренней,— внутренняя часть телесного организма; причём важно, чтобы мы осознали: без отношения к внешнему миру.

Теперь мы подошли в человеческом образе к той границе, где нечто должно, так сказать, быть направлено снова во вне, где мы находим в человеческом образе нечто такое, что является снова связанным с внешним миром. Взгляните на форму человеческой ноги. Если бы нога не имела ступни, если бы форма её не соответствовала земной поверхности, то человек не мог бы ходить. Если бы ноги кончались заострённой формой, то человек постоянно падал

бы. Так, всматриваясь в человеческий образ, мы находим здесь органы, которые приспособлены именно к внешним условиям. И не только ступни, но и вся нога в целом имеет такую форму, которая свойственна именно человеку. Если бы он был рыбой или летающим существом, то его органы должны были бы иметь другую форму. Но они оформлены так, что человек является именно стоящим или ходящим по земле существом. Для этой цели: быть существом, которое может работать, стоять и ходить по земле, оформлены все органы вниз от бедра; так что мы можем сказать: в бёдрах мы имеем седьмое, — известное положение равновесия. То, что расположено вверх от них, имеет форму, направленную во вне или замкнутую во внутреннем. То, что ниже них, имеет форму, направленную вниз; и мы можем сказать: в бедрах находится положение равновесия. О том, что ниже бёдер, мы можем сказать, что оно приведено в соответствие с условиями земли.

Когда мы продолжаем дальше рассматривать человека, то имеем органы, приспособленные всецело к внешним условиям: восьмое — органы воспроизведения.

Далее, вам достаточно подумать о том, что человек, если он хочет ходить так, как это подобает человеку, то он должен иметь определённо построенную бедренную кость, которая была бы отделена от нижней части ноги и могла сгибаться в колене. Благодаря этому человек приводится в согласие с условиями земли; и затем — что важно — к бедренной кости внизу примыкает колено, которое существенно определяет нижнюю часть человеческого образа. Далее человек имеет ещё берцовые кости (голени) и, также отдельно от них — ступни.

Вы скажете, что здесь не упомянуты руки. В следующей лекции мы увидим, почему здесь ничего не сказано о руках. Но сначала я попрошу вас рассмотреть эту таблицу. Я говорил уже, что предлагаемое деление человеческого образа на 12 частей может показаться сперва произвольным. Но всё, необходимое человеку для того, чтобы действительно быть земным человеком (как обстоит дело с руками, об этом мы скажем завтра), содержится в этих 12 членах, и содержится таким образом, что каждый из этих членов имеет известную самостоятельность, каждый из них отделён от других; пожалуй, можно представить себе, что эти члены могли бы иметь другую форму, чем та, какую они имеют теперь. Конечно, вы можете представлять себе и другие

формы. Но что эти 12 частей соединены вместе именно так, чтобы мог возникнуть человеческий образ, этого вы не можете не признать.

Если вы представите себе то, чем должен быть человек на земле, то вы не можете не признать, что ему необходим именно этот, сложенный из 12 отдельных членов, образ. Эти 12 членов имели всегда величайшее значение в оккультизме. Эти 12 членов необходимы нам, чтобы вполне оценить всё значение этого человеческого образа в его связи с человеческим существом. Они были всегда известны в оккультизме, и по причинам, которые выяснятся нам в этих лекциях, когда мы будем рассматривать человека с точки зрения оккультизма, теософии и философии, нам будет ясно, почему эти члены в известной связи получили совершенно определённые обозначения. А именно: то, что было указано здесь, как первое,—это называли «Овен», и отмечали знаком разветвлённых рогов овена. То, что было указано, как второе, называли «Телец», и символизировали знаком круга с рогами на вершине круга. Что было указано, как симметрия, называли Близнецы, со знаком симметрии. То, что было обрисовано, как замкнутость во внутреннем, отмечали знаком (условно: 69) и называли «Рак». То, что было обрисовано, как внутреннее, как замкнутая в себе жизнь, это называли «Лев» и отмечали знаком круга с исходящей сверху круга изломанной линией. Внутреннее в телесном отношении, без связи с чем-либо внешним, то есть то, что внутренне замкнуто, что обозначает тройственную человеческую природу и показывает завершённость во внутреннем, это называли «Дева» и отмечали знаком (то что рисуют на всех стандартных гороскопах). Это определение относится и к другим обозначенным знакам, поскольку в данном случае аппарат не даёт такой возможности здесь зафиксировать, упоминаемые рисунки знаков). То, что было приведено, как положение равновесия, не требует особых разъяснений, если мы назовём это «Весы», со знаком Органы воспроизведения, которые направлены снова в сторону внешнего, называли «Скорпион», со знаком... Бедро,— то, что называли «Стрелец», имеет знак... Колени — как «Козерог», имеют знак... Голени, как «Водолей», знак... И, наконец, ступни, как «Рыбы»,— знак ...

Примите эти знаки сначала, как сигнатуры, ярлыки, как названия частей человеческого образа, из которых, как мы сказали, складывается этот человеческий образ. Рассматривайте их прежде всего только как средство

выражения, в том же роде как если бы для обозначения этих членов мы взяли просто отдельные буквы. Этого сначала будет вполне достаточно, чтобы показать вам то, что мы охарактеризовали, как человеческий образ. И мы действительно можем придать отдельным частям человеческого образа, после того, как мы их рассмотрели,— эти буквы, эти знаки, которые здесь изображены.

Я, конечно, хорошо знаю, что всем нам известно, какое значение имеют эти названия в древнейших традициях, и что в том виде, как они здесь были указаны, они применяются в астрологии. Но я попрошу вас в настоящих лекциях не связывать с этими названиями никакого другого значения, кроме того, что с их помощью мы направляем свой взгляд на человеческий образ и разделяем его на 12-ть частей. И когда мы даём этим частям их особые названия и присоединяем к ним особые знаки, то это нужно понимать не иначе, как то, что происходит и в области речи, где звуки человеческого языка часто таковы, что мы не можем сразу узнать, почему именно они выражают то или другое; а также и буквы не всегда таковы, чтобы мы могли сказать, почему они означают то или другое.

Этими обозначениями мы достигаем именно того, что имеем в них выражение человеческого образа, рождённого на 12-ть частей, и для нашего дальнейшего употребления мы присоединяем к ним наименования, которые отчасти проникли уже там или здесь из оккультизма в открытую жизнь.

1. Прямостояние .
2. Способность к образованию звука.
3. Симметрия.
4. Замкнутость.
5. Внутреннее, замыкающееся.
6. Внутреннее в телесном отношении, без отношения к внешнему миру.
7. Равновесие.
8. Органы воспроизведения.
9. Бедра.
10. Колени.
11. Голени.

Шестая лекция. 8 июня 1912 г.

Мои милые теософские друзья! Может быть вас удивит, что в течение этих лекций мы отдаём время тому, чтобы, — как мы это начали вчера,— ближе рассмотреть внешнюю природу и образ человека. Но если вы хотите глубже проникнуть в познания, какие в состоянии дать человеку истинный оккультизм, то вы не можете избежать ознакомления с человеком также и с тех точек зрения, какие мы имеем именно теперь в миру.

Вам достаточно вспомнить, как часто во время вашего теософического стремления к вашей душе приближалась мысль о том, что человек, каким он выступает перед нами в мире, есть в своём внешнем образе храм божества. И действительно, человек есть храм божества также и в смысле своего внешнего образа. Этот храм божества мы имеем в виду, когда рассматриваем, так сказать, те краеугольные камни, из которых мы вчера исходили и которые в течение некоторого времени будут ещё занимать нас в наших лекциях. Вы увидите, что важнейшие для человеческого сердца и человеческой души познания придут к нам, если мы не будем слишком ленивы и дадим себе труд отыскать уже во внешнем образе человека скрытые силы духовного мира. В этом смысле мы и рассматривали человека со стороны определённых двенадцати членов, на которые мы указали вчера.

Эти 12-ть членов, как они выступают перед нами, кажутся нам полным единством. Но в действительности они не вполне единство, и важно знать, что это единство не полное. Ибо как только человек может действительно понять, что то единство, в каком является ему его тело, его внешнее тело, оказывается мнимым (кажущимся), когда человек поймёт, что образ внешнего тела, каким он выступает перед глазами или каким человек вообще может знать его как земного человека, является мнимым, когда человек достигает призрачность своего внешнего образа, так в то же мгновение он познаёт также и то, как обстоит дело с его Я, с центра его сознания.

Мы видели уже вчера, что это Я отрывается от нас каждую ночь, то, следовательно, оно может быть в нас только

образом; ибо реальность не может оторваться от человека ночью. Таким образом нечто отнимается каждую ночь у человека от его Я, которое обычно проходит с ним через всю его земную жизнь; и именно то, что у него отнимается, это возвращается ему силой мирового порядка, возвращается его внешнему телу. И благодаря этому человек видит в своём внешнем теле единство. В действительности это совсем не единство. В действительности это суть те краеугольные камни, которые мы рассмотрели, — это суть части сложным образом соединённые вместе. Мы касаемся здесь одной из наиболее значительных тайн, которая может ввести нас в глубокие изначальные тайны бытия.

Одной из этих тайн мы касаемся здесь уже во внешнем мире, и важно, чтобы мы прошли также этот извне во внутрь, дабы из этого сознания мы могли воспринять идею, не имеющую предмета. Человек, каким он выступает перед нами, состоит в действительности из трёх частей, и мы видим только обманчивую внешность, когда рассматриваем эти три части человека как простое единство. То, что явилось нам вчера, как связь 12-ти членов, делится в действительности на три части и нужно научиться понимать, что человек собственно состоит из трёх человек.

Проведём последовательно этих трёх человек перед своей душой. Поведём последовательно этих трёх человек перед своей душой. Вчера при перечислении членов человека мы начали с того, что указали прежде всего на так называемое прямостояние, на выправленность в направлении вверх; затем мы указали на то, что наилучшим образом, можем мы сказать, организует человека в направлении вперёд, для речи. Итак, второе: направление вперёд, в сторону способности речи. Третьей была указана симметрия.

Видите, когда мы рассматриваем сначала эти три члена человеческой природы, то мы имеем одну часть этой человеческой природы, как она выступает перед нами в своей внешней форме, как образ в пространстве. Теперь посмотрим, не можем ли мы посредством чисто внешнего созерцания найти нечто такое, что позволило бы нам заметить проявления симметрии, и что при ближайшем рассмотрении является нам в достаточной мере загадочным во внешнем образовании человека.

Как мы, конечно, знаем, симметрия означает, что человек построен одинаково в обе стороны. И, хотя симметрия имеется уже во всех органах головы, но она

особенно бросается в глаза, когда мы идём в рассмотрении человеческого образа вниз от головы. Мы сказали вчера, что обозначаем «прямо стояние» выражением «Овен» и знаком...; «устройство для звукообразования» — выражением «Телец» и знаком..., и «симметрию» — выражением «Близнецы» и знаком.... Так обозначаются эти три члена человеческой организации. Но теперь мы приходим к тому, что составляет, так сказать, продолжение головы и что с особенной яркостью заставляет выступить симметрию, построение в две стороны. Это, именно, руки и кисти рук.

Я прошу вас теперь рассмотреть эти руки и кисти рук. Они присоединяются к голове таким образом, что мы находим в руках и кистях рук совершенно удивительное подобие того, что мы имеем в нижнем человеке, как бедро, как голени и ступни. Когда вы рассматриваете животное царство, то вам бросается в глаза полное сходство тех органов, о которых мы теперь говорим, и которые у человека различаются, как руки и ноги; и вы можете получить наиболее значительные мысли о человеке, если ближе всмотритесь и продумаете различие рук и кистей, от ног и ступней у человека по сравнению с соответствующими членами у ближайших к человеку животных.

Возьмём теперь те названия, которые мы приводили вчера, и применим соответственно к рукам и кистям рук то, что мы называли вчера в связи с ногами и ступнями. Тогда мы можем сказать, если пойдём вниз от головы: к голове примыкают конечности, которые, — как вы легко можете понять при самом поверхностном размышлении, — духовно стоят в связи со всем мыслительным миром головы. К ней примыкают руки и кисти рук. Вы не найдёте абсурдным, если те же самые названия, какие мы нашли вчера для ног и ступней, мы применим теперь к стоящим в связи с головой рукам и кистям, и если мы скажем, что рассматриваем как продолжение головы то, что направляется симметрично в обе стороны, то есть прежде всего верхнюю часть руки, и назовём это также, как мы называли верхнюю часть ноги: «Стрелец». И хотя мы принимаем во внимание, что существует известная разница между локтем и коленом, ибо орган коленной чашки в локте не развит — но мы всё-таки скоро находим здесь сходство. И тогда то, что мы имеем как локоть, мы определяем тем же словом и знаком, какими мы определили «колени», то есть «Козерог».

Нижнюю часть руки мы определяем тем же знаком, каким

мы определили голени,— «Водолей», и кисти тем же знаком, каким мы определили ступни,— знаком «Рыб». И мы имеем, если возьмём отдельно эти члены человеческой природы,— то есть голову и связанные с нею руки первого семичленного человека; и это важно. Если вы представите себе, что этот семичленный человек питается всей остальной человеческой организацией, поскольку она представляет собой человеческий образ, что, следовательно, он только получает готовую пищу, которая поднимается к нему из остального организма, то нам не покажется слишком гротескной мысль (примите это сначала, как мысль, как идею), что питание подаётся этому семичленному человеку уже в готовом виде извне, подобно тому, как и питание для растения готовится вне растения (т.е. у растения нет желудка) и оно только его перерабатывает (усваивает).

Вполне возможно было бы представить себе, что питание готовится вообще где-нибудь во вне в мире, и что семичленный человек получает его для необходимого поддержания мозга и т.д. — не от остального человеческого организма, а прямо из внешнего мира. Тогда этот человек был бы связан непосредственно с внешним миром.

И вот, этого семичленного человека оккультист должен отчетливо увидеть, если он хочет надлежащим образом подняться к высшему сознанию. Необходимо, чтобы через душу действительно прошло то, о чём сейчас было сказано: возможность помыслить себе эту семичленную человеческую природу отдельно от всех остальных членов современного человека.

А теперь рассмотрим второго человека. Мы лучше всего поймём второго человека, если примем во внимание следующие мысли. Представьте себе — вы конечно легко это поймёте,— что существенный орган головы есть мозг. Но человек имеет ещё нечто, очень сходное с головным мозгом, и отличающееся только, можно сказать, по видимому незначительно, но по существу очень глубоко, от головного мозга. Человек действительно имеет нечто, как второй мозг. Это мозг позвоночника, спинной мозг, который заключён в позвоночнике.

Вглядитесь внимательно в эту мысль. Представьте себе, что мы имеем дело с этим особенным образованием мозга, который мы можем ощутить имеющим форму тонкого, вытянутого в длину ствола, как с другой стороны головной мозг мы можем ощутить, как тот же спинной мозг, но

соответственно округлённый. Чтобы яснее представить себе спинной мозг, как некоторый вид мозга, помыслите себе человека в таком положении в мире, какое теперь ещё имеют животные. Представьте себе его спинной мозг не напряжённым вертикально, а протянутым параллельно к поверхности земли. Тогда мы имели бы головной мозг, но только вытянутый в форме ствола.

И теперь представьте себе человека, как он стоит перед нами, параллельно к земной поверхности, со спинным мозгом, горизонтальным по отношению к мировому пространству, так что в этом положении в мире спинной мозг может действительно иметь значение, некоторого рода головного мозга. Тогда перед нами выступает нечто совсем удивительное, а именно тот факт, что мы имеем направо и налево отростки, которые впрочем очень отличаются от двустороннего ответвления рук. Представьте себе то состояние, при котором человек не достиг ещё в своей симметрии того, что он имеет теперь, когда обе руки его приблизительно одинаковы, но представьте себе, что одна рука получила преимущественное развитие, которое сильно отличало бы её от другой руки. Правда, в настоящее время неразумно хотят устранить преобладание правой руки и развить одинаково левую наравне с правой. Но представьте себе, что другая рука развилась бы совсем в другой орган; тогда вы не нашли бы уже таким абсурдным сделанного выше указания на два другие отростка, которые мы имеем.

Если мы рассматриваем человека в таком положении, что его позвоночник лежит сверху, горизонтально, и что в одну сторону к нему присоединяется голова, а в другую сторону нога, то мы имеем также два ответвления подобно двум ответвлениям рук. Вы можете рассматривать голову, как одну руку, а обе ноги вместе, как другую руку. Это кажется сначала странным; но если вы представите себе, что даже в низших животных царствах имеются образования, формы, которые не слишком отличаются от того, что сейчас было описано, то вы не найдёте уже эту мысль столь гротескной.

Эта мысль должна пройти через душу, если мы хотим понять всего человека в целом, который есть трёхчленное существо. И тогда мы можем также сказать, что имеем здесь дело с парными ответвлениями, которые только образованы не симметрично,— мы имеем дело с неодинаковыми близнецами. Если вы примите это во внимание, то вы можете также сказать: здесь я действительно имею перед собой

нечто такое же, как у первого семичленного человека.

Начнём с того, что действительно отнесём к этому горизонтально лежащему человеку двух неодинаковых близнецов. Назовём у этого горизонтально лежащего человека его продолжения в обе стороны также близнецами. Таким образом, мы должны были бы тогда сказать: соответствие, соотнесённость головы и ног мы называем в этом случае Близнецами.

Но, разумеется, мы должны принимать во внимание наш головной мозг. Мы должны иметь в виду то, что мы сказали уже прежде. Тот человеческий образ, который мы поставили теперь перед своей душой, мы получили только потому, что мы повернули человека. Рассмотрим же то, что нам предлагает здесь человек, то есть среднюю часть его тела, как замкнутый в себе мир, который однако мы воспринимаем как мир, в котором мы представили себе человека.

Тогда мы имеем замкнутую человеческую оболочку и сверху в ней род мозга. Мы рассматриваем это, как «Рака». Так что мы можем сказать, что вся грудная область получает теперь совершенно особую характеристику, благодаря тому, что мы,— дабы правильно её себе представить,— повернули человека.

Рассмотрим теперь те члены человеческого существа, которые имеют значение для этой грудной области. Нам нужно только пересмотреть то, о чём мы говорили вчера, и остановиться на том, где дальнейшее не может быть уже отнесено к грудному или среднему человеку. Без сомнения, мы должны отнести сюда всё, то внутреннее, что мы определили, как природу «Льна», и что концентрируется в сердце. Как на четвертое мы указали, что человек делится здесь собственно на два члена: на внутреннюю замкнутость — «Рак», и на то внутреннее, которое замыкается стенкой (оболочкой) брюшины. Анатомически это также отчётливо делится диафрагмой на верхнюю и нижнюю полость. И то, что лежит ниже диафрагмы, мы должны отнести также к среднему человеку. Мы называем это выражением «Дева». Затем мы приходим к положению равновесия, где человек начинает быть уже не вполне замкнут во внутреннем, но открывается в сторону внешнего мира. Когда человек пользуется своими ногами, то он раскрывается во внешнем мире; так что мы можем сказать: равновесие есть та граница, где внутреннее отделяется от внешнего. Таким образом, как пятое мы имеем равновесие, которое мы называем «Весы» и

сопровождаем этим знаком.

Из всего характера связи органом воспроизведения со средним человеком вы найдете само собою понятным, что их следует отнести к тому, что составляет среднего человека; так что мы должны сказать: шестое,— органы воспроизведения « Скорпион ».

Теперь нам нужно найти начальную точку второй пары близнецов. Если вы примете во внимание, какое значение имеют для человека бёдра, как они, в сущности, благодаря своей связи со всей мускулатурой среднего человека, движутся в соответствии с особенностями природы среднего человека, то вам будет ясно, что мы должны отнести их сюда же. До колен человек есть средний человек; силы среднего человека достигают сверху до бёдер и простираются вниз до колен. Мы имеем здесь также пару Близнецов — с одной стороны голова, с другой стороны бёдра; так что в бёдрах мы должны ещё видеть нечто, принадлежащее к Близнецам. Мы определяем их знаком и называем «Стрелец».

Если вы в подробностях рассмотрите ноги, то увидите, что бёдра находятся ещё в связи со средним человеком, но колени, голени и ступни таковы, что эта нижняя часть ноги нуждается в земной опоре, и что бёдра пользуются этой опорой. Здесь вы видите то, что человек имеет, так как ему необходимо твёрдо и прямо стоять на земле. То, что имеется в бёдрах, это есть либо продолжение среднего человека и могло бы, если бы не было приведено в соответствие с другими членами и с ногами, сложиться таким образом, что человек был бы воздушным животным, если бы могли развиваться совсем другие органы, более пригодные для плавания или полёта. Их также должны были бы приводить в движение бёдра. Но в связи с условиями земли должно было присоединиться всё другое.

Вы видите, что эти последние части не должны быть относимы к среднему человеку и что мы имеем здесь опять семичленного человека. Если вы направите внимание на различие между первым и вторым семичленным человеком, то увидите, что оно огромно. Когда мы рассматриваем первого семичленного человека, то видим, что главнейшие, наиболее значительные органы чувств расположены в голове, то есть в первом семичленном человеке. Если к этому первому семичленному человеку мы отнесём ещё, — как мы должны это сделать, — руки и кисти, то мы имеем в этом семичленном человеке те органы, особенность которых не

поражает только внешнее материалистическое наблюдение. Ибо эти человеческие органы, которое мы называем руками и кистями рук, показали бы для более глубокого наблюдения с совершенно особенной силой величие и значительность человеческой природы.

Если бы мы хотели говорить об искусстве природы, которое удивительным образом связано со всем, что предполагает в человеке храм божества, то мы не могли бы показать этого искусства природы с такой яркостью ни на чем другом, как на удивительном строении человеческой руки и кисти. Возьмите соответствующие органы у других существ, у близких к человеку животных. Или, чтобы дальше отойти от человека, посмотрите для сравнения, например, на передние конечности птиц, на крылья. Крылья можно сравнить с тем, что у человека, я соответственно обрисовал как руки. Птица не могла бы летать без крыльев. Для неё это полезные органы, необходимые для жизни,— органы пользы прежде всего. В этом смысле человеческие руки не суть органы пользы. И, хотя мы можем развить их в полезные органы, но для этого именно необходимо развитие. Мы не можем только благодаря тому, что имеем их, летать или плавать, и они даже не особенно годятся для того, чтобы лазать, для чего гораздо пригоднее передние конечности близких к человеку животных, обезьян. Хотелось бы почти сказать, что с точки зрения чисто внешне необходимой полезности руки устроены довольно целесообразно, крайне бесцельно в смысле внешнего. Но когда мы обзреваем всё, что человеку пришлось сделать своими руками в ходе земного развития, то мы должны сказать: они показали себя, как нечто в высшей степени ценное, когда дело шло о том, чтобы достигнутое духом привести к внешнему выражению.

Возьмите сперва самое элементарное. Не становится ли рука наряду со словом, благодаря жесту, выразительнейшим органом? Не проявляется ли в разнообразных формах жестикуляции очень многое даже от внутреннего характера человека? И представьте себе затем человеческую культуру; представьте себе, что руки человека предназначались бы более для целей пользы, для лазания или плавания, или что они были бы необходимы для переливания. Представьте себе, что мир не был бы; устроен так, что мы должны сначала учиться ходить. (Мы должны этому именно научиться при помощи, в сущности, довольно нецелесообразных для остальной природы человека движений, состоящих в балансирующей перестановке обеих ног. Человек только не

обращает внимания на то, что движение космических ног довольно нецелесообразно и что у каждого животного, в смысле его организации, ноги устроены гораздо полезнее. Наши руки также освобождены от необходимых условий бытия. Но представьте себе, что этого не было бы, и что человек мог бы пользоваться руками для передвижения. Тогда вы должны были бы представить себе несуществующей всю человеческую, всю историческую культуру. И если вы подумаете обо всём, что человек совершил руками, как художник, то вы должны представить себе несуществующим также и всё искусство, если бы руки стали органами необходимой пользы.

Это представление оккультный испытатель должен вызвать в своей душе: в наших руках и кистях рук мы имеем удивительные органы, которые стоят в совершенно исключительной связи с духовною жизнью, поскольку она разыгрывается на земле. И когда мы наблюдаем, что в отношении своей головы, где главным образом локализованы органы чувств, человек закономерно стоит в сопровождении с внешним миром, что своими руками он работает над внешним миром, что в своей голове он может подготовить то, что при помощи своих рук он являет или передаёт внешнему миру, как человеческую культуру, тогда только вы видите, что такое первый семичленный человек. Он есть собственно духовный человек; он есть человек, который, как человек, главным образом стоит в связи с внешним миром. Когда мы рассматриваем эти семь членов в их внутренней завершённости, то мы имеем в этом первом семичленном человеке земной процесс, протекающий сознательно для человека, то есть сознание земного окружения. Таким образом, мы видим, что этого первого семичленного человека мы должны рассматривать преимущественно, как духовную природу человека, поскольку он есть земной человек.

Рассмотрим теперь второго человека. Второй человек есть то, о чём мы должны сказать; так как его близнецы в обе стороны развиты в высшей степени не одинаково, то, с одной стороны, он имеет связь с внешним миром только через посредство головы, через то, что делает голова (ибо головой он познаёт), — с другой стороны он имеет связь с внешним миром, поскольку он есть подвижное существо, которое ходит и может изнутри во вне управлять этой походкой. Наконец, этот средний человек связан с внешним миром также через органы воспроизведения, благодаря которым происходит продолжение развития человечества. Так что мы можем

сказать: без этого среднего человека, то есть если бы он не имел трёх указанных членом, а именно: парных органов (близнецов) с обеих сторон и органов воспроизведения, то здесь не существовало бы связи с внешним миром. Благодаря тому, что человек имеет эти три члена в своём среднем человеке, он стоит в связи, с одной стороны, с земным процессом, с другой стороны, с продолжающимся развитием земного человека, с рядом поколений и со сменой одного поколения другим.

Но когда мы рассматриваем серединную часть, то есть то, что мы определяем словами Рак, Лев, Дева и Весы, то мы должны сказать, что это имеет значение только для внутреннего человека. Я имею в виду, конечно, в телесном смысле внутреннего человека, в телесном отношении внутреннюю природу человека. И, хотя она посылает в обе стороны свои продолжения через посредство принадлежащих к этой срединной природе близнецов, но вообще она занята всецело внутренним существом человека, внутренней организацией. Для внутреннего существа человека в высшей степени важно, что у него имеется сердце; но внешнюю природу это интересует очень мало, так же мало, как то, что человек имеет нижнюю часть тела.

Таким образом мы имеем здесь три члена, которые имеют существенное значение для внешней земной природы, и четыре других члена, которые действуют преимущественно во внутренней части человека, так что в то время, как головой человек может собственно главным образом во внешнем как чувствами, так и механизмом руки и кисти, в среднем человеке мы имеем преимущественно жизнь во внутренней части организма. Таково основное различие между тем и другим человеком, между средним человеком и верхним семичленным человеком, головным человеком.

Рассмотрим теперь третьего человека. Чтобы нам было легче поставить перед своей душой этого третьего человека, рассмотрим его в обратном порядке, начнём с другого конца, и посмотрим, как совершенно естественно этот третий человек отделяется от двух других.

Начнём теперь с седьмого, со ступни. Мы знаем уже из вчерашней лекции, что седьмое, ступни, мы сопровождаем знаком и называем «Рыбы». Здесь всё приспособлено исключительно к внешнему миру. Это не вопрос для того, кто немного над этим подумает. Именно благодаря форме ног человек является существом, которое передвигается по

земле. Всему остальному, что связано с походкой, человек должен сперва научиться. Но, в силу естественного строения ноги, он должен широкой поверхностью ступни прикасаться к земле, и расширение ноги направлено не во внутрь, а в сторону земли. И так как то, что мы называем голенью, построено в полном соответствии с этой природой ступни (эти члены необходимо связаны между собой), то мы можем сказать, что, как шестое, мы должны отнести сюда голени, которым мы даём название «Водолей» и сопровождаем этим знаком...

Мы переходим к пятому члену, к коленям, которые нельзя понимать иначе, как необходимую механическую опору для бёдер. Так как человек должен принести всего своего среднего человека в связь с нижним человеком, со ступнями и голенью, то ему необходимо это, так сказать, промежуточное звено, колени. Представьте себе, как трудно нам было бы ходить, если бы не были отделены колени. Насколько всё это было бы труднее, если бы наши ноги состояли из одного сплошного куска. Если бы мы не должны были ходить, то средний человек был бы здесь нам не нужен, но он нужен нам для походки и, как связующий член, нам нужны колени. Мы придаём им знак... и называем «Козерог»; это пятый член.

Четвёртый член, бедра, мы уже рассматривали выше и сказали, что они относятся к среднему человеку. Они должны были бы существовать, если бы даже человек двигался другим способом, если бы он летал или плавал. Человек должен был бы их иметь, хотя тогда они имели бы другую форму. Но так как человек должен ходить по земле, то не только ступни, голени и колени должны быть приспособлены к земной поверхности, но и бедра должны быть приведены в соответствие с этими членами. Они должны быть устроены таким образом, чтобы отвечать этим трём нижним членам. Вы узнаете это из того, что вы должны сказать себе: Поскольку бедра стоят в связи с внутренними органами, они имеются одинаково у птиц, у четвероногих и у человека. Правда, у человека они построены иначе, чем у птиц и у четвероногих животных. Но они принадлежат к человеку, поскольку он имеет животную природу. Мы определяем бедра знаком... и называем «Стрелец».

Далее, каждому, разумеется, будет понятно, что когда мы рассматриваем органы воспроизведения, то они, с одной стороны, образуются изнутри, но, с другой стороны, в своих

проявлениях они приспособлены к внешнему миру. (Мы должны здесь обсудить эти вещи и указать на явления, на которые может быть указано только если подходить к ним с научной серьёзностью). Внешняя природа этих органов обусловлена тем, что они соотносят один пол с другим. Орган мужского рода построен не только в связи с особенностями среднего человека, но и в соответствии с женским органом. Итак, третье суть органы воспроизведения, которые мы называем «Скорпион» и определяем знаком...

Затем мы приходим к тому, что называют обычно «Весы», «положение равновесия» человека. Достаточно взглянуть на внешнюю форму области Весов чтобы знать, что мы имеем здесь дело с чем-то, относящимся к средней природе среднего человека. Но подумайте о том, что именно, когда человек сделался прямоходящим существом, для него стало необходимо иметь это равновесие, и что именно это положение равновесия должно было развиться для того, чтобы человек мог сделаться прямоходящим существом. Вам достаточно только сравнить развитие области Весов у четвероногого животного и у человека, и вы убедитесь, что при вертикальном положении верхней части тела должно быть другим, чем при горизонтальном. Поэтому как второе, мы должны отнести сюда особое положение равновесия, то есть то, что мы называем «Весы».

Теперь мы подходим к обсуждению того, что неизбежно должно быть непонято внешней наукой. Мы рассмотрели сейчас шестичленную природу нижнего человека; мы рассматривали человека снизу вверх и нашли в нём шесть членов. Ранее мы рассмотрели двух других,— первого семичленного человека и второго семичленного человека, и исходили каждый раз, чтобы иметь, так сказать, отправную точку, из мозга. Когда мы рассматривали голову, то мы исходили от мозга, и наше рассмотрение привело нас затем к рукам и кистям. Потом мы обратили внимание на второй мозг, тот мозг, который имеет вид вытянутого в длину ствола, но который есть тем не менее мозг: спинной мозг. Я уже указывал, что этот спинной мозг, по-видимому лишь немногим, но в действительности очень сильно отличается от головного мозга. Именно, спинной мозг есть орудие всех движений, которые человек должен выполнить, и которые мы называем произвольными движениями организма. Все виды произвольных движений, всё вообще, что выполняется произвольно,— всем этим управляет спинной мозг. В деятельности головного мозга, когда мы пользуемся

им, как орудием, между восприятием и движением выдвигаются мысли, между тем как в спинном мозге эти промежуточные мысли отсутствуют. Здесь за восприятием непосредственно следует движение, проявление человека. У животного спинной мозг играет большую роль, чем у человека, а головной мозг меньшую. Поэтому большинство животных выполняет свои действия произвольно. Человек же при помощи шарообразно округлённого головного мозга выдвигает между восприятием и движением своё мышление, и оттого его действия становятся произвольными.

Но поставим перед собой третьего человека таким образом, что найдём в нём также нечто подобное мозгу. Вы все знаете, что у человека, кроме двух других нервных систем (системы головного и системы спинного мозга) имеется ещё особая нервная система (система ганглий¹, солнечное сплетение), которая распространяется в нижней части человека и посылает свои ответвления вверх вдоль спинного мозга. Это есть обособленная от двух других, самостоятельная нервная система, или, для истинного созерцания это есть особый неразвитый мозг. Когда мы поднимаемся выше над Весами, то находим эту удивительную гангленозную систему, солнечное сплетение, распространяющееся, как мозг третьего человека; или, другими словами, к тем особенным органам, которые мы перечислили в среднем человеке, присоединяется то, в чём мы должны видеть также род мозга, третий мозг: солнечное сплетение.

С этим солнечным сплетением находится в существенной связи — и это не так легко может уяснить себе внешняя наука — почки и система почек. Как субстанциональная масса головного мозга составляет одно нервными связками, так почки составляют одно с этим брюшным мозгом, с солнечным сплетением. Действительно, солнечное сплетение и почки вместе представляют собой особый род низшего мозга. Если мы отнесём этот мозг к нижней части тела, то можем назвать его, как и другие органы нижней части тела, выражением «Дева» Гф. Итак, это есть седьмой или первый член, который является соединением солнечного сплетения и почек. Таким образом нам открывается то, что заканчивает сверху этого третьего семичленного человека. Этим путём мы находим человека, как тройственно сложенного из трёх человек. Эти три человека действуют один в другом совместно, друг с другом; человеческая природа никогда не будет действительно понята, если знать, что в человеке

подлинно действуют вместе эти три человека. Эти семичленные человеческие природы действуют таким образом, сообщая в человеке. Система нервных узлов, вегетативная нервная система брюшной полости.

Этот последний указанный нами мозг чрезвычайно мало интересуется внешним миром. Он существует в обмен только для того, чтобы поддерживать внутреннюю человеческую природу. Прочие органы уже более приспособлены к внешнему миру, но совсем иначе, чем головной человек. Головной человек связан с внешним миром так, что мы должны сказать: органы его головы развивают преимущественно такие способности, благодаря которым он преобразует окружающий его земной мир в мир человеческой культуры; и напротив, о третьем нижнем человеке мы должны сказать: во всём том, что представляют собой внешние, а также и внутренние органы нижнего человека мы имеем дело только с тем, что принадлежит самому человеку, что служит самому человеку. И только оттого, что человек не продумывает вещи точно, он не замечает, как глубоко, как бесконечно глубоко различаются между собой эти три человека в общей человеческой природе.

То, что мы обрисовали сейчас с одной стороны, оккультизм всегда обозначал, как *Mysterium magnum* как великую мистерию. Мы имеем здесь перед собой внешнюю сторону, ту сторону, которую, хотя и видя в внешнем мире, но судят о ней не правильно, потому что не различают трижды семичленного человека в том, что является как внешнее единство.

Перейдём теперь к другой стороне этой мистерии. Мы говорили о природе — Я человека, мы говорили о том, что эта природа — Я человека кажется единством. Но мы видели также, что это единство постоянно нарушается, постоянно перерывается сном. Прочтите соответствующие главы в моей, переведенной также и на наш язык, книге «Как достигнуть познания высших миров». Там вы найдёте нечто в высшей степени примечательное. Вы найдёте, что когда оккультный ученик делает вперёд шаг и выходит из обыкновенного сознания, то в своём сознании, в своём Я он как бы разделяется на три части,— разделяется таким образом, что эти ставшие самостоятельными части его внутреннего существа пересиливают единство его сознания: мыслящая душа, чувствующая душа, волящая душа. В

обычной жизни эти три способности: мышление, чувство и воля связаны вместе в природе Я, в Я-сознании. Следовательно, между тем как в нашем обыкновенном, повседневном сознании мышление, чувство и воля связаны между собой, здесь они разъединяются, как только мы делаем шаг в высшее сознание. Это имеет глубочайшее значение; и необходимо принять во внимание, что, когда оккультный ученик выходит за пределы своего обычного сознания, то он оказывается разъединенным на три части, — единство его Я разделяется некоторым образом на мыслящего, чувствующего и волящего человека.

Здесь вы имеете другую сторону *Mysterium magnum*. Когда человек делает реальный шаг к преодолению своего сознания, то единство его Я разделяется на три части; и точно также видимое единство внешнего человеческого образа, при ближайшем рассмотрении, разделяется на три семи членные человеческие природы.

Таким образом, как наша внутренняя природа, так и наш внешний образ, представляют собой единства, каждое из которых должно быть разделено на трое. Внешний человек делится на семичленного, головного человека, на семичленного, среднего человека и на семичленного нижнего человека. Внутреннее Я человека делится, — как только он делает первый шаг в оккультную область, — на три члена: на мыслящего, чувствующего и волящего человека, которые противостоят друг другу и делаются самостоятельными. Здесь вы имеете другую сторону великой мистерии. Обе эти идеи должен иметь оккультный ученик, когда он делает первый шаг в высшее сознание. Мы будем ещё говорить об этом завтра в связи со встречей Стража Порога. Как сознание разделяется на три члена, так при правильном рассмотрении того, что является, как внешний человеческий образ, можно увидеть, что в нём имеются три семичленные человека. Это суть две стороны многочленной *Mysterium magnum*. Другие стороны мы будем ещё обсуждать. Теперь мы указали на самые элементарные, самые первые начала *Mysterium magnum*, великой мистерии. Поэтому, как оккультные ученики, на известной ступени развития, вы всегда так или иначе встретитесь с выражением, с формулой. Такова великая тайна: три суть одно и одно суть три. Для оккультиста эта формула выражает то, что я сейчас охарактеризовал, и в этом смысле она имеет своё полное, положительное значение. Только когда внешнее напоминание делает её материалистическим догматом, она

изменяет свой смысл. Но когда мы понимаем её так, как это было показано выше, то она становится для нас символическим выражением того, что мы рассмотрели сегодня. Тогда эта формула есть выражение. Когда хотят проникнуть в оккультизм, как мы пытались здесь это сделать во многих отношениях, то необходимо понять эту таинственную, видимо вполне противоречивую формулу: Три суть одно и одно суть три. И именно в средние века оккультному ученику постоянно повторялось всё снова и снова: Замечай сперва то, что говорится, чтобы ты мог понять тайну, как три может быть равно одному и одно может быть равно трём.

Верхний человек:

1. Прямостояние
2. Направление вперёд
3. Симметрия
4. Верхняя часть рук
5. Локти
6. Нижняя часть рук
7. Кисти

Средний человек:

1. Голова и ноги
2. Грудная оболочка
3. Внутреннее. Сердце
4. Отделённость во втором внутреннем
5. Равновесие
6. Органы воспроизведения
7. Бёдра

Нижний человек:

7. Ноги
6. Голени
5. Колени
4. Бедра
3. Органы воспроизведения
2. Равновесие

1. Почки, солнечное сплетение

Седьмая лекция. 9 июня 1912 г.

Мои милые теософские друзья! То, чего мы должны были коснуться во вчерашней лекции, это была часть, так называемой, *Mysterium magnum*, и может быть для некоторых из вас возникла известная трудность при рассмотрении её именно с этой точки зрения, какую мы должны были занять, чтобы вполне охватить все подробности. Но мир поистине сложен, и если мы действительно хотим подняться к определённым высшим познаниям, то никак нельзя обойтись без того, чтобы дать себе труд преодолеть также и некоторые небольшие трудности.

Если мы ещё раз кратко и в общих чертах припомним, что именно должны мы понимать под этой великой мистерией, то это была, с одной стороны, трёхчленность человека, или, лучше сказать, соединение в человеке трёх человек по семи членов каждый, так что мы можем различать: верхнего человека, среднего человека и нижнего человека. Эти три человека, когда мы проходим своё строение в этом мире, мы имеем наши переживания, которые являются нам тесно связанными между собой. Обыкновенное сознание не различает этих трёх человек одного от другого. — Это была одна сторона великой мистерии.

Другая заключается в том, что как только человек поднимается из своего обычного земного сознания к сознанию высшего порядка, так он тотчас же оказывается перед фактом, который, как уже было указано, достаточно освещен в моей книге «Как достигнуть познания высших миров»; что тогда он должен ожидать разрыва своего сознания на три части, разрыва всей своей человеческой цельности на мыслящего человека, на чувствующего человека и на волящего человека. Как бы разъединённым на эти три внутренние душевные существа, чувствует себя человек, когда хочет подняться к высшему сознанию. Таким образом, мы имеем, с одной стороны, трижды семичленного человека, а, с другой стороны, при переходе за пределы обычного сознания, мы имеем тотчас же разделение этого нашего сознания на три части, так что человек, который в качестве оккультного ученика, становится ясновидящим, должен,— как вы это знаете из указанной книги, употребить все усилия, чтобы сдерживать вместе три члена своего

сознания, чтобы внутренне душевно не распасться на части. Такое распадение было бы для него внутренне роковым. Итак, если в обыкновенной жизни мы постоянно впадаем в заблуждение, сливая в единство,, в один человеческий образ то, что по существу тройственно в человеческой природе, то в отношении нашего внутреннего существа, нашей душевной жизни,— едва мы переступаем пределы нашего сознания, как тотчас же оказываемся перед фактом тройственности нашего душевного существа, перед грозящей нам опасностью быть во внутренней душевной жизни разорванная на три части.

Мы лучше всего поймём эти вещи, если ещё раз начнём с самого простого, с того, что хотя и предлагается самой жизнью и объясняется оккультному ученику, но что, собственно, совсем не понимается людьми в этой обыкновенной внешней жизни. Уже в самой обыкновенной жизни три душевные силы, которые мы различаем также и в этой обыкновенной жизни, или лучше сказать три особые свойства самого сознания, ясно указывают на то, что мы узнали вчера, как трёхчленного человека.

Вглядитесь только в человека, каков он есть, каким он стоит перед вами в повседневной жизни. Что же, собственно, должно произойти для того, чтобы возникло повседневное сознание? Для того, чтобы возникло повседневное сознание, которое вы, как мыслящие земные люди, преимущественно несёте в себе, для этого необходимо, чтобы на ваши чувства могли действовать внешние впечатления. Эти чувства, поскольку они просвещают вас относительно земной жизни, фиксированы главным образом в голове; и содержание сознания, то, что имеется в сознании, проистекает прежде всего от этих чувств.

Если из тройственного человека, с которым вы познакомились вчера, вы возьмёте верхнего человека, то вы скажете себе: впечатления дня, обыкновенного сознания, действует главным образом на верхнего человека, на головного человека. Они получают значение благодаря тому, что человек в состоянии противопоставить этим впечатлениям внешнего сознания, когда они действуют на него — орудие своего мозга, вообще орудие всей своей головы.

Но простое размышление покажет нам, что человек — как земной человек — ни в коем случае не может быть только головным человеком. Вчера мы видели, как для оккультного наблюдения человек распадается на три части. Но и в

простой жизни мы видим, что для поддержания жизнеспособности головы, к ней должны непрерывно притекать субстанции и силы, которые посылаются вторым, средним человеком. Посредством кровообращения питательные вещества должны вливаться в голову из среднего человека, должны поддерживать мозг, тогда мозг может, как орудие, противостоять внешним чувственным впечатлениям, и тогда именно, в результате внешних чувственных впечатлений в человеке могут возникать мысли.

То, что возникает благодаря орудию мозга, это человек переживает в своём обычном сознании; но вы знаете также, что когда человек спит, то его обычное сознание прерывается, что внешние чувственные впечатления тогда отсутствуют, что они уже не действуют на человека. Но когда человек спит и внешние впечатления не действуют на поддерживаемый средним человеком головной мозг, тогда,— и это вам, конечно, ясно,— воздействия, исходящие от среднего человека на верхнего человека, то есть на головной мозг, всё ещё продолжают. В этом среднем человеке также и во время сна сохраняется дыхание, сохраняются и другие деятельности среднего человека; когда человек спит, кровь также поступает в его мозг, как и когда он бодрствует. Это происходит, в сущности, только с небольшой разницей.

Действительно, есть разница в том, как поддерживается орудие повседневного сознания средним человеком во время бодрствования, как оно поддерживается во сне. Эта разница выражается, например, в том, что во время сна дыхание замедляется, приблизительно с 20 до 15 вдохов, количество углекислоты также уменьшается приблизительно на одну четверть, и весь характер процесса питания во время сна изменяется. Если при известных условиях пищеварение и его действие во время сна продолжается, то это может оказаться даже крайне вредным. Это известно из того факта, что после обильного принятия пищи человек плохо спит, так что большое количество принятой перед засыпанием пищи действительно нарушает покой мозга. Таким образом существует заметное различие между тем, как средний человек действует на верхнего человека в состоянии сна и в состоянии бодрствования. Спросим же себя теперь: «Какие последствия имеет это для обыкновенного сознания человека?». Благодаря тому, что во сне человек замыкается от внешнего мира и только во внутренней области его тела, в пределах того, что мы обрисовали как человеческий образ, из среднего человека на верхнего человека действуют силы,

имеющиеся в среднем человеке, это имеет своим последствием тот факт, что его повседневное знание угасает и, хотя мозг у него и во время сна остаётся, но он не воспринимает воздействий, производимых на этот мозг средним человеком; эти воздействия не сознаются, и проявляются собственно только в том, что мы называем обычно сонным сознанием.

Хотя это сонное сознание крайне сложно, но если человек немного подумает об этом, то он легко приходит к познанию, что известный род снов, без сомнения, связан с тем, что происходит в среднем человеке, и зависит от того, что мозг способен воспринимать не только внешний мир под воздействием чувственных впечатлений, но что он способен воспринимать также и воздействия среднего человека в форме сновидений, принимающих всевозможные символические образы. Когда в сердце что-нибудь не в порядке, то это легко может явиться во сне в образе пылающей печи. Если не в порядке что-нибудь в кишечнике, то могут часто сниться змеи. Сны часто характеризуют внутреннее состояние и, таким образом, показывают, что происходит во внутреннем существе среднего человека. И кто подойдёт к этим знаменательным связям с точки зрения обыкновенной внешней науки, также может сказать себе, что неправильности, непорядок, происходящие в среднем человеке, воспринимаются символически в образах сна.

Как вы знаете, есть также люди, которые имеют в этой области снов ещё более глубоко проникающий опыт, люди, которые в совершенно определённых символических образах сна могут воспринимать приближение известных болезней, так что часто можно установить отчётливую связь между регулярно повторяющимися символическими образами св:а и наступающей затем болезнью легких, сердца, желудка и т.п.

И, как при достаточном внимании можно иногда заметить усиленное сердцебиение, если перед тем снилась горящая печь, так же и легочные заболевания и неполадки с желудком, и вообще все ещё не проявившиеся болезни, могут заявлять о себе в символических образах сна. Так что мы можем сказать: человеческий мозг, или лучше, душа человека, восприимчива не только к внешним впечатлениям, сообщаемым чувствами, но также и к внутренним телесным состоянием, с тою разницей, что он (мозг) воспринимает тогда не подлинные представления, а образует себе

фантастически-символические представления о том, что происходит в среднем человеке.

Если мы примем это во внимание, то будем иметь тот несомненный факт, что в сонных грёзах человек воспринимает себя самого, что он может сказать о себе: в своих снах я созерцаю себя самого. Но в восприятиях, выступающих во время сна, он этого не знает; он воспринимает во сне своё сердце, но не знает, что это его сердце. Он воспринимает горящую печь, предмет, находящийся вне него, и, таким образом, то, что происходит в нём самом, проецируется во вне и ставится вне человека. Таким образом, вам вполне ясно, что в сонном сознании может быть так, что человек имеет дело со своим внутрителесным состоянием, и что в этом сонном сознании он сам разделяется, разрывается на две части.

Обыкновенная жизнь протекает так, что, как правило, мы имеем смену бодрствования и сна. Но образы сновидений показывают, что во время сна воспринимаются состояния не только среднего человека, но также и состояния верхнего человека. Вам нужно только обратить внимание на сны, которые вызываются неправильностями в самой голове. Так что, когда во сне воспринимаются нарушения, происходящие в самой голове, то мозг, или лучше, душа, через посредство орудия мозга, воспринимает себя самоё. Верхний человек воспринимает тогда себя самого. Эти сны всегда особенно характерны. Если вы просыпаетесь с известными болевыми ощущениями в голове, то виденное вами во сне является символической, фантастически-образной передачей вашей головной боли. Обыкновенно эти сны, являющиеся выражением головной боли, складываются так, что вы куда то выходите, что вы оказываетесь под каким-нибудь высоким сводом или в пещере. Именно свод, простирающийся над человеком, типичен, характерен для выражения болевых ощущений в голове. Под этим сводом что-то ползает, или на нем паутина, или на потолке пещеры грязь. Иногда это может быть дворец, в котором вы себя воспринимаете. Таким образом человек воспринимает себя самого, как верхнего человека, но опять таки переносит это своё восприятие во вне. Это подобно тому, как если бы человек вышел из себя самого, и то, что происходит в нём, в его голове, перенёс во вне. Итак, это есть также некоторого рода разделение, некоторого рода разрыв, потеря себя, угасание своего "Я".

Состояния, которые я вам описал, суть именно состояния

сна. Это суть состояния, которые ясно показывают вам, как уже в сонном сознании человек распадается на части, как единство его сознания, его сознание — Я не сохраняется и, как, в сущности, то, что выступает в сновидении, есть всегда зеркало, символическое отражение того, что происходит внутри человеческого тела.

Но дело в том, чтобы оккультный ученик перешёл не только от состояния обычного бодрствования к состоянию сонных грёз — в этом не было бы ничего особенного, — нет, он должен перейти к совсем другому состоянию сознания; благодаря упражнениям, которые были охарактеризованы в предыдущих лекциях, благодаря преодолению рассудка, воли, памяти, он освобождается от себя и достигает совсем другого сознания.

Для понимания этого другого сознания, которое не есть сновидческое сознание, это последнее все таки может помочь тому, кто совсем не знаком с ясновидческим сознанием. Итак, оно может привести к лучшему пониманию. Это понимание открывается следующим: образом. Если мы спросим себя: что главным образом воспринимает человек из своих внутрителесных состояний в сновидческом сознании, то что имеет болезненный, неупорядоченный характер, то, что протекает неправильно внутри тела. Простое размышление покажет вам, что обычные, нормальные состояния внутри тела не воспринимаются сновидческим сознанием. Когда человек вполне здоров, как верхний и средний человек, когда не в голове и в среднем человеке в порядке, тогда «при известных условиях» — я прошу вас обратить внимание на эти слова,— тогда человек спит спокойно, тогда нельзя сказать, что нечто заставляет человека прервать сновидениями свой спокойный сон.

Но путь, который должно пройти высшее, ясновидческое сознание, ведёт через переживания такого же рода, как переживания сновидческого сознания. Но это прохождение через того же рода переживания достигается именно посредством оккультного обучения и состоит в том, что в ясновидении человек приводится к возможности воспринимать не только внешние, болезненные состояния в своём теле, но может воспринимать именно нормальные внутренние состояния своего тела, которые, как сказано, ускользают в спокойном сне от обыкновенного человека. Эти нормальные состояния учится прежде всего познавать человек в качестве ясновидящего ученика; другими словами,

он познаёт свой мозг, своего головного человека, в то время как учится воспринимать его внутренне; и он познаёт среднего человека, в то время, как учится воспринимать его внутренне. В том же роде, как в определённых снах спящий воспринимает своего среднего и своего головного человека, так и ясновидящий ученик должен прийти к тому, чтобы познать своего среднего и верхнего человека.

Будем исходить теперь из среднего человека. Если вы начнёте рассматривать среднего человека, то вы должны будете признаться себе, что в этом среднем человеке нет ничего, что было бы в особенности связано с внешним миром. В голове — глаза и другие органы чувств обращены непосредственно к внешнему миру. Средний человек, правда, имеет, благодаря тому, что осязание распространяется по всей коже — возможность вступить в отношение с внешним миром. Но это восприятие внешнего мира средний человек, по истине, весьма незначительно, по сравнению с познанием внешнего мира, какое мы получаем через головного человека. Это восприятие не имеет большого значения, и даже тепло, которое действует из среднего человека, имеет, как восприятие, больше всего значения всё-таки только для самочувствия человека, для его переживания себя. Таким образом, мы имеем среднего человека, как замкнутое в себя существо, развивающее внутренние процессы, которые для него чрезвычайно важны, но имеют мало значения для отношения человека к внешнему миру.

Однако, если вы спросите себя, не имеет ли этот внутренний человек тем не менее какой-либо, ускользающей от познания, от обычного сознания связи с внешним миром, то вы сейчас же увидите, что этот внутренний, средний человек так же имеет весьма значительную связь с внешним миром. Всё в нём зависит от того, что этот средний человек приспособлен к земным условиям. Он должен дышать земным воздухом, он должен питаться веществами, которые производит земля. Таким образом, средний человек и земля составляют в этом смысле одно. Если бы в земном окружении не было веществ, необходимых для поддержания жизни среднего человека, то этот средний человек не мог бы быть тем, что он есть. Если бы не было воздуха для его дыхания, то этот средний человек не мог бы быть тем, что он есть. Так что мы должны сказать; этот средний человек есть то, что мы должны отнести к нашему земному бытию, должны всецело связать с тем, что земля может дать человеку.

Но дело не только в том, что именно земля может дать человеку. Земля могла бы давно уже быть, и средний человек все-таки не мог бы существовать. Если бы на помощь земле не пришло Солнце и не вызвало в ней произрастания и созревания того, что необходимо среднему человеку, то этот средний человек не мог бы существовать. Подумайте только о том, что этот средний человек черпает от земли свои питательные вещества и что эти питательные вещества, наряду с воздухом, являются тем существенным, что поддерживает его, но что, собственно, все эти питательные вещества зависят от воздействия Солнца на землю. Таким образом, Солнце вызывает в пределах земли всё то, что поступает затем в человека. Короче, когда мы рассматриваем среднего человека, то имеем дело не с прямым непосредственным влиянием земли на человека, по косвенно, через посредство земли, с влиянием Солнца на человека. Без освещающего всю землю физического солнечного света средний человек не мог бы существовать. То, что имеется в этом среднем человеке, это вошло в него благодаря действию солнечного света на землю.

И этот значительный факт, что средний человек есть собственно следствие солнечного света, выражается в том, что когда оккультный ученик делается ясновидящим (то есть развивает не просто грезящее сознание, но ясновидящее сознание), тогда — между тем, как в сновидениях возникают образы, отражающие внутренние неправильности — у ясновидящего ученика воспринимаемые им образы выражают то, что совершает в среднем человеке Солнце; прежде всего то правильное, упорядоченное, что Солнце создаёт в среднем человеке. Когда оккультный ученик делается ясновидящим и в нём оживает восприятие его собственного, правильно устроенного внутреннего, тогда он стоит перед волнуемым светом, тогда он имеет вокруг себя волнующийся свет. Как образы внутренних неправильностей окружают грезящего во сне человека, так окружают волнующиеся световые явления того, кто стал оккультным учеником; восприятие солнечного воздействия в его собственном внутреннем существе, есть именно то, что в нём тогда выступает.

Сравните теперь обычное внешнее сознание с этим особенным сознанием, которое появляется тогда у ясновидящего. Когда человек, как верхний человек, смотрит на земные предметы, то он видит эти предметы (ибо зрительные представления являются, собственно,

господствующими в жизни) благодаря отражающемуся от предметов, притекающему к нему солнечному свету. Во внешнем сознании человек видит солнечный свет, когда тот отражается ему от внешних предметов. Внешнее повседневное сознание земного человека воспринимает то, что внешний солнечный свет внешне делает с земными вещами. То, что солнечный свет делает с ним самим, что этот свет совершает, дабы сделать возможным существование среднего человека, что он производит, проникая своими воздействиями в среднего человека, это появляется как волнующийся свет перед человеком, когда он становится оккультным учеником. Он видит Солнце в себе самом точно так же, как внешним образом он видит Солнце, когда наступает день и пока продолжается день. И как он видит вокруг себя внешние предметы, когда от них отражается солнечный свет, так оккультный ученик видит солнечность, отражаемую ему его внутренним существом, когда он достигает известной ступени ясновидения. Это есть как бы образ его среднего человека, который является ему в своей пронизанности светом. Это есть первое.

Если бы вы вернулись в древние времена и восприняли в одной из школ древних мистерий учение о переживаниях оккультного ученика, то вы узнали бы, что вышесказанное считалось существенным в этих древних мистериях. Вы узнали бы, что оккультно воспитываемый человек учился воспринимать Солнце отражённо через посредство своего среднего человека, учился воспринимать те солнечные воздействия, которые продолжают также и тогда, когда человек спит, и которые ускользают от человека во время дневного бодрствования, когда его внимание всецело занято внешним созерцанием. На определённой ступени посвящения в мистериях оккультному ученику поясняли, каким является человек, как солнечное существо. Он учился в себе самом познавать солнечное существо; учился познавать, как Солнце действует не только внешне в отражаемом свете, но как оно действует внутренне в самой телесной человеческой форме.

Но также и нечто другое должен был учиться находить оккультный ученик, начинающий ясновидец; и именно то, что можно сравнить со снами о мозге, с теми снами, которые передают неправильные, беспорядочные состояния головного мозга, для которых характерно, типично, сновидческое восприятие, когда человек, как я вам говорил, видит себя, например, в пещере или во дворце, короче, когда над ним

простирается какой-нибудь свод, который он хочет рассматривать. Когда оккультный ученик приводится к тому, чтобы воспринимать не только своего среднего человека, но состояния своего верхнего человека, внутренние состояния головного человека, то никогда не происходит того, что бывает при восприятии среднего человека. Тогда наступает — я передаю вам только факт — как бы равномерное, вполне действительное раздвигание мозгового пространства, переживаемое именно совершенно сознательно. То, что человек переживает, когда все органы чувств в нем закрыты, когда он не воспринимает ничего внешнего и внутренне ясновидящим сознанием направлен только на самого себя, на верхнего мозгового человека — это есть, воистину усеянное звездами небо, тот или иной вид усеянного звездами небесного свода.

Это был великий момент в жизни ученика именно древних мистерий (насколько это изменилось в существо новых мистерий, мы это ещё увидим), когда он воспринимал своё внутреннее существо, поскольку это внутреннее существо выражается в человеческой форме,— воспринимал его в верхнем человеке, как небо с сияющими звездами; когда он взирал таким образом в обширный мир; и хотя ни одно из его чувств не было открыто, но образ звёздного неба был перед ним. И это был величайший момент, когда оккультный ученик наблюдал не только то, что имеется, так сказать внешней поверхностью его головы, но когда от верхнего человека, от головного человека он направлял взор вниз на среднего человека и, в то время, как ни одно из его чувств не было открыто — он воспринимал то, что составляет внутреннюю поверхность мозга, и созерцал оттуда пронизанного светом среднего человека. Тогда в поной тьме (ибо все его чувства были закрыты, так что в отношении внешнего мира он был подобен сияющему человеку) он воспринимал, как бы внутренне глядя вниз, Солнце в ночи, посреди темной поверхности неба. Это называли в античных мистериях: «видением полуночного Солнца», то есть струящийся солнечный свет посреди более слабого, по сравнению с ним, звёздного сияния. Это были значительные этапы в жизни оккультного ученика.

Когда оккультный ученик достигал этого переживания, то он мог сказать нечто совершенно определённое. Он мог сказать себе: «Да, как я воспринимаю струящийся солнечный свет, то есть Солнце в себе самом, когда созерцаю своего среднего человека, так я могу — ибо это есть реальное

действие Солнца — видеть благодаря верхнему человеку, небесное пространство с его звёздами. Что я вижу звёзды, а не полную тьму, это зависит от того, что мозг так же связан со звёздами, как мой средний человек связан с Солнцем». Таким образом у оккультного ученика возникало познание, что точно также как средний человек поддерживается Солнцем, как всё его существо связано с Солнцем, то есть принадлежит к Солнцу, так верхний человек, мозговой человек, связан с целым миром и его звёздами.

После того, как оккультный испытатель познал в себе это, он мог выйти к тем, которые имели только дневное сознание, но стремились найти связь с тем, что превышало пределы земного человека. Другими словами: оккультный испытатель мог выйти к религиозно настроенному человеку, который был в состоянии так или иначе ощущать такого рода связи с миром; и он мог сказать ему: «Человек, каким он стоит на земле, не есть существо, которое принадлежит только этой земле, но существо, которое частью, через грудь и нижнюю область тела связано с Солнцем, а как головной человек, со всем мировым пространством. И тогда то, что оккультный испытатель мог сообщить религиозно настроенному человеку, претворялось у того в благоговение, в молитву.

В зависимости от особой настроенности людей, к которым, в качестве основателей религий, приходили оккультные учителя, эти последние могли говорить больше об одном или о другом. Людям, которые были более предрасположены ощущать своё, связанное с внутренним человеком здоровье, как известное земное благополучие, то есть людям, земное настроение которых зависело главным образом от телесного благополучия среднего человека, оккультные основатели религий могли сказать: «То, что составляет наше благополучие, это исходит от существа Солнца». И тогда эти люди под влиянием оккультных учителей, становились последователями солнечной религии. Вы можете убедиться: повсюду, где на земле жили люди с указанным настроением, для которых особенно важно было, чтобы им указывали на то, от чего зависит их внутреннее здоровье, там везде возникали солнечные религии.

Внешняя наука создаёт только фантастические теории, когда полагает, что люди без особых причин стали поклоняться Солнцу. Утверждения внешней науки по этому поводу носят, поистине, фантастический характер. Не следовало бы думать, что материалистически настроенные

люди правы, когда упрекают теософов в склонности к фантастике и только себе приписывают реалии. В общем можно сказать, что материализм далеко не свободен от склонности к фантастике, когда мы видим, как он объясняет, например, тот факт, что некоторые люди становятся поклонниками Солнца. Дело представляется так, будто бы в силу тех или иных обстоятельств, неизвестно по каким побуждениям люди начинают поклоняться Солнцу; но в действительности было так, что относительно известных народностей посвящённые оккультные учителя знали: Мы имеем здесь дело с людьми, которые развивают преимущественно доблесть сильного духа, мужества, храбрости, короче, всё то, что связано со средним человеком, и мы должны возвестить им о том, что может быть созерцаемо в сверхчувственном, что средний человек есть следствие солнечного сознания. И эти оккультные посвящённые отвлекали людей, в которых преобладал средний человек, от переживания только своего здоровья, от жизни только в себе (в своих телесных силах) и приводили их к благоговению, которое в религиозном переживании поднимает взор вверх к изначальному существу этого среднего человека. Они приводили этих людей к почитанию Солнца.

Но и на других примерах можно заметить склонность материализма к фантазированию. Так, нам пришлось прочесть всевозможные описания нашей мюнхенской постройки (вначале вместо Дорнаха постройка предполагалась в Мюнхене, но местные власти отказали в разрешении). Благодаря нескромности, это попало в газеты и материалистический человек современности по своему представил себе, что это такое и для чего бы всё это могло быть.

Появилось столько фантастических сообщений, что действительно можно было убедиться, что фантазии есть несомненное свойство современного человека. Когда дело идёт о том, чтобы что-нибудь сказать об определённых вещах, о которых ничего не знаешь, то современный человек, не смущаясь, создаёт самые фантастические объяснения. Так бывает в обычной жизни, но так бывает и в науке. Одной из таких фантазий являются научные попытки дать изложение или обоснование культа Солнца.

Но далее, когда на земле оказались люди, которые были менее предрасположены к развитию в себе среднего

человека и были более предрасположены к мышлению, к представлению, к жизни верхнего человека, то этим людям указывалось на другое. Тогда оккультисты, которые выходили в мир, как учителя религий, обращали внимание этих людей на истинное начало того, что является в них орудием для развития мышления, для жизни в мыслях и представлениях, и говорили им: «Если вы хотите представить себе истинную природу орудия вашего мышления, то так как вы не имеете созерцания в высших мирах (этого прямо не говорилось, но я развиваю здесь это) — вы получите внешний отблеск этого, когда, бодрствуя ночью, вы с благоговением поднимаете взор к усеянному звёздами небу».

Поклонение звёздам, или можно также сказать, поклонение ночи,— ибо часто это выражалось так, что вместо «звёздное небо», говорили «ночь»,— преобладало у народов, имевших мыслительную природу. Для мыслящих, для размышляющих народов древности создавались такие религии, в которых им указывалось, где лежит истинное начало органа их мышления, верхнего человека. И многие имена древнейших богов известных народов должны быть переводимы на новейшие языки просто словом: ночь. Ночь, которая таинственно являет себя матерью звёзд, которая порождает из себя звёзды, — ночь, становилась предметом поклонения, ибо оккультные посвященные именно знали, что орудие мозга есть действительно и реально порождение сияющей звёздами ночи.

И, как этим народам, которые становились поклонниками звёзд, указывали на мать звёзд — ночь и как многие древние наименования богов должны переводиться словом: ночь, так почитателям Солнца указывали преимущественно на то, что Солнце порождает день, создаёт день. И это имело последствием, что у народов, которые поклонялись главным образом высочайшей, божественной силе Солнца, многие слова, связанные с почитанием Солнца, должны переводиться словом «день». Поэтому мы можем с известным правом сказать: когда люди ощущали себя сильными, мужественными, воинственными народами, то мы находим в них поклонников Солнца, поклонников дня, ибо их посвященные указывали им, как на предмет благоговейного почитания, на Солнце, на существо дня. И мы находим в мыслящих, рассуждающих народах поклонников ночи и звёзд, ибо их посвященные указывали им на это.

Но есть ещё и другие народы. Есть народы, у которых не

было такого резкого разграничения между чисто дневным созданием и ночным сознанием, или, как ещё можно сказать: между сознанием и бессознательностью. Когда мы возвращаемся в древние времена, то находим там нередко народы — вы знаете это из других теософических лекций, которые сохранили именно средние, промежуточные состояния сознания, или древнее ясновидение,— народы, которые не жили попеременно: днём в сознании, ночью в бессознательности, но имели в некотором полусознании, соединёнными вместе, сознание дня и сознание ночи, как древнее ясновидческое сознание.

У этих народов было третье состояние сознания. И благодаря ему, они могли иметь предчувствие, что существует действительная связь человека с чем-то внеземным. Но что было причиной такой предрасположенности этих народов? Эти народы имели в своём внешнем образовании, во внешнем человеке, в своей внешней телесности совершенно определённую особенность. Эти люди, которые были наделены древним ясновидением (в древние и в древнейшие времена таковы были почти все люди на всей земле), имели то особенное свойство, что в известных состояниях сознания они могли воспринимать своего симметричного (среднего) человека, но не как самого симметричного человека, а то, как этот средний человек проявлялся в своём действии на верхнего, мозгового человека.

Если вы хотите создать себе картину того, что происходило тогда в человеке, то вы должны представить себе, что это был образ среднего человека, отражаемый в мозге.

В нормальной, земной жизни внешние чувственные впечатления действуют на мозг, и мозг отражает их, как образы, то есть противопоставляет свою собственную сущность внешним впечатлениям. Так возникает представление о внешнем мире, как образ, отражаемый мозгом. Таковы именно представления о внешнем мире. Они суть отражены мозгом, рефлекторные образы. Когда вы смотрите на внешний мир, то внешние впечатления проникают через глаз до определённого участка мозга и там задерживаются. Что они там: задерживаются, не пропускаются целиком, а отбрасываются назад, это и есть причина того, почему возникают представления. Но, когда человек делается ясновидящим, то на мозг производят

впечатление не только внешние предметы, а также и средний человек производит на него впечатления, которые затем могут быть отражаемы мозгом.

То, на что я сейчас указал: что средний человек производит впечатления на мозг, и эти впечатления отражаются мозгом, это не имеет ничего общего с тем, что я описывал выше, как восприятия истинного оккультного испытателя. Истинный оккультный испытатель воспринимает своего среднего человека непосредственно, а не через отражение мозга. Он видит в себе непосредственно солнечность, то есть среднего человека, он видит в себе непосредственно звёздное существо, то есть свой мозг. Но на том, о чём сейчас идёт речь, на этом ясновидческом состоянии, в котором события внутреннего, солнечность среднего человека, так отражаются мозгом, как отражаются мозгом внешние впечатления, поступающие через чувства, на этом было основано древнее ясновидение античных людей. Они получали свои восприятия обходным путём, через посредство своего среднего человека. Они не воспринимали непосредственно ничего внешнего. Они воспринимали от Солнца только то солнечное, что было в них самих; это отражалось им тем путём, что восприятия мозга переживались ими, как представления солнечного в их собственном внутреннем.

Некогда действительно существовали эти народы, которые в определённых, естественных ясновидческих состояниях как бы улавливали своим мозгом и переводили в представления солнечность своего собственного внутреннего существа. И каким образом это тогда появлялось? Это проецировалось во вне, но воспринималось не как обычные представления, которые вызываются чем-либо внешним, а так, что это являлось как внутренний солнечный свет, но приходящий извне. И, когда затем исследовали отчего происходит это явление, когда оккультные испытатели хотели узнать, отчего они приходят в такие состояния, тогда им открывалось то, что имеется в среднем человеке — то, что есть его солнечность. Эту солнечность человек имеет благодаря тому, что он есть солнечное существо. То, что являет себя в орудии мозга, связано с тем, что человек есть звёздное существо, что он действительно образован из всего мирового пространства. Но то, что воспринимается им теперь, это зависит от сильного влияния на человеческое существо Луны, которая вращается вокруг Земли.

В те древние времена человеческий организм был таков, что на мозг человека действовала главным образом Луна, что Луна оказывала сильные воздействия на его мозг. Оттого это древнее ясновидение в сильной степени зависело от лунных фаз и в большинстве случаев выступало в такой последовательности, которая находила своё внешнее выражение в фазах Луны. В течение 14 дней это древнее ясновидение прибывало, и в течение 14 дней убавлялось. В середине этого месячного промежутка действие его было наиболее сильным. Это древнее ясновидение протекало так, что люди переживали периоды, когда они знали: мы — солнечные существа. Они знали это из того, что могли воспринимать Солнце во внутреннем представлении, отражаемом мозгом. Но это происходило под влиянием Луны. Да, это древнее ясновидение выступало именно так, что человек как бы следовал 28-ми дневному нарастанию и убыванию действия Луны, так что бывали дни, когда действие Луны становилось особенно сильным, когда ясновидение — внутреннее ясновидческое сознание — выступало во всех людях. Когда оккультные посвящённые выходили к этим людям, чтобы пробудить в них религиозное настроение, то они делали этих людей почитателями звёзд или ночи, подобно тому, как другие люди делались почитателями Солнца или дня. Отсюда почитание Луны у многих народов.

Моисей познал этот лунный культ в его истинном первоисточнике у египетских посвящённых; и он сам, бывший одним из величайших и наиболее значительных посвящённых, сделал этот лунный культ, в особенно одухотворённой форме, религией народа,— и именно древнееврейского народа. Таким образом, культ Ягве в древнееврейском народе есть одухотворённый культ Луны. Благодаря ему вплоть до позднейших времён в древнееврейском народе могло сохраниться сознание, что человек связан со внеземным бытием, что его существо не замкнуто только в земном.

Но как у почитателей Луны, так и у почитателей Солнца и звёзд внешний народ мало знал о том, что для ясновидящего звёзды, Солнце и Луна являлись в одухотворённом образе, что они являлись не как внешние, чувственно воспринимаемые предметы; и древние народы мало поняли бы, если бы им сказали: «Да, поклоняйтесь тому, что есть причина бытия вашего среднего человека, но не представляйте себе этого в образе внешне чувственно

воспринимаемого Солнца, а воспринимайте это, как нечто сверхчувственное, что лежит в основе Солнца»; и также мало поняли бы почитатели звёзд, если бы им сказали, что орган их мышления: и рассуждения имеет своё начало в обширном мировом пространстве, но что они не должны представлять себе этого начала в образе воспринимаемого внешними глазами звёздного неба, и в том невидимом, что лежит за ним, во множестве духовных существ, которые пребывают в звёздах. Как почитателям Солнца и звёзд, так и народам, почитавшим Луну, нельзя было сказать того, о чём знали посвящённые: «Представляйте себе невидимую сущность, которая имеет в Луне как бы своё внешнее тело». Но можно было сказать нечто другое: и Моисей действительно сказал это древне-еврейскому народу. Этого ещё нельзя было бы сказать более древним почитателям Луны, но только впервые древнему еврейскому народу. Поэтому Моисей указал своему народу не на внешне видимую Луну, а на то божественно-духовное существо, в котором лежало начало древнейшего ясновидения всех народов; того ясновидения, которое было дано людям как бы в возмещение, когда они были поставлены в необходимость жить в смене сознания,— дневного сознания и ночного сознания, что повлекло за собой такого рода познание мира, которое подобно тому, что выражает собой отражённые солнечные лучи, то есть лунное познание. Итак, как бы в вознаграждение за то, чисто внешнее, что могло дать людям земное сознание, воздействующее в смене дневного и ночного сознания, и приводящее самое большее к видению внешнего звёздного неба, человеку было дано древнее ясновидение, которое связано с духовным миром, а во внешнем мире, локально поставлено в связь с Луной.

И так как с развитием человечества это ясновидческое сознание должно было также постепенно исчезнуть, погаснуть, то древне-еврейскому народу была дана духовная замена в невидимом существе Луны, в Ягве или Иегове, о котом возвестил древне-еврейскому народу Моисей, с особенной силой учивший, что Ягве нельзя подменять чем-либо видимым внешне или создавать его внешнее изображение. Поэтому именно Моисей строго запрещал видеть образ Ягве в каком бы то ни было образе внешнего мира, и запрещал вообще всякое изображение невидимого, сверхчеловеческого бога, хотя бы даже оно было взято не из нашего внешнего мира.

Итак, мы видим, что религия Ягве стоит в удивительной

связи с лунной религией, которая в начале человечества была дана через древнее ясновидение. Для тех, кто особенно интересуется этим вопросом, можно ещё прибавить, что именно Е.П. Блаватская из совершенно правильных источников указала, что религия Ягве в известном отношении была обновлением древней лунной религии. Но Е.П. Блаватская в своём исследовании ещё не достигла того, что возможно для нас теперь, и ей не могла быть вполне ясна та последовательность, которую мы сейчас изложили. Правильное познание того факта, что религия Ягве есть лунная религия, вызвало в душе Е.П. Блаватская неправильное ощущение, что тем самым в религии Ягве было дано нечто менее ценное. Но это не так. Если мы знаем, что эта религия древне-еврейского народа происходит, имеет своё начало в древнем ясновидении и как бы только сохраняет память об этом древнем ясновидении, то мы вполне можем понять священную строгость этой религии Ягве.

Тогда вы видите, как это связано со значительными переживаниями оккультных испытателей, которые в высшем сознании переживали связь человека со всем миром, принадлежность человека к целому миру, когда они познавали, что средний человек есть солнечный человек, а верхний человек есть звёздный человек. Тогда вы видите также, как это связано с тем, что оккультист познаёт,— под образом внешних религий, которые во многих отношениях в качестве древних религий были также и древними теософиями, которые были даны людям. Ибо когда древние люди становились религиозными людьми, то в них пробуждалось в большей или меньшей степени нечто от древнего ясновидения, и тогда они не должны были просто только верить, но могли понимать и постигать то, что говорили им древние посвящённые, если даже сами они не могли этого видеть. Так древние религии были во многих отношениях теософиями. Они представляют собой теософские учения, которые оккультисты давали людям, в зависимости от того, как были устроены или предрасположены люди на данном участке земли.

Мы должны были, как вы видели, пока исключить из нашего рассмотрения нижнего человека, как третьего семичленного человека. Мы к этому вернёмся и тогда увидим, как удивительно проводилась эта великая мистерия, и каким образом оккультный испытатель проходил дальнейшее развитие в посвящении, благодаря которому

впервые может быть понято истинное существо человека.

Восьмая лекция. 10 июня 1912 г.

Мои милые теософские друзья! Оккультные познания — простите мне эти слова, но они должны быть однажды высказаны — поистине не детская игра; и кто подходит к ним, предполагая, что он должен в них получить нечто вроде нейтральных теорий, хотя и не безразличных для жизни, но всё же теорий, затрагивающих только рассудок, тот окажется, пожалуй, в большинстве случаев в большом затруднении.

Мы рассмотрели нечто, по-видимому, довольно внешнее: человеческий образ; но я уже сказал вам, что именно из этого человеческого образа, каким мы поставили его перед собой в виде трёхчленного человека, должен тем не менее исходить оккультный испытатель. Он должен исходить главным образом из ощущений и чувств, из душевных впечатлений, которые возникают в нём при рассмотрении человеческого образа, ибо благодаря этому он делает своей исходной точкой нечто, так сказать, наименее зависящее от внутренней жизни. Конечно, возможно, а в известных случаях, даже желательно, чтобы не только теософы, но и оккультисты исходили больше из внутренних душевных переживаний.

Но в таком случае всегда имеется своего рода препятствие, которое не позволяет человеку справиться с этим. Вы, конечно, знаете уже из других лекций, что на построение нашего внутреннего образа действовало не только всё то, что уже было дано человеку, когда земля начала своё развитие, но что духовные существа и силы работали над этим в течение многих его земных воплощений.

Но над построением этого внутреннего человека с древнейших времён на земле работали также и люциферические и ариманические силы. Если вы взвесите это, то вы легко можете сказать себе (и это будет вполне правильно), что, исходя непосредственно из внутреннего человека, никогда нельзя быть уверенным в свободе от люциферических и ариманических сил, нельзя быть уверенным в том, что они не вмешаются в получаемые оккультные созерцания. Тогда многое, очень многое из люциферических и ариманических сил может незаметно

проникнуть в эти созерцания, примешаться к душе. Ибо о многих вещах часто думают, что они представляют собой необыкновенно прекрасное содержание души, тогда как они совсем не таковы, потому что они так или иначе смешаны с силами, которые Ариман и Люцифер внесли в человека.

Поэтому для оккультного испытателя безопаснее всего исходить из человеческого образа. На этот человеческий образ оказало наименьшее влияние то, что можно назвать люциферическими и ариманическими силами. «Наименьшее», и прошу твёрдо заметить это, потому что влияние всё-таки было, но именно наименьшее. На внутреннюю душевную жизнь влияние было гораздо сильнее, так что человеческий образ остаётся действительно наиболее здоровой исходной точкой для оккультного испытателя, если при этом он будет держаться того древнего оккультного положения, что в отношении своего образа человек есть подобие божества. Исследователь сделает хорошо, если будет исходить из этой точки, ибо тогда он устанавливает связь с божественным, избирает своей исходной точкой подобие божества, и это будет в высшей степени важно, в высшей степени правильно.

Но, с другой стороны, это имеет свою трудность, когда человек исходит из внутренних душевных переживаний и, благодаря своему оккультному развитию, достигает возможности, отправляясь от этих внутренних душевных переживаний, созерцать в духовном мире, тогда впечатления духовного мира держатся сравнительно очень долго. Другими словами: если кто-нибудь, путём чисто внутренних душевных переживаний, достигнет возможности переступить через Порог и войти в духовный мир, то, переживая духовные созерцания, он может, так сказать, дать себе время рассмотреть эти вещи, ибо они держатся достаточно долго. В этом, можно сказать, преимущество и удобство пути, исходящего из внутренних душевных переживаний. Но это имеет указанные выше вредные стороны. Это не предохраняет человека от неправильной оценки люциферических и ариманических влияний, не даёт возможности правильно познать эти влияния, как таковые. Действительно, можно сказать, мои милые теософские друзья, что Люцифера и Аримана люди замечают меньше всего, когда исходят из внутренней душевной жизни.

Напротив, путь, исходящий из человеческого образа, имеет в себе то отрицательное, что созерцание, которого

достигают,— имажинации, держатся чрезвычайно короткое время, что они не сохраняются, так что необходимо развить известное присутствие духа, чтобы их удержать.

Теперь я хотел бы обрисовать вам, как это происходит, когда кто-нибудь, в качестве оккультного испытателя, исходит из человеческого образа и проникает в сверхчеловеческий мир. Я не знаю, каждый ли из нас имел тот удивительный опыт, который является самым простым, но который именно нужно иметь, если хочешь о нём что-нибудь знать: если направить глаз на очень светлый предмет, то впечатление в глазу остаётся дольше, чем если бы глаз был направлен не на этот предмет. Гёте, который неоднократно рассказывает об этом в своей цветовой теории, особенно занимался он этими послеобразами, которые остаются в организме, то есть в пределах человеческого образа. Когда, например, вечером вы уложите в постель, тушите свечу и закрываете глаза, то вы можете ещё долгое время видеть перед собой как бы колеблющийся отсвет пламени. Для большинства людей, которые воспринимали этот отсвет, внешнее впечатление исчерпывается этим отсветом. Этим они, так сказать, изживают то движение, ту вибрацию, которые были вызваны внешним впечатлением. Но, тогда для большинства людей также и само это внешнее впечатление становится прошлым.

Но оккультный испытатель должен и здесь исходить из человеческого образа, то есть из того, что в обыкновенной жизни на физическом: плане составляет человеческий образ. До тех пор, пока он замечает только послеобразы, в этом нет ещё ничего значительного. Это становится значительным только когда, кроме послеобраза, остаётся ещё нечто. Ибо то, что остаётся кроме послеобраза, это исходит уже не от глаза, но есть процесс, переживание, которое мы имеем благодаря эфирному телу. Кто сам произвёл этот эксперимент, тот уже не сделает пустого возражения, что это также есть быть может послеобраз физического тела. Так можно сказать только до тех пор, пока сам не узнал этого на деле. Но, когда узнал это на деле, тогда уже так не скажешь. Ибо тогда знаешь: то, что здесь остаётся, есть нечто совсем другое, чем то, что стоит в каком бы то ни было внешнем физически-чувственном отношении к внешнему впечатлению.

В большинстве случаев то, что здесь остаётся, например, после красочного или светового впечатления, это не будет ни красочным, ни световым впечатлением. Если это будет свет

или краска, то это есть иллюзии; но быть может это будет звук, относительно которого определённо знаешь, что он сообщается не ухом, что он был вызван не ухом. Это может быть и не звук, а что-нибудь другое; Но всегда это будет впечатление, отличающееся от внешней импрессии. Оккультист должен вообще приучиться преодолевать, побеждать внешнюю импрессию, ибо оккультизм возможен, например, так же и для слепых, которые никогда в жизни не видели ни одного внешнего предмета, никогда не имели ни одного внешнего светового впечатления посредством своего внешнего глаза. И наоборот, большинство тех призрачных образов, которые иногда видят люди, суть только фантастически изменённые образы воспоминаний о чувственных впечатлениях. Оккультное переживание не зависит от того, можем ли мы пользоваться своим чувственным органом или нет, ибо оно выступает независимо от чувственных органов. Оккультный испытатель должен, после того, как сначала он составил себе ясное представление о человеческом образе, фиксировать этот человеческий образ так, чтобы живо иметь его перед собой, как имагинацию. С помощью какого из органов чувств он это делает или как он фиксирует этот человеческий образ, то есть видит, или слышит, и.д..., это вполне безразлично. Дело именно в том, что он вообще фиксирует человеческий образ и что, благодаря этому, в нём со всей живостью возникает имагинация, образ. Исходной точкой для этого оккультный испытатель может взять внешнюю форму (вид) человеческого образа. Но может быть и так, что он возьмёт исходной точкой внутреннее чувство своего тела, чувство себя в этом теле.

И, если тогда оккультисту удаётся по отношению к этому человеческому образу ощутить как бы нечто подобное послеобразу, то есть если сначала он установит перед собой воспринятый в физическом мире человеческий образ, и потом даст ему в себе угаснуть, как угасает послеобраз в том случае, о котором я говорил уже выше, и подождёт, пока этот послеобраз человеческой формы совсем исчезнет, тогда он получит тот образ человеческой формы, который не является уже послеобразом физического, но переживается в эфирном теле.

Итак, этот послеобраз переживается в эфирном теле. Вы видите, следовательно, что для оккультного испытателя дело идёт здесь о том, чтобы пережить себя самого в эфирном теле. Но когда он достигает до того, чтобы пережить себя в эфирном теле, то это переживание не детская игра, ибо оно

тотчас же распадается на два переживания. Оно не остаётся единым. И эти два переживания должны быть выражены двумя словами. Во-первых, переживают смерть, и во-вторых, — Люцифера.

Так как дело идёт здесь не о чувственных переживаниях, но о гораздо более высоких переживаниях, то их нелегко передать, именно потому, что слова берутся главным образом из чувственного мира, благодаря чему их значение также напоминает о чувственном мире; в действительности же это протекает скорее как внутреннее переживание, чем как внешнее, и употребляемые при этом слова имеют своим назначением вызвать прежде всего представление, образ того, что здесь собственно переживается. Пережить смерть, — это значит приблизительно познать, что человеческий образ, который мы только что рассматривали и из которого исходили, не может существовать вне пределов земного бытия. Он связан с земным бытием. Кто хочет выйти за пределы земного бытия, кто вообще хочет считаться со сверхчеловеческой жизнью, тот должен себе уяснить, что человеческий образ, как таковой, может быть пережит только на земле, что он должен разрушиться — как это показывает смерть — когда человек выступает из пределов земного бытия. В эфирном теле этот человеческий образ не может явиться иначе, как смертным (пронизанным смертью, медленным, насыщенным смертью).

Таким образом, должно быть это первое впечатление, и оно есть уже камень преткновения для оккультного испытателя; ибо впечатление, которое производит разрушенный человеческий образ, потрясает глубоко. Для многих, проходивших оккультный путь, оно было действительно тем, чего они не могли преодолеть и говорили себе: Дальше идти мне препятствует страх перед тем, что ещё может открыться. Но увидеть смерть необходимо, именно потому что только тогда человек знает с полной уверенностью: Высший мир нельзя пережить в земном телесном мире. Из этого мира нужно выйти, его нужно покинуть.

Таково следующее впечатление. Этим не сказано, что в земном мире абсолютно не может быть пережит высший мир. Но для оккультного испытателя сначала невозможно ничто другое, кроме того, что сейчас описано. Это можно было бы передать такими словами: Познают Люцифера. Люцифер появляется здесь собственно для того, чтобы указать

человеку на нечто весьма соблазнительное. Если облечь словами то, что узнают благодаря встрече с Люцифером, то происходит следующее. Люцифер обращает внимание человека на непрочность человеческого образа, и говорит: Посмотри только на этот человеческий образ, он разрушен; распадающийся образ дали тебе боги, которые являются моими врагами. Приблизительно так говорит Люцифер человеку и тем самым указывает ему, что высшие боги были поставлены в необходимость создать человека в этом непрочном образе, что они не могли иначе,— в силу тех причин, которые мы ещё будем обсуждать,— как сделать человеческий образ распадающимся. И затем Люцифер показывает то, что он хотел сделать из человека, чем стал бы человек, если бы он (Люцифер) мог один, беспрепятственно со стороны своих противников, распоряжаться человеком.

То, на что Люцифер может указать человеку: чем стал бы человек, если бы он, Люцифер, один мог им распоряжаться, это имеет в себе опять таки нечто весьма соблазнительное, ибо Люцифер указывает на это человеку приблизительно в таких словах: Оглянись на себя, посмотри, что от тебя осталось после того, как твой человеческий образ распался. Когда человеческий образ распался, когда затем человек, так сказать, духовно оглядывается и видит себя духовно как бы со снятой кожей (без человеческой оболочки), когда его образ у него отнят, тогда он видит следующее. Во-первых, он видит: то, что осталось, это пригодно, так сказать, для сверхчеловеческого мира; в известном отношении это родственно сверхдуховному; это есть, в известном отношении нечто бессмертное, между тем, как его земное тело смертно. Это действует, как сильный аргумент, это составляет причину великого соблазна, который исходит от Люцифера. Припомним: сначала человеку был показан образ и подобие божества, которым он наделён, но который подлежит распаданию и связан с землёй. Потом Люцифер показывает то, что в человеке бессмертно. Это действует, как искушение, соблазн. Но когда человек рассматривает это бессмертное, когда человек всматривается в то, что выступает взамен внешнего образа, после того, как он распался на свои три части, из которых, как мы это нашли,— он состоит, тогда человек видит себя, и видит за счет чего Люцифер сделал человека бессмертным. Но тогда, оглядываясь на себя, человек не видит уже себя больше человеком. Тогда человек действительно больше уже не человек. — То, чем человек является, как верхний человек

того трёхчленного человека, которого мы прежде охарактеризовали, это находило всегда себе выражение в известных образах оккультной символики. Эти образы на протяжении веков должны были нечто говорить людям. Но только очень немногие понимали эти значительные имажинации и образы. Верхний человек, которого человек может видеть, когда рассматривает самого себя, не одинаков, различен у всех людей. И образ этот более или менее изменчив, когда на него смотрят. Но он даёт приблизительное представление о том, что человек переживает тогда, как импрессию. Тогда человек не имеет больше человеческого лица; он напоминает скорее тельца или льва. Оказывается,— хотя это и не вполне точно (многое из того, что переживается в сверхчеловеческом мире, выглядит гротескно),— что женщина, когда она оглядывается таким образом на себя, ощущает себя больше в образе льва, мужчина — в образе тельца. Это нужно выдержать, ибо это действительно так. В связи с этими двумя образами, которые переходят один в другой, так как мужчина не вполне лишён подобия льву, женщина не вполне лишена подобия тельцу, ибо они сливаются один с другим, как бы вплетаясь в одно и в другое, образ птицы, который всегда называли орлом, и который сюда же относится

Всё это ещё не самое худшее. Многие ещё решились бы ради бессмертия быть тельцом, львом или орлом. Но это только верхний человек. Дальнейшее её продолжение вниз есть ужасный дракон, отвратительный гад. Это и есть то, что было основой всех легенд о драконе. Причём, религиозная символика всегда давала человеку четыре образа,— то, что человек находит в сверхчеловеческом мире уже распавшимся,— а именно образ человека, льва, тельца и орла,— но она только намекала в указаниях на грехопадение, что к человеку относится ещё и ужасный дракон. Он, несомненно, относится ко всему человеку в целом, каким он себя здесь находит; и это о нём человек должен сказать себе: правда, Люцифер может обещать бессмертие. Это вполне обосновано. Но только ценой формы, ценой образа, так что ты будешь жить бессмертным в той форме, какую ты стал под его влиянием.

Тогда убеждаются, что только во время земного развития человек получил этот внутренний образ,— получил его именно благодаря тому, что в земном развитии действовал Люцифер. И отмечают, что под влиянием Люцифера это земное развитие непрерывно давало человеку

нечто сверхчувственное. Ибо мудрость и все, что примыкает к мудрости, во многом исходит от Люцифера. И при встрече с ним Люцифер может указать на многое, чем человек был ему обязан.

Но тем не менее всё вышесказанное остаётся в силе. И тогда естественно должен возникнуть вопрос: неужели в этом познании себя нет совсем ничего утешительного? Ибо в конце концов это самопознание действительно безотраднo, если человеческий облик характеризуется только тем, что человек унижен до животного. Это животное тройственнo и связано не с высшими животными, а низведено до того животного состояния, которое на земле является в образе пресмыкающегося.

Зрелище, по истине, не утешительное. То, о чём я вам сейчас рассказал, относится к переживаниям, которые я выше назвал чрезвычайно быстро ускользающими впечатлениями. Нужно иметь большое присутствие духа, чтобы вообще схватить это впечатление, чтобы его, так сказать, усмотреть. Оно очень быстро проходит. В этом невыгода того пути, когда исходят из человеческого образа: у людей нет настолько присутствия духа, чтобы охватить смерть и Люцифера, и потом ещё, обернувшись (я разумею, конечно, духовный поворот), разглядеть и самого себя. Утешительного нет ничего в том, что тогда видят, потому что в конце концов приходится выбирать одно из двух. Можно выбрать смертное, распадающееся, то, что исходит от богов, противников Люцифера, и держаться этого, так же можно выбрать бессмертие, и тогда дополнением к этому бессмертию является унижение человеческого образа (до животного). Наличие всех этих узнаний, впечатление от них, по истине, безотраднo; это прежде всего в высшей степени гнетущее, в высшей степени роковое и страшное впечатление. Поэтому задача оккультного учителя здесь заключается, главным образом, в том, чтобы указать людям, что, когда они имеют первые сверхчеловеческие впечатления, они не должны придавать им особенное значение по той простой причине, что эти первые впечатления,— безразлично, будут ли они приятные или мучительны, никогда не должны приниматься, как нечто определяющее. Самое правильное, это терпеливо выждать; и придётся, быть может, производя описанный душевный опыт, иметь много раз довольно безнадежное впечатление. Тогда нужно иметь мужество, чтобы вызывать его всё снова и снова. Но это необходимо, если хотят практически

продвигаться вперёд в оккультизме; и наконец наступит момент, когда можно будет остановиться на чем-то одном.

На том, что предлагается в настоящее время, нельзя остановиться, ибо всё, что было приобретено в этой жизни, оказывается преходящим, так как само это тело является преходящим, временным. Вечное обещает человеку Люцифер. На этом также нельзя остановиться; но приходит момент, когда можно остановиться на чём-то, хотя и не на настоящем, а на воспоминании, которое может остаться у нас из обычной земной жизни. Это воспоминание должно остаться у человека, как мысль, из земной жизни, и перелиться в эту встречу со смертью и Люцифером. Она переливается сюда, она вдруг приходит, она выступает — эта мысль, это воспоминание, которое может тогда стать единственной опорой для человека. Но эта мысль есть, можно сказать, чрезвычайно слабая мысль. Поэтому необходима большая энергия, чтобы иметь эту мысль, это воспоминание. Это единственное, о чём человек может вспомнить, как о достоверном, — это мысль — Я, — мысль: ты был Я там на земле. Но эту мысль чрезвычайно трудно удержать. Конечно, многие знают, как иногда действительно трудно перенести даже виденный сон из другого сознания в настоящее. Так чрезвычайно трудно перенести мысль - Я из земного сознания в то сознание, в которое теперь перешли; и когда вступают в сверхчеловеческий мир, то слишком легко может случиться так, что эта мысль Я оказывается как бы сном, который снился в земном мире и о котором не можешь вспомнить. Как забытый сон является эта мысль — Я, когда человек переходит в другое сознание; и в этом отношении положение человечества на земле ухудшилось с ходом земного развития.

В древние времена, в очень далёкие времена, было сравнительно легко переносить образ — Я из посястороннего в потустороннее; но с течением развития человечества это становилось всё трудней и трудней. Когда я говорю, что мысль Я приходит, то мы должны в связи с этим представить себе, что у современного оккультного ученика она несомненно приходит, но что у него Я не остаётся только сновидением, а может вспыхнуть, как воспоминание в потустороннем. Однако для этого необходима помощь; без помощи этого не будет. Итак, это событие может наступить. Но без помощи этого не произойдёт. Это важно. При современных условиях земного развития, в большинстве случаев, у оккультного ученика, — когда он вступает в

сверхчеловеческий мир,— мысль — Я осталась бы в прошлом, как забытый сон, если бы он не получил помощи.

И, если я должен назвать вам эту помощь, которая необходима современному оккультному ученику, чтобы не забыть о мысли-Я при восхождении в сверхчеловеческий мир, то для этого существует только одна возможность,— и это есть жизнь с Импульсом Христа на Земле. Это и есть помощь. От того, как человек во время своей земной жизни относился к Импульсу Христа, насколько он оживил в себе этот Импульс Христа, от этого зависит, подпадёт ли мысль-Я забвению при восхождении в сверхчеловеческий мир, или мысль Я сохранится у человека, как единственная крепкая точка опоры, которую человек может перенести с собой с земли в сверхчеловеческий мир. Конечно, современный христианин может сказать много прекрасного и значительного об Импульсе Христа. Но тот, кто чувствует себя в христианском смысле вступающим в высшие миры, знает об этом Импульсе Христа ещё больше. Нечто чрезвычайно важное и значительное знает он. Он знает, что в наше время этот Импульс Христа есть, собственно, единственное, что может нам помочь в том, чтобы не забыть мысль Я земного развития. Что Импульс Христа мог стать помощью так же и в этом смысле, наряду со всем тем, чем этот Импульс Христа мог уже сделаться для человека на этой земле, наряду со всем тем неисчислимым, что культура человечества получила и ещё получает для своего блага и процветания, от Импульса Христа, что наряду со всем этим Импульс Христа мог стать помощью в том, чтобы земная мысль Я не была бы забыта,— с чем это связано, от чего это зависит? Это должно стать великим вопросом для нас.

Чтобы дать вам ответ на вопрос, с чем это связано, я должен обратить ваше внимание на вещи, которые, если даже не известны вам из оккультизма, вы можете получить из разумного рассмотрения Евангелий,, Есть две возможности ознакомиться с причинами, по которым Импульс Христа является этой помощью: во-первых, это есть стоящий на уровне современности оккультизм, и во-вторых, истинно разумное углубление в Евангелия. Ибо Евангелия имеют в себе нечто совершенно особенное, если мы сравним их, как религиозные документы с другими религиозными памятниками. Они имеют в себе нечто такое, на что не всегда обращают внимание. Я попрошу вас только сравнить то, что стоит в этих памятниках христианства, со всем тем, что может предложить нам внешняя история религий, и со всем

тем, что может предложить вам ещё даже послехристианская эпоха. Когда вы рассматриваете историю кого-нибудь из основателей религий и стараетесь его понять, то вы не можете этого сделать иначе, как стараясь узнать, понять те сверхчеловеческие внушения, инспирации или интуиции, которые имел этот основатель религии. Если вы спросите, откуда происходит мудрость дохристианских основателей религий, то, например, относительно Будды вы приходите к тому высокому просветлению, которое он получил под деревом Бодхи и, благодаря которому он мог возвестить затем то, что он назвал священным учением. Таким образом вы приходите к сверхчеловеческому просветлению, когда хотите узнать источник учения Будды. Это относится во многом даже к послехристианскому времени.

Если вы возьмёте Магомета, то вы должны будете прийти к видениям,— к тому, что открылось Магомету из сверхчеловеческих миров,— чтобы объяснить, почему он сказал то или другое, так или иначе. Так это было со всеми основателями религий, и не только со всеми основателями религий, но со всеми, кто имел великие откровения. Указывается на их божественную инспирацию, указывается на сверхчувственное, которое их озарило.

О Пифагоре вы знаете это совершенно точно. Относительно Платона даются постоянные намёки, что он открыл не всё то, что он знал, но что и в своих сообщениях он был инспирирован в мистериях, то есть что он достиг созерцания высших миров. Даже о Сократе говорится, что у него был демон, и что было бы бессмысленно отрицать этого демона. Во всяком случае то, что он развил для людей на основе человеческого разума, это он сам получил от своего демона. Так это было во всём мире, куда вы не посмотрите. Сравните теперь с этим Евангелия. Если вы внимательно перечтёте Евангелия, то найдёте в них всего один только раз указание, что в том смысле, как это переживается при посвящении, Христос Иисус — за три года своего странствования по земле — взирал, или должен был взирать в сверхчеловеческий мир. Этот единственный раз дан в евангельской сцене искушения; но и тогда вам не рассказывается о том, что Христос должен был научиться познавать сверхчеловеческое, благого Бога, а говорится, что Он имел встречу с тем, что для него было злом, с сатаной, с Люцифером.

Вам рассказывается, что с самого же начала это

искушение не было для Него искушением. Прочтите сами эти места, и вы увидите, как необычайно проведено в Евангелиях это переживание, через которое должны были всегда проходить инициаторы; как Христос с первого же момента исповедует свою веру в Бога, как Он отвергает искушение и произносит слова: «Отойди от меня, Сатана! Ибо написано: Господу Богу Твоему поклоняйся и Ему единому служи!» как Люцифер не может уже продолжать искушения и должен Его остановить. Все последующие события, все, о чем ещё говорится в Евангелиях, не даёт ничего, что можно было бы сравнить с сообщениями о жизненном пути посвящённых, в которых описывается, как уже во время своей жизни они научались проникать в духовные миры.

Можно, «сразу же»,— как я и сделал это в своей книге «Христианство, как мистический факт» и делал затем в своих лекциях,— говорить о Христе, как о посвящённом, о том, кто имеет непосредственную связь со сверхчеловеческим миром; но нельзя говорить о Его посвящении, о прохождении через инициации. Можно говорить о том, что Он посвящённый, но ничего нельзя рассказывать о том, как Он стал посвящённым. В этом величайшее различие. Сравните всё, что рассказывается вам о жизни посвящённых, с тем, что рассказано в Евангелиях. Тогда вы может быть найдёте,— как я показал это в книге «Христианство, как мистический факт»,— что евангелистам достаточно было только взять древние ритуалы, по которым совершалось посвящение, чтобы передать жизнь Христа. Тем самым они передавали также и нынешнюю жизнь Христа Иисуса. Но они никогда не могли рассказывать, что Он действительно проходил через это посвящение. Возьмите такое глубокозначительное событие, как преображение, или моление на горе Елеонской. Если бы это рассказывалось о другом посвящённом, то описание должно было бы быть совершенно другим. Тогда нужно было бы сказать не просто, что Он взошёл на гору Елеонскую, где молился до кровавого пота, но нужно было бы также сказать о том, что Он там познал, как Он изменился на горе Елеонской. Но Христос именно не изменился. Напротив, Он предстоит перед Богом на горе Елеонской, как тот, о ком никак нельзя утверждать, что он должен чему-то ещё научиться. И также в том, что Он совершил в момент преображения, для Него самого не было просветления. Для других, для сопровождавших, это было просветлением; для Него — нет.

Для Него это нечто естественное. При этом Он не мог

уже ничему больше научиться, по сравнению с тем, что Он уже знал.

В противоположность этому, что должно было происходить с другим посвящённым? Нам должно быть рассказано, показано, как Он поднимается по ступеням познания. О более высоких посвящённых может быть рассказано, что они многое принесли уже с собой из прежних инкарнаций, и что теперь им оставалось пройти только через последнюю ступень. Ничего этого мы не находим у Христа. История искушения — как уже указано — вот и всё. То же, что было в Нём,— это есть наивысшая пронизанность божественным самопознанием. Это образует начало трёх лет жизни Христа. Затем мы имеем перед собой удивительный образ Христа Иисуса, мы имеем перед собой нечто, являющееся нам, так сказать, непосредственно в земном человеке высочайшее божественное откровение. О другом посвящённом мы должны рассказать: он прошёл через ту или другую ступень, после чего мог явить то или другое откровение. Но у Христа Иисуса это все изливается с самого начала и нам не рассказывается, что в течение трёх лет жизни Христа Иисуса, Он прошёл через ту или другую ступень. И, если бы, например, мы стали рассматривать описание смерти и воскресения Христа Иисуса, как такие ступени, то мы показали бы этим своё непонимание того именно факта, что воскресение Христа было совершенно тою силой, которая присутствовала уже при жизни в Христе, что это не был акт посвящения, что Христос Иисус был воскрешён не силой другого посвящённого, но внеземной, божественной силой, которая сообщилась ему через крещение от Иоанна. Этим было дано уже воскресение Христа, между тем как тот акт, который можно назвать воскресением у других посвящённых, должен был совершаться при посредстве и побуждении со стороны более высокого посвящённого.

В этом также причина, почему в своей книге «Христианство, как мистический факт», написанной более десяти лет тому назад и вскоре после того появившейся, я должен был передать это приблизительно в следующих словах: Христос жил на земле. В этой жизни Христа имели место различные события. Каким образом можно описать эти события? Их можно лучше всего описать, если рассказать о том, что проходил древний посвящённый. То, что древние посвящённые проходили в своих школах мистерий, это развивалось у Христа самостоятельно, как историческое

событие. Поэтому евангелисты могли воспользоваться книгами древних посвящений, но не для того, чтобы описать посвящение Христа, а чтобы дать его жизнеописание. В этом главная движущая сила изложения в моей книге «Христианство, как мистический факт».

Величайшим непониманием жизни Христа было бы применение к ней события инициации в том смысле, как если бы жизнь Христа прошла через инициацию во время земного развития. Это было бы величайшей ошибкой, какую только можно совершить. Кто говорит о том, что жизнь Христа можно каким-либо образом объяснить, как инициацию, тот совершает величайший грех против духа христианства. Такой человек понимал бы христианство так, что его основатель не был уже всегда посвящённым, а только стал им на земле, и что можно описывать события инициации в жизни Христа.

Поэтому, когда мы говорим о жизни Христа, то необходимо всегда говорить так, чтобы было совершенно ясно, что выражения, которыми мы при этом пользуемся, никогда не должны пониматься, как сообщения о каком-либо древнем или ином посвящении, но должны быть восприняты только в чисто физически земном смысле, как сообщения, относящиеся к подлинному историческому событию, вне инициации. Это исключительно важно, и никогда нельзя достаточно подчеркнуть, насколько это исключительно важно; ибо действительно, величайшая ошибка, какую только можно сделать, это не принять во внимание того, что сейчас было сказано, и говорить об инициации Христа не в том смысле, как это представлено в моих лекциях «У врат теософии» или «Евангелие от Иоанна», а облекать жизнь Христа в формы рассказа об инициации. Это сразу же противоречило бы всякой правильной интерпретации Евангелий. Основная движущая сила Евангелий была бы тогда не понята, и также было бы не понята то, что может сказать о жизни Христа оккультизм. Заметим же это себе совершенно отчётливо: когда говорится о других основателях религий, то мы должны говорить, что они становились посвящёнными, и что мы имеем основания понимать их жизнь таким образом, что в неё входит инициация; но жизнь Христа мы должны представлять себе таким образом, что в то время как она протекала на земле — хотя она и должна была являть божественные откровения — но в неё не входило ничего такого, что было бы событием инициации. Христос был инициатором. Вам достаточно прочесть в книге «Христианство, как мистический факт»

главу об истинном значении чуда воскрешения Лазаря. Вы найдёте там, что это было посвящение Лазаря, которое совершил Христос. Он сам мог совершать посвящение; и никогда нельзя говорить, что Христос был посвящён на земле в том же смысле, как Лазарь был посвящён Христом. В таком смысле об этом нельзя говорить. На месте инициации стоит крещение от Иоанна в Иордане.

Но если бы крещение от Иоанна соответствовало акту посвящения, то оно было бы описано иначе; тогда было бы показано, что Христос стоит перед нами, как посвящаемый, и что гораздо более высокий инициатор производит посвящение. Но здесь действующим является не какой-нибудь высший инициатор, а Иоанн Креститель, которого, согласно фактам, никак нельзя поставить выше, чем ставится Христос Иисус.

Именно эту ошибку делали очень часто. Но для отношения человека к христианству, для правильного понимания христианства эта ошибка является всегда роковой. Поэтому следовало бы также избегать говорить, например, о том, что Христос проходил через ступень рождения, детства, крещения, или преобразования, или воскресения в том же самом смысле, как проходили через эти ступени другие посвящённые. Ибо как только выражения: рождение, крещение, преобразование, вознесение, применяются в том самом смысле ко Христу, так это означает полное непонимание Христианства,

Всё это необходимо понять, если вы хотите ответить на вопрос, каким образом; импульс Христа мог помочь людям перенести воспоминание — Я из обыкновенной, земной жизни в жизнь сверхчеловеческих миров. Теперь я прошу вас обратить внимание,— дать себе ясный отчет в том, что я попытался показать сегодня нам; как происходит встреча со смертью и с Люцифером, как, благодаря этому, оккультный испытатель приводится в безотрадное положение, как он может вывести себя из этого безотрадного положения только в том случае, если он в состоянии сохранить воспоминание о мысли — Я.

И также запомните указание, что величайшая помощь в этот момент для удержания в памяти мысли — Я заключается в том, что человек во время земной жизни ставит себя в связь и Импульсом Христа.

Заметьте также, что для обоснования этого факта я

начал с разъяснения, что жизнь Христа не такова, как жизнь другого посвящённого, что Христос сразу уже выступает, как таковой, и что, хотя мы имеем описания его земных действий, но нам не сообщается, чтобы Он находился под влиянием некоего демона, как Сократ, или что Он пребывал над деревом Бодхи, как Будда, или имел видения, как Магомет. Всё это сделало бы для нас невозможным память Христа.

Как именно импульс Христа становится для оккультного испытателя помощью в том, чтобы перенести в духовный мир живую мысль-Я, а не иметь мёртвых мыслей, и в каком виде предстаёт духовный мир, когда в него вступает с этой мыслью Я, об этом мы будем говорить завтра.

Девятая лекция. 11 июня 1912 г.

Мои милые теософские друзья! Вчера мы говорили о встрече оккультного ученика с Люцифером и со смертью, и указали, что для создания соответствующей ситуации, должно сохраниться от обыкновенной, земной жизни воспоминание о Я или о мысли — Я. Мы видели также, что современный человек может получить в этом помощь, если в земном мире он воспринял Импульс Христа. И мы рассматривали особенность этого Импульса Христа; мы видели, как то, что мы называем существом Христа, отличается от основателей других религий тем, что мы, собственно, не можем говорить о Христе, как о личности, которая получила посвящение на земле, но что сущность Христа, во время трёх лет своего пребывания на земле уже имеет и несёт в себе все те силы, которыми она пользуется. И когда сущность Христа стала человеком, она была готова к великой жертве — ибо для сущности Христа это была великая жертва: пользоваться в человеческом теле только чисто человеческими силами, и всю свою связь с божественным выражать посредством чисто человеческих сил.

Видите, на этом основана исключительность явления Христа. Если вы пытаетесь с помощью обычных душевных человеческих сил понять — я не говорю, поверить, но понять какого-нибудь другого основателя религии, то вы должны сначала научиться понимать ступень его инициации, так как вам необходимо будет подняться к пониманию того или другого, что излучается из духовного мира в данную человеческую личность. Вы должны сделать это

относительно Будды и всех других основателей религий. У Будды вы должны исходить из его просветления под деревом Бодхи, и должны известным образом выработать в себе понимание, что в жизнь человека на 29-м году может вступить нечто, как инспирация, подобно тому, что пережил Будда под деревом Бодхи. И, если вы возвыситесь до этого понимания, тогда вы поймёте, немного подумав, также и то, что к этому нужно прибавить, как бы странно это сначала не показалось: не только великие основатели религий должны быть поняты через некоторое ознакомление с методами инициации, но также и евангелисты и апостол Павел.

Если вы хотите понять евангелистов, которые создавали свои писания из инспираций, то вы должны сначала возвыситься до понимания, должны сначала узнать, как могли прийти к упомянутым сообщениям те индивидуальности, которые скрываются под именами Матфея, Марка или Иоанна. Поэтому мы пытались, путём исследования Евангелий, создать себе понимание (это было давно утеряно), что сказанное евангелистами есть истина. Но ничего этого не нужно тому, кто хочет понять Христа. Понять Христа может каждый человек самым обыкновенным человеческим пониманием. Нет такой ступени образования, которая была бы слишком мала, чтобы при этом нельзя было понять Христа. И это именно потому, что Христос внёс то, чем Он был, в чисто человеческие силы, во всё, что действует через человеческую силу, между тем как сообщения других основателей религий основаны на том, что они видели в высших мирах. Поэтому действительно можно сказать, если не понимать этих слов тривиально: Христос есть основатель религии для самых простых людей, для всякого понимания.

Отношение Христа к высшим мирам, разумеется, можно познать только через инициацию. И это познание становится даже необходимым именно, когда вступают в инициацию. Вчера я попытался вам показать, какую великую помощь оказывает оккультным ученикам Христос. Он даёт им возможность воспоминания о своём Я, когда они находятся в высших мирах. Без импульса Христа это в известном отношении совсем невозможно, так что Христос становится помощью при современных инициациях, и он становится всё больше и больше помощником для оккультных учеников. С возрастающим развитием мудрости человек действительно познаёт, как сильно он нуждается в помощи Христа. С одной стороны, Христос доступен для самых простых людей, но, с другой стороны, Он необходим также для тех, которые

достигают всё большей и большей мудрости. Это — Его сущность. Это зависит от тех особенностей, о которых мы пытались сказать вчера. Поэтому естественно, что по мере дальнейшего развития земли всё больше будет расти также и большее понимание Христа. Это понимание будет всё больше распространяться. Всё больше будет таких людей, которые будут знать, что, хотя вполне справедливы слова: Христос пришёл для каждого, даже для самой простой души; но что Он пришёл также и для тех, которые должны искать мудрости, ибо они чувствуют в этом свой долг.

Оставим теперь на короткое время эти мысли и возвратимся к рассмотрению той встречи, о которой говорилось вчера. Тогда мы должны сказать: итак, сначала человек встречает Люцифера. Люцифер — как мы видели — показывает нам, собственно, то, чем вы стали, переходя от воплощения к воплощению во время земного развития; и вчера мы уже провели перед своей душой, что Люцифер показывает нам довольно таки некрасивый образ. Через Люцифера именно мы познаём, чем мы стали под его влиянием во время земного развития.

Но дело в том, чтобы научиться познавать это правильно,— чтобы в качестве оккультного ученика, не останавливаться на том, что Люцифер указывает человеку на созданное богами тело и говорит: «Это — твой, лежащий перед тобою, распадающийся образ. То, что ты получил, благодаря мне,— это бессмертие». Но мы видели, что оно являет себя, как безобразие. И тогда прежде всего — на рассматриваемом здесь пути инициации — человек получает предчувствие, что Христос может оказать помощь не только в том, о чём говорилось вчера, но что Он может помочь также и в изменении этого образа. Но для этого необходимо решение сохранять верность Импульсу Христа, никогда уже не терять его впредь и стремиться достигнуть всё большего и большего понимания Импульса Христа. Поэтому именно для последователей новейших мистерий нет ничего, что могло бы вновь отвлечь их от Импульса Христа. Теперь мы должны припомнить, что из того тройственного человека, которого мы уже рассмотрели, мы должны были верхнего человека отнести некоторым образом ко всему или к части всего звёздного мира. И затем мы сказали, что тот образ, который в Ветхом Завете именуется Ягве или Иегова, даёт верхнему человеку, как бы в возмещение за утраченное человеком на земле,— то, что мы можем связать с Луной; так что, припоминая пройденное, мы можем сказать: верхний человек

в известном отношении связан с Луной. Средний человек, грудной человек, человек, который несёт в себе сердце, связан в известном отношении с Солнцем. Таким образом мы можем составить себе представление о том, что понимали всегда в оккультных школах и мистериях под связью среднего человека, несущего в себе сердце,— с Солнцем; а верхнего человека, несущего голову — со всем звёздным миром или преимущественно с Луной.

Но на человека действовал также и Люцифер. И если в нашем среднем человеке мы несём влияние Солнца, если в нашем головном человеке мы несем влияние Луны, как мы их обрисовали в связи с древним ясновидением, то мы несём в себе влияние также и некоторой другой звезды,— конечно, если мы должным образом представим себе те силы, которые исходят от этой звезды.

Вы легко можете понять, что это воздействие построено иначе, чем солнечное и лунное воздействие. В древние времена Луна действовала таким образом, что человеческое ясновидение было, по истине, подчинено 28-дневным лунным периодом, так что в течение 28-ми дней человек чувствовал себя то в более, то в менее ясновидческих состояниях. Это проникало в человека и могло быть воспринято им непосредственно. Воздействия Солнца для всех вполне очевидны. Не нужно терять много слов, чтобы увидеть, что весь средний человек: зависит от Солнца. Сказанного в последней лекции было бы вполне достаточно. Влияние третьей звезды, представляющей собой ту область, которая в инициации является нам областью Люцифера, такую, что оно действует более духовно. Здесь нельзя уже говорить об очевидном влиянии. Влияния Солнца никто не отрицает. Уже влияние Луны для многих может быть спорным. Но в настоящее время всё таки есть люди, которые говорят о влиянии Луны. Влияния же остальных звёзд материализм, разумеется, отрицает. Он должен их отрицать именно потому, что они духовны, а материализм не допускает действия духовных сил. Но точно также — это я Вам уже описывал,— как верхний человек связан с Луной, средний человек — с Солнцем, так же связан тот образ, который предстаёт нам, когда мы переступаем через порог инициации,— о влиянии «Венеры»; и я тут же указываю, что речь идет о звезде, которую астрономы теперь называют Венерой.

Итак, Венера есть царство Люцифера. Дело обстоит

именно так, что, благодаря инициации мы узнаём: нижний человек,— тот человек, которого мы указали, как третьего семичленного человека,— есть та область, которую из всей человеческой природы высшие боги отнесли к царству Люцифера. Но путями, о которых мы будем ещё говорить, Люцифер овладел всем человеком, как и Ягве или Иегова овладел также всем человеком. И если вы хотите составить себе полное представление о действии Ягве или Иеговы на человека, то вы должны сказать себе: на человека, которого из наших прежних лекций вы знаете теперь, как головного человека, действует та сила Иеговы, которая соответствует новолунию, неосвещенной Луне, не отражающей, следовательно, физического лунного света на землю. Напротив, физический солнечный свет, отражаемый от Луны, вы должны мыслить так, что он есть действие сил Ягве или Иеговы на нижнего человека, на третьего человека; так что мы должны сказать: если в середине мы оставляем грудного человека, на которого, как мы знаем, действует сила Солнца, то на нижнего человека действуют силы Луны, которые соответствуют полнолунию. Так, силы Ягве или Иеговы овладевают всем человеком. Они действуют периодически, то на головного человека, то на нижнего человека, причём действие на головного человека соответствует новолунию, действие на нижнего человека — полнолунию.

Я не думаю, чтобы кто-нибудь стал подвергать сомнению это высказывание, если он создаёт себе понимание, почему именно в древне-еврейской религии, в древне-еврейском ритуале придавалось такое значение новолунию, как празднику. Если вы рассмотрите праздник новолуния и увидите, какие ощущения вызывались в Ветхом Завете этим праздником, то вы можете правильно понять то, что сейчас было сказано. Средние фазы Луны соответствуют друг другу таким образом, что во время их на грудного человека действует сначала прибывающая, а потом убывающая Луна. Если затем вы ещё представите себе, что подобно тому, как Луна, то есть дух её Ягве или Иегова — действует на всего трехчленного человека, так и Солнце действует так же на всего трехчленного человека, но главным образом на среднего человека, откуда его действия излучаются на всего человека, то вы имеете две космические силы, закономерно действующие в человеке.

О Люцифере мы узнаем, что его царство — Венера, и что те силы, которые находят своё символически-физическое выражение в притекавшем к нам свете Венеры,— утренней и

вечерней звезды,— что эти физические лучи Венеры, посылаемые в мировое пространство, суть символически-физическое выражение влияния Люцифера на человека. Люцифер не ограничился воздействием на нижнего человека. На него он действует только, когда Венера сияет полным блеском, подобным полнолунию. Вы знаете, что Венера имеет такие же фазы, как и Луна, и что, следовательно, бывает прибывающая и убывающая Венера. Четверти действуют опять таки так же, как четверти Луны:, на грудного человека. Но когда Венера действует духовно, то есть не физическим своим светом, то она действует на головного человека, так что выражением, духовных воздействий на человека может явиться взаимоотношение Солнца, Луны и Венеры на небе. Именно выражением того, что протекает в человеке духовно.

И как великий солнечный дух действует в человеке совместно с духом Луны, Ягве или Иегова, так и Люцифер, всегда действующий в человеческой природе, действует совместно с ними. Если бы мы хотели графически представить закон этого взаимного действия и показать его на рисунке, то это можно было бы лучше всего сделать, если бы взять различные конstellации физического Солнца, физической Луны и Венеры. В каком отношении находятся друг с другом эти светила, стоит ли одно из них в оппозиции к другому, оказывая противодействие, усиливает ли одно или ослабевает тем, что становится перед ним и закрывает его свет,— всем этим определяется соотношение трёх указанных сил в человеке. Человек может особенно развить в себе солнечное влияние, когда этому не противодействуют ни силы Луны, ни силы Венеры. Но его, так сказать, Солнце,— силы, действующие в среднем человеке, в сердце,— могут быть затемнены Луной, силами головы; и такие же затмения могут наступить благодаря Люциферу, благодаря Венере. Как вы знаете, бывают прохождения Венеры мимо и через Солнце, в мировом пространстве.

Так имеете вы взаимодействие, так сказать, внутренней троичности человека, духа Солнца, духа Луны и духа Венеры или Люцифера, символизированными в мировом пространстве и выраженными в конstellации Солнца, Луны и Венеры. Теперь вам будет легко понять,— после того, как мы отнесли части человеческого образа к определённым знакам, к неподвижным звёздам Зодиакального круга,— что может существовать также связь между тремя указанными светилами в человеке, то есть тремя духовными силами в

человеке, и между отдельными членами человеческого образа. Особенно ярко эта связь была бы выражена тогда, когда в человеке с наибольшею силой действует сердце, то есть силы сердца, силы солнечного духа в среднем человеке. Мы имеем в среднем человеке вписанным знак Льва; и мы можем сказать: когда Солнце действует таким образом, что может направить свои силы особенно на эту часть человеческого образа, к которой мы относим знак Льва, то в человеке имеется достойная внимания констелляция. Столь же достойная внимания констелляция имеется, когда с особенной мощью проявляются духовные силы Ягве или Иеговы, скажем, в знаке Овна, означаемом прямостоянием, или Тельца, означаемом направленностью вперёд для движения речи. Это суть те части человеческого образа, которые изначально имеют наибольшее отношение к лунным силам. И когда эти силы проявляются в них с наибольшим могуществом, то это представляет собой особенно благоприятную констелляцию для человека.

Отсюда вы видите, на чём собственно основан принцип, существо астрологии. Я отмечаю это не для того, чтобы подробно говорить об астрологии — для этого не хватило бы времени,— но чтобы указать, в чём состоит её сущность. Это можно пояснить в немногих словах. Вы видели, что человек, каким он стоит перед нами, своей трижды семичленной природой связан с духовными силами, которые соответствуют космическим царствам, и что члены человеческого тела связаны с неподвижными звёздами зодиакального круга, знаки которые мы соответственно в них вписали. Так создается человек в его физическом образе.

Не то, что исходит от этих духовных сил, из этих духовных областей, из этих космических направлений,— всё это действовало не только тогда, когда складывался человеческий образ, но это продолжало действовать непрерывно, и действует ещё и теперь; действует таким образом, что то, что человек познаёт, как свою внешнюю судьбу, может быть поставлено в связь с констелляциями звёзд точно так же, как мы должны поставить в связь с констелляциями звёзд всё становление человека в прошлом. Если в прошлом на созидание человеческого организма оказывало благотворное влияние действие солнечных сил в той части человеческого образа, куда мы вписываем знак Льва, то и теперь, таким же благотворным для определённых свойств человека является то, когда в важные моменты его жизни, и прежде всего в важный момент его рождения

Солнце стоит в знаке Льва, то есть покрывает Льва, так что их силы взаимно укрепляются или вообще действуют совместно, взаимно влияют друг на друга.

И, как в звёздных конstellляциях вписано в небесное пространство то, чем человек является в настоящем, так же вписано в них и то, что с ним случится в будущем. На этом основана истинная астрология. Вы увидите сразу же из того, что мы будем сейчас рассматривать, чтоб в сущности вам достаточно только действительно познать оккультизм, чтобы иметь принцип астрологии, ибо мы переходим сейчас к характеристике второй ступени инициации. Мы указали, насколько важно оккультному ученику для достижения первой ступени инициации,— встречи с Люцифером и со смертью,— исходить из человеческого образа, из того, чем человек является для внешнего физического созерцания. Для следующей ступени важно другое. Тогда важно исходить, так сказать, из внутреннего движения человека. Заметим:

Первая ступень: исходить из внешнего человеческого образа.

Вторая ступень: исходить из внутреннего движения человека.

Проведём теперь перед своей душой это внутреннее движение человека, как прежде мы провели перед своей душой внешний человеческий образ. Здесь мы имеем прежде всего то движение, которое человек в гораздо меньшей степени выполняет в своей позднейшей жизни, но которое однажды должно быть выполнено им при участии всех его сил, ибо иначе он остался бы четвероногим животным, должен был бы ползать всю свою жизнь. Человек должен выполнить это движение, которое превращает его из ползающего младенца в прямоходящего человека. Человек есть существо, стоящее прямо, не в силу одного только строения своего образа, но он есть существо, которое принимает прямое положение уже во время своей жизни; так что первое важное внутреннее движение— ибо это есть внутреннее движение, которое человек выполняет, это есть движение выпрямления. Итак, движение выпрямления вверх есть первое, на что мы должны обратить своё внимание.

Второе движение внутренней жизни опять-таки таково, что хотя человек применяет его и впоследствии, но усвоить его он должен именно в детстве. Это есть движение речи, то движение внутренней жизни, которое должно быть

выполнено, для того, чтобы могло возникнуть слово. Вы должны представить себе, что необходим ряд внутренних движений для того, чтобы слово могло быть приведено к выражению. Но прежде человек должен научиться другому, более скрытому движению. Собственно он учится обоим движениям как бы одновременно; и движению речи, в сущности, раньше, чем другому. Более подробное изложение этого вы найдёте в моей брошюре «Воспитание ребёнка». Во всяком случае мы имеем эти два вида движения, которым человек учится в детстве и которые он должен выполнить, именно, как внутренние движения, в течение всей своей жизни. Движение речи человек сознает. Это знает каждый. Но что в то время, как человек мыслит, в мозге также происходит непрерывно тонкое движение, это знает не каждый. Нужно очень тонкое наблюдение, чтобы это заметить. Но когда я говорю об этом движении, это вовсе не означает проповеди материализма. Это движение существует; но оно есть следствие, а не причина мышления. Таким образом мы имеем дело с движением мышления и с движением речи, как с внутренними движениями.

Если вы проследите далее эти движения, то найдёте, что следующее важное движение, необходимое, чтобы могла состояться внутренняя, телесная жизнь, есть то движение, которое мы можем назвать движением крови. Оно принадлежит к тем движениям, которые необходимы для того, чтобы человек мог вообще быть человеком. Порядок перечисления этих движений кажется несколько произвольным. Но здесь он не имеет особого значения.

Пятое движение, необходимое для того, чтобы вообще могло происходить движение крови, есть движение дыхания. Оно отличается от движения крови и не есть одно с ним. Я сказал, что порядок перечисления движений несколько произволен, и что движение мышления и движение речи могут быть взяты в другом порядке и поставлены одно — на место другого. Но дело не в этом. Можно, пожалуй,— а если рассматривать легкие, то даже нужно,— назвать сначала дыхание, а потом движение крови. Но если иметь в виду больше исходную точку движения, то нужно принять избранный нами порядок, потому что, особенно у мужчин, начальный центр дыхательного движения лежит собственно в диафрагме, которая расположена ниже сердца. Так что, если мы берём последовательность движений, в связи с их началом, то нужно избрать этот порядок.

Шестое движение — я говорю, следовательно, о внутренних движениях тела, которые необходимы человеку — есть то движение, которое должны выполнять определённые органы, и которые в связи с ними может быть названо — в общем — движением желез, или также сосудов. Сосуды человека должны быть в постоянной деятельности, в непрерывной внутренней подвижности, чтобы человек: мог сохраниться, как живое существо. Но по известным причинам объяснение которых повело бы вас слишком далеко, я хотел бы назвать это именно «движением желез».

Седьмое движение есть то, которое развивается, когда в человеческом теле движутся не только отдельные сосуды и железы, для того, чтобы выделять нечто, потребляемое человеком, но когда человеческое тело,— именно, как всё тело в целом приходит в движение. Чтобы согласно определению природы, произвести нового человека. Тогда мы имеем дело с совокупностью телесных движений. Между тем как в движении сосудов мы имеем дело с движением отдельных частей, здесь, в движении воспроизведения мы имеем дело, некоторым образом, с выделением всего человека в целом. Будет ли это мужское или женское тело, это безразлично. Мы всегда имеем дело с выделением всего человека. Мы называем это движение движением воспроизведения.

Других внутренних движений, кроме семи указанных — если вы их правильно понимаете — не существует. Все другие движения — внешние. Когда человек движет своими руками или ногами,— то эти движения внешние. Но все внутренние движения, какие имеются в человеке, он принёс с собой, хотя земля потом во многом их изменила. И точно также, как внешний образ человека должен быть соотнесен с неподвижными звёздами зодиакального круга, и поэтому к отдельным частям человеческого образа должны быть приписаны — как мы это сделали — знаки Зодиака, так эти внутренние движения связаны со всей планетной системой. Так что эти семь членов внутреннего подвижного человека мы должны выводить из нашей планетной системы; и так как взаимоотношения этих движений в человеке отвечают взаимоотношения планет нашей планетной системы, то эти отдельные движения должны быть обозначены знаками планет:

Движение выпрямления	Сатурн
Движение мышления	Юпитер

Движение речи	Марс
Движение крови	Солнце
Движение дыхания	Меркурий
Движение желез	Венера
Движение воспроизведения	Луна

Что касается движения крови, то это движение связано с тем, что мы прежде узнали, как центральный орган среднего человека, как тот орган, который составляет точку особого приложения сил для солнечного духа. Поэтому с этой важнейшей силой среднего человека мы должны поставить в связь также движение крови, которое имеет свой центр в этом среднем человеке, так что движение крови мы должны отметить знаком Солнца. Здесь имеется в виду сила солнечного духа, именно, как движущая сила. Как неподвижная звезда — можем мы сказать — Солнце действует на всего среднего человека; а на движение, зависящее главным образом от среднего человека, — на движение крови, Солнце действует, как одна из планет.

Если я возьму знаки, которыми пользуются также и современные астрономы — в этом случае я беру именно не старую терминологию, которая была изменена Кеплером, а названия, принятые в современной астрономии, — то движение дыхания можно отметить знаком Меркурия движение желез — знаком Венеры 9» Движение воспроизведения — знаком Луны. Движение воспроизведения, локализованное в нижнем человеке, есть нечто, связанное с влиянием духа Луны, который проникает в нижнего человека и возбуждает внутреннюю подвижность человека.

Итак, мы имеем трижды семичленного человека во внешнем человеческом образе, и одного семичленного человека в совокупности внутренних движений человека. И если оккультный ученик употребит усилие, чтобы заметить в себе эту внутреннюю подвижность, то он может сделать дальнейший шаг в том, о чём я прежде вам говорил.

Но здесь это уже не так легко, потому что внешний человеческий образ, так сказать, стоит перед глазами, а внутренняя подвижность — нет. И нужно употребить известное усилие, чтобы почувствовать эту искреннюю подвижность. Нужно научиться различать её; нужно научиться внутренне чувствовать движение выпрямления

вверх; то есть то, что обыкновенно мы воспринимаем только как результат, когда ложимся или встаём; нужно научиться чувствовать движение мышления, чувствовать движение речи — что легче всего — чувствовать движение крови, чувствовать — что опять таки не трудно — движение дыхания, и чувствовать движение выделения. Способность различать эти отдельные движения, которые в нас совершаются, есть нечто весьма необходимое, если оккультный ученик хочет подвинуться дальше. И он сделает в отношении этих движений тоже, что должен был сделать в отношении человеческого образа (о чем я говорил вчера), если вместо того, чтобы фиксировать человеческий образ и ожидать появления после-образа, он попытается внутренне ощутить себя, почувствовать внутреннюю подвижность человека, внутреннюю деятельность. И тогда — после того, как мы, так сказать, фиксируем себя таким образом внутренне телесно, нужно постараться удержать это впечатление, как вчера мы старались удержать в воспоминании впечатление от человеческого образа. Тогда человек придёт к тому, что действительно познает семь образов, подобно тому, как вчера мы имели встречу с двумя образами. Мы встретили вчера эти два образа: образ смерти и Люцифера; и мы слышали, что если мы будем помнить о Христе, то в этой мысли мы будем иметь то, что мы можем перенести отсюда в другой, в сверхчеловеческий мир.

Когда оккультный ученик указанным образом выходит из своего внутреннего подвижного человека, когда он выступает из своего внутреннего, подвижного человека, то перед ним действительно возникают эти образы. Он познаёт семь духовных сущностей и знает, что эти семь духовных сущностей так соответствуют его внутренним движениям, как Солнце, Луна и Венера соответствуют тому, о чём мы говорили вчера и сегодня. Человек учится познавать, что он вырос из нашей планетной системы, что планеты, как физические светила, управляются планетными духами, и что движение его выпрямления может совершиться только потому, что в нем действует дух Сатурна, дух, который имеет свою арену на Сатурне, как Люцифер имеет её на Венере. Далее оккультный ученик узнаёт, что движения его мышления связаны с правителем или правящим духом Юпитера, что движения речи связаны с правящим духом Марса, что движение крови связано с правящим духом Солнца, что все движение дыхания связано с правящим духом Меркурия, что все движение желез связано с

правлящим духом Венеры, и наконец всё, что составляет движение воспроизведения, связано с правящим духом Луны. Но он знает также, что все эти духи действуют, пересекаясь друг с другом, что в человеке — главная точка встречи их действий и сил, что одного рода движение действует на другие, что хотя дух Сатурна действует главным образом в движении выпрямления, но косвенно участвует во всех других движениях. Особенно значительная ситуация создается, когда этот правящий дух Сатурна с особенной силой развивает свои воздействия в Овне или Тельце.

И теперь, когда вы знаете, каким образом отдельные члены подвижной природы человека связаны с правящими духами планет, вы без сомнения можете узнать в том, что мы нашли как знаки для отдельных движений, принцип истинной астрологии. Вам нужно только знать, в чем здесь дело, и тогда вы убедитесь, что в этом лежит принцип истинной астрологии, которая исходит не из чего другого, как из того значительного факта, что человек рождён из вселенной, что он есть отпечаток, экстракт всей вселенной.

И, подобно тому, как мы должны подняться до неподвижных звёзд, чтобы понять человеческий образ, и как мы устанавливаем, что этот образ находится под влиянием главным образом Солнца, Луны и Венеры, так теперь мы отмечаем, что под влиянием семи планетных духов, осуществляется внутренняя подвижность человека. Итак, человек познаёт семь планетных духов. Но в этом есть нечто, привлекающее особое внимание. Примите в соображение тот факт, что среди этих семи духов находится также и дух Венеры, которого мы прежде отметили уже, как Люцифера. Нечто, весьма, весьма удивительное встречает здесь нас, или лучше сказать, оккультного ученика. Когда он делает первый шаг в инициации, то встречает Люцифера так, что тот показывает человеку его собственный образ, о котором мы вчера говорили. Он встречает Люцифера, как существо, которое сделало его безобразным; и теперь, встречаясь с духом Венеры, он встречает ещё раз Люцифера. Но здесь Люцифер является совсем другим. В этот второй раз он предстаёт уже не в том образе, каким он был при первой встрече. Хотя мы знаем, что это тоже самое существо, но оно появляется в двух разных видах. Так что иницируемый получает познание, что Люцифер может явиться в двух образах. В первый раз он появляется при прохождении Порога (о чём мы говорили вчера), где он указывает, что человек обязан ему бессмертием, и говорит приблизительно

следующее: «Боги дали тебе распадающееся тело; я же дал тебе бессмертие». И когда человек оглядывается на себя, то видит дракона, о котором мы вчера говорили. Оттого этот образ называют также последующим образом Стража Порога.

Теперь на второй ступени инициации нам показывается нечто другое; нам открывается, что Люцифер может являть также другие силы. Если бы мы не могли развивать в себе выделяющих сил, всех тех сил, которые исходят из наших сосудов, то мы не могли бы быть людьми; для нас была бы исключена всякая возможность быть людьми. Одно только движение крови, движение дыхания не могли бы нас поддержать. Необходимо также движение соков, движение сосудов, движение желез, управляемое Люцифером, духом Венеры. В этом различие между всевозможными экзотерическими преданиями и тем, что сообщается здесь: хотя в этих преданиях говорится о Люцифере и об отдельных планетных духах, но эти сообщения не дают никакого реального познания. Реальное познание, действительно, не игрушки. Оно открывает нам Люцифера, как того, кто внес безобразие в человеческий облик, но, с другой стороны, как того духа, который необходим, который единственно даёт нам возможность быть людьми.

И тогда мы переживаем инициации нечто в высшей степени поражающее. Если нам удалось сохранить связь с Христом, соединиться с Ним внутренне, так что Он даёт нам силу перенести с собой мысль о Я, представление о Я, самопознание земли, в сверхчеловеческий мир, в который мы теперь вступаем, то мы получаем предчувствие, что эта сила Христа имеет отношение к солнечной силе. Мы имеем сначала это в предчувствии, ибо на первой ступени инициации то, что открывается человеку о связи силы Христа с духовной силой Солнца, есть немногим больше, чем предчувствие. На второй ступени эта же сила Христа является нам, как некий — я хотел бы сказать — осязательный образ, который можно ближе узнать, который становится более ясным и отчётливым в сверхчувственном мире. Итак, на второй ступени инициации человек несколько ближе познаёт сверхчеловеческого Христа. Следующее, что являет нам Христа, есть то, что Он называет духа Венеры, который, как мы узнали, есть Люцифер, своим братом, обозначает его, как одного из планетных духов, как одного из них. Когда он появляется на второй ступени, то он появляется как планетарный дух, и таким образом братски

стоит среди семи правителей планет.

Так переходим мы в область исследования, где познаем высокую коллегия семи планетарных духов, которые находятся в совершенно братском отношении друг к другу. Это опасный подводный камень; и оккультный испытатель должен знать многое другое, чтобы не разбиться об этот подводный камень, ибо он не смеет так просто принимать то, что ему здесь предлагается. Он должен постараться достигнуть точного познания вещей, которые лежат здесь в основе.

Когда мы входим некоторым образом в детали оккультных познаний, то можем обратиться к различным вспомогательным средствам, чтобы разобраться в области оккультизма. Когда мы просто узнаём о существовании семи братьев,— которые суть семь планетарных духов, — то мы знаем ещё не всё; потому что семь братьев могут быть ведь очень разными и это различие не открывается нам сразу. Мы должны ближе всмотреться, произвести более точные исследования, если хотим узнать больше. И я хотел бы сделать вам одно сообщение, которое,— если вы проверите его на основании того, что дают экзотерические мифы,— вы найдёте вполне обоснованным и понятным для разрушения, но которое дано из оккультного исследования. Сравните это с религиозными и историческими документами. И тогда разум скажет: «Да, я удовлетворён. Чем дальше вы пойдёте со своим разумом, тем больше вы можете сказать: «Да», тому, что я вам говорю, если увидите в этом данные оккультного исследования, которые в настоящее время можно получить в области великой космической жизни и которые современному человеку сравнительно легко доступны.

Но всегда нужно из чего-нибудь исходить, нужно взять что-нибудь своей исходной точкой; и для нас это будет здесь прежде всего знание о семи космических духах и, так сказать, об их царствах. Но, благодаря этому, мы познаём только высших правящих духов и их царства, соответствующие планеты. На этом нельзя остановиться. Мы должны, насколько это позволяет оккультный опыт, ближе рассмотреть эти царства, должны войти в некоторые подробности, и тогда оккультному ученику, если он добросовестно подойдёт к делу с теми средствами, какие может предоставить современный оккультизм, откроется среди многих путей следующий. По совету опытного оккультиста, он может исходить из изучения такой жизни,

как жизнь Будды,— жизнь Гаутамы Будды.

Я не раз уже отмечал, и теперь снова должен отметить, что жизнь Гаутамы следует понимать именно так, как понимают её буддисты, а не так, как толкует её внешнее историческое исследование. Нужно подняться до такого восприятия жизни Будды, чтобы знать, что Будда стал Буддой благодаря тому, что он прошёл через многие, многие воплощения, стал Бодисаттвой, и затем, когда он, как Бодисаттва, родился сыном царя Судходаны, на 29-м году своей жизни, поднялся до степени Будды. Нужно знать, что возвышение Бодисаттвы до степени Будды, фактически означает (это знает каждый посвящённый буддист и вообще каждый посвящённый), что индивидуальность, ставшая из Бодисаттвы Буддой, имеет в той жизни, которую она проходит, как Будда, свою последнюю земную инкарнацию, что после того, как она сделалась Буддой, она уже не возвращается в земное тело, но действует в других мирах, которые не суть земные миры.

Это нужно иметь, как предпосылку. Нужно именно знать, что когда Будда из Бодисаттвы становится Буддой, то он возвышается до космической степени, и в своём дальнейшем развитии, которое ему предстоит, он не должен спускаться опять до степени физического земного человека. Для тех, которые следили за этим, я однажды уже касался того — хотел бы я сказать — единственного момента, когда Будда даёт снова заметить нечто от своего развития; это было, когда я указал, что родились два мальчика Иисуса,— мальчик — Иисус Евангелия от Матфея и Евангелия от Луки; и тогда же было сказано, что при рождении мальчика Иисуса — Евангелия от Луки, Будда включил в астральное тело Иисуса те астральные силы, которые он мог ниспослать из духовного мира. Но этим мы только коснулись того, что Будда однажды ниспослал на Землю.

В своих лекциях я уже говорил о том, что посвящённые могли ещё и иным образом встречаться с Буддой. Но относительно земли Будда был в таком положении, что можно сказать: со времени своей жизни в образе Будды он никогда больше не жил на земле. Оккультист, который проходит дальше на своём пути, может проследить также и дальнейший путь Будды. Это уже не земная жизнь, но её можно ещё наблюдать, так что в области опытного оккультизма возникает вопрос: что произошло с Буддой с тех пор, как он больше не воплощается в физическом

человеческом теле? Можно искать того Будду, каким он является в далёком мире. Это может показаться вам странным, но посвящённые действительно находят Будду за выполнением великой, значительной именно величественной задачи. Когда открывшийся взгляд оккультиста ищет во вне в мировом пространстве, то он находит место дальнейших действий Будды удивительным образом на той планете, которую мы в астрономии называем Марс; и оккультист должен со всей серьёзностью сказать, что с тех пор, как Будда достиг способности, которая привела его к тому, что он может быть больше не появляться в земной жизни, ему была поручена другая миссия. Эту новую миссию мы узнаём из оккультного наблюдения Марса.

Здесь познаём мы его основную главнейшую миссию. Когда мы хотим ближе ознакомиться с этой миссией, то находим путём оккультного исследования, что существа на Марсе, которые соответствовали бы земным людям, но которые имеют совсем: другую природу — мы могли бы вполне назвать их людьми Марса — приходят в определённый момент своего развития в состояние необходимости, подобно тому, к чему пришли земные люди в 4-м послеатлантическом периоде, когда к ним должен был прийти Христос. И как Христос стал искупителем и воскресителем, как это было миссией Христа в отношении земного человечества, так дальнейшая миссия этого Бодисаттвы, после того, как он сделался Буддой, заключается в том, чтобы быть искупителем и освободителем людей Марса. Таким образом он должен был совершить на Марсе событие, подобное тому, что Христос совершил на Земле.

Когда мы рассматриваем жизнь Будды, то видим, что она распадается, в сущности, на две части. Одна часть, когда Будда действовал на земных людей и принёс им то, что они должны были получить от него, как от Будды, и также всё то, что он принёс им в то время, когда был Бодисаттвой; и вторая часть, когда Будда действует вне земли, когда он поднялся к более высокой силе, для которой путь земной жизни был только предварением. Да, Будда возрос до силы искупителя, до силы освободителя. Если бы мы могли сравнивать (о чувствах, с какими люди Марса встречали действие Будды, мы ещё будем говорить, когда это будет возможно), действие Будды на Марсе с подобным ему (это не совсем то же, но несколько отличается) действием Христа Иисуса на Земле и с Мистерией Голгофы, то мы нашли бы различие, которое должно существовать именно потому, что существует

различие между людьми Земли и людьми Марса.

Таким образом вы видите, что ставятся задачи существам, которые развиваются в космосе. Как только это существо поднимается от одной степени до другой, то ему ставится также новая задача. Мы видим, следовательно, что человек должен проходить свой жизненный путь на Земле, но при этом он соприкасается в своём жизненном пути с существами, которые, или с самого начала имеют уже космическую задачу, как Христос, или развиваются до космической задачи, исходя от Земли, как это было с Буддой.

Десятая лекция. 12 июня 1912 г.

Мои милые теософские друзья! Это было совсем не случайно, когда после того, как я ещё раз изложил ближайшую встречу, которую человек имеет, когда переступает Порог к сверхчеловеческому миру, встречу со смертью и с Люцифером, когда после этого я попытался сделать переход к сообщению, которое сначала могло показаться вам трудным для понимания; я попытался тогда сказать вам о значении сущности Христа, и в ходе этого сообщения, которое, можно сказать, возникло самостоятельно, было необходимо указать затем на евангельский рассказ об искушении, на отстранение Христом Люцифера, что именно и передаётся в Евангелиях, как сцена искушения,— искушения в уединённом месте, как это там называется, или — как часто говорят — в пустыне.

Затем, когда путь нашего обозрения протянулся несколько дальше, мы перешли к сообщению о Будде. Вызовем теперь ещё раз совсем кратко перед нашей душой эту встречу со смертью и с Люцифером. Люцифер является сначала оккультному испытателю действительно как праобраз человека и также сверхчеловека, так сказать, божественного величия, является соблазнительным существом, когда он выступает здесь перед человеком отдельно от своих дел. И оккультный испытатель будет, некоторым образом, исцелён от своего искушения только тогда, когда он оглядывается на то, чем он сам, этот оккультный испытатель, стал благодаря Люциферу, когда он видит, так называемый, чудовищный образ животной природы, которым из воплощения в воплощение стал человек, благодаря люциферическому искушению и соблазну. И затем я сказал вам, что тогда для оккультного

испытателя открывается помощь, которая может прийти к нему от Христа; и эта встреча с Христом такова, что Христос дарует совершенное и полное исцеление от того ужасного впечатления, которое вызывает встреча со смертью, с Люцифером и с тем, что представляет собою сам человек и что является в известном отношении Стражем Порога. Если эта встреча вызывает впечатление ужаса, то Христос, в силу того, чем он может стать для человека, дарует ему исцеление, надежду. Ибо вместо смерти, вместо распадающегося человеческого тела выступает нечто другое. И то, что я вам здесь говорю, есть безусловный опыт, который можно иметь, который действительно протекает так, как я это рассказываю: вместо смерти выступает сам Христос и делает тогда для нас понятным, что это наше Я может быть всё-таки сохранено; другими словами, в нашем сознании возникает внутренний образ, совершенно независимый от воспоминания из чувственной жизни. Говорить об иллюзии или галлюцинации здесь не имело бы смысла, потому что можно быть слепым, глухим, лишенным обоняния и всего прочего, и всё-таки иметь то, что предстаёт в этот момент инициации. Христос всё-таки выступил бы на место смерти. Но что же, собственно, мы имеем тогда перед собой? Представьте себе: вы имеете перед собою Христа, который выступает вместо смерти, и Люцифера, но это и есть тот именно образ, который предлагают Евангелия, как искушение в пустыне. Вам не нужно было бы этой сцены по Евангелиям; вы имели бы её перед собой; и вы имели бы её перед собой благодаря тому, что вы восприняли в свою душу импульс того, что Христос проходил некогда по земле, был распят и победил смерть. Было бы достаточно, чтобы на вас подействовало только христианство апостола Павла. И тогда то, что описано в Евангелиях можно пережить независимо от них, независимо вообще от всякого земного впечатления; это вполне возможно. Вспоминая свою обычную жизнь, вы скажете себе, что в этой обычной жизни вы имеете сознательные переживания — когда внешние впечатления действуют на это ваше сознание, когда представления вашего сознания возбуждаются внешними впечатлениями. Но теперь вы имеете перед собой образ, которого не может вызвать никакое внешнее впечатление, потому что в чувственном мире вы нигде не можете встретить Люцифера. Как внешнее впечатление в физическом чувственном мире вы его не можете найти. И это завершается тем, что когда перед вами выступает образ смерти — которого вы также не можете

найти в физически-чувственном мире, — то смерть претворяется в образ Христа. И если даже иногда вы можете иметь это, как реминисценцию из внешнего мира, то когда вы вступаете в сверхчувственный мир, это предстаёт перед вами, как образ, возникающий совершенно независимо от внешнего мира. Не нужно никакого внешнего впечатления, чтобы вы могли иметь перед собой этот образ искушения и победы Христа над смертью, то есть над всем тем, что Люцифер первоначально произвёл в человеке. Какое же это сознание? Это есть сознание без внешнего предмета. Ранее я пытался привести вас к тому, что есть неоткровенный свет, к тому, что есть неизреченное слово. Теперь вы получили понятие о сознании без внешнего предмета, о сознании, содержание которого создаётся его собственным бытием. Это есть сознание без внешнего предмета. Затем наше рассмотрение привело нас к странному, но истинному сообщению о Будде. И опять-таки не случайно я должен был предпослать ему вчерашнее рассмотрение человека с его внутренними движениями, чтобы сделать для вас понятным, как человек может перейти на следующую (вторую) ступень инициации, посвящения в высшие миры. Я должен был сообщить вам ту, возможно трудно понимаемую вначале истину, к которой мы сейчас вернёмся,— что когда мы продвигаемся вперёд к этой второй ступени, то Люцифер появляется в совершенно изменённом виде,— как властитель в царстве Венеры. И тогда то, что мы прежде предощущали, как всемогущее Солнце, появляется, как планета среди семи других планет, и Христос, как дух этой планеты, появляется некоторым образом как бы братом духа Венеры, Люцифера, который выступает здесь перед нами также в образе планеты духа. Затем непосредственно к этому мы должны были присоединить обозрение внеземных судеб Будды. Мы должны были сделать так именно потому, что эти судьбы не могут быть поняты в их изначальности без этой второй ступени посвящения, которая складывается описанным выше образом. Если не продвинуться вперёд от первой встречи со смертью и Люцифером, если не перейти на вторую ступень посвящения, где появляются семь планетарных духов, то нельзя достигнуть до изложенной вчера истины о Будде. Её можно достигнуть только здесь. Поэтому я должен был предпослать указанное сообщение. Если вы спросите себя, может ли внешнее сознание, связанное с внешними впечатлениями, найти эту истину — Будды в его внеземном бытии, то вы должны будете ответить, что земным сознанием

нельзя исследовать культуру Марса так, чтобы в ней можно было открыть действия и свершения Будды. Но когда инициация продвигается вперёд до указанной и описанной вчера ступени, то сознание без внешнего предмета может иметь это переживание силой собственного бытия. Ибо в отношении этой истины — Будды мы также имеем дело с сознанием без внешнего предмета. Конечно, место событий находится во вне Земли.

Ибо Будда действительно обитает на Марсе; но познавая эту истину, сознание не выходит из себя, не даёт воздействовать на себя внешнему предмету, то есть это есть сознание без внешнего предмета. Вы видите, таким образом, что я привёл вас к тому понятию, которое мы указали, как третье понятие вначале наших лекций,— к сознанию без внешнего предмета.

Когда мы обозреваем то, что было изложено, то мы имеем теперь уже три ступени человеческого сознания,— обыкновенное физическое сознание, затем то, которое достигается на первой ступени посвящения,— и, как пример этого переживания, я привёл вам образ «смерти и Люцифера», или «Христа и Люцифера в сцене искушения». — Следующая ступень сознания была та, где человеку являются семь планетных духов. Кроме того, я иллюстрировал вам эту ступень тем, что на ней могут быть пережиты судьбы Будды после того, как он стал именно Буддой и не должен был более возвращаться к физическому бытию на Земле. Таким образом вы имеете, так сказать, три ступени сознания человека. Мы могли бы схематически записать эти три состояния сознания и сказать, что мы имеем физическое сознание, затем мы имеем сознание высших миров на первой ступени, как: это было описано вчера и иллюстрировано историей искушения. Назовём его: первое сознание сверхчеловеческого рода.

Мы указали затем на ещё более высокое сознание, на второе сознание сверхчеловеческого рода. И каким бы желательным и прекрасным не являлось для многих из вас, чтобы были указаны ещё дальнейшие состояния сознания высшего рода, но для этого нет уже времени. Я только намечу сейчас одну из этих высших ступеней сознания. Что можем мы узнать и пережить при помощи физического сознания? Всё то, что имеется в чувственной действительности, то есть предметы нашего земного бытия. Что можем мы узнать благодаря второго рода сознанию. Всё

то, что имеется в чувственной действительности, то есть предметы нашего земного бытия. Что можем мы узнать благодаря второго рода сознанию? Оставим сперва в стороне приведенный выше пример: сцену искушения. Этим сознанием можно найти ещё нечто другое; и то, что тогда можно найти и описать, вы увидите кратко изложенным в моём «Тайноведении», там, где говорится о лунном состоянии, которое предшествовало нашему земному состоянию. В настоящее время этого лунного состояния уже нет; поэтому оно должно быть описано сознанием, не имеющим современного предмета. Это сохранилось только в высших мирах,— как вы это часто слышали: в хронике Акаша. Так что, кроме истории искушения, мы имеем второй пример этого рода сознания: все те события, которые — можем мы сказать — относятся к старой Луне. Всё, что связано с древней Луной, может быть описано при помощи этого сознания. Но при этом я хотел бы ещё обратить ваше внимание на следующее. Опять-таки не случайно я привёл вам, как отдельный, конкретный пример возможного переживания на этой первой ступени высшего сознания именно историю искушения, из многого другого, что может быть здесь пережито. Когда мы направляем это высшее сознание первого рода на древнюю Луну, то находим повторение истории искушения,— повторение для человека.

В действительности это конечно далёкое прошлое. Но человек теперь именно познаёт, что для себя Христос уже на древней Луне победил Люцифера, и что сцена, описанная в Евангелиях, есть второй, повторившийся факт победы Христа над Люцифером, так что на Земле Христос сразу отвергает Люцифера. Причина этого — вы, конечно, согласитесь, что Христос проходит развитие,— причина в том, что он именно на Луне, силой своего, всецело преданного высочайшей воле духа отверг все соблазны Люцифера, которые ещё имели для него некоторое значение, ибо тогда он прошёл для себя меньшее развитие. Так что Люцифер выступил противником Христа уже на древней Луне. На Земле он не был более опасен; и Христос сразу отвергает его. Но на Луне Христос явил все бывшие в Его распоряжении силы, чтобы отстранить Люцифера. Это есть, следовательно, то, что переживают, когда взгляд высшего сознания обращается назад на древнюю лунную эпоху.

Далее, когда переходят к высшему сознанию второго рода, то наряду с познаниями, которые, как сообщения о Будде имеют ещё значение для земли, открывается нечто другое;

это опять таки было дано в моём «Тайноведении», в очерке о раннем состоянии перевоплощения нашей Земли — о древнем Солнце. В те времена условия были действительно существенно иными, и довольно таки трудно, — как вы видите из трудности понимания этой главы в моём «Тайноведении», — трудно описать это древнее состояние Солнца. Я обращал там внимание прежде всего на события, ближе стоящие к человеку, относящиеся, так сказать, к природной обстановке. И то время, когда писалось «Тайноведение», в теософском движении встретило бы мало понимания, если бы я стал указывать на явления более морального порядка, которые также переживаются при наблюдении древнего солнечного периода. Там переживается уже не история искушения. Когда мы обращается в прошлое, к рассмотрению древней солнечной эпохи, то само Солнце выступает перед нами ещё, как планета семи других планет; Венера появляется со своим повелителем, Люцифером; и сначала оба они, солнечный дух и дух Венеры, другими словами Христос и Люцифер, являются в некотором роде, как братья. Нужно употребить все усилия, чтобы увидеть тогда различие между ними. В период древнего Солнца различие между Христом и Люцифером не открывается сразу из созерцания их внешней сущности; оно открывается только, если перейти ко внутреннему. И очень трудно теперь, чрезвычайно трудно найти внешние средства изложения, чтобы показать вам, в чём состоит это различие. Примите то, что я скажу, как попытку, насколько это вообще возможно, охарактеризовать то различие, которое открывается ясновидящему сознанию между Христом и Люцифером в период древнего Солнца.

Если мы бросим взгляд, с одной стороны на Христа, с другой стороны, на Люцифера, то мы познаём без сомнения, ещё нечто другое. Мы познаем, что Люцифер, властитель Венеры, появляется в необычайно светоносном образе, — но, конечно, имеется в виду духовный свет. Так что мы имеем ощущение: весь блеск, какой только может исходить для нас от откровения света, есть нечто незначительное по сравнению с величием Люцифера в период древнего Солнца. Но мы замечаем в этом Люцифере, когда всматриваемся в его намерения, которые так же становятся здесь проницаемыми, — мы замечаем тогда, что он есть дух, который благодаря всему, что он в себе имеет, наделён безмерно великой гордостью, — такой гордостью, что она может стать соблазном. Ибо известно, что вещи, которые в меньшем объеме человек не находит соблазнительными, становятся

соблазном, когда достигают степени величия. Так же и гордость, становясь величественной, действует соблазнительно. Это есть соблазн Люцифера в его гордом величии,— гордом светом своего образа. То, что можно назвать неоткровенным светом,— светом, который не светит внешне, но имеет в себе самом величайшую силу,— это имеет он (Люцифер) в высшей степени. И рядом с этим, в древнюю солнечную эпоху, является образ Христа, как бы властителя солнечной планеты,— образ полнейшей отдачи себя всему, что ни есть в окружающем мире. В то время как Люцифер сосредоточен, собственно, только на себе,— приходится все это облекать в человеческие слова, хотя они недостаточны, — Христос является отдающим себя тому, что окружает его в великой, обширной вселенной. Тогда вселенная не была такой, как теперь.

Если бы теперь переместиться на Солнце, то мы увидели бы прежде всего на окружности 12 зодиакальных созвездий. Тогда они не существовали в этом видимом внешне явлении. Но это были 12 образов, 12 сущностей, которые,— так как внешнее пространство не было, разумеется, заполнено светом,— из глубины тьмы, из глубины мрака порождали звучание своих слов. Каковы же были эти слова? Да, это были слова,— выражение «слово» здесь опять-таки недостаточно для того, чтобы передать сущность дела,— это были слова, которые возвещали о древнейших, уже в те времена, древнейших периодах,— это были 12 мировых инициаторов. Теперь, в направлении этих 12-ти мировых инициаторов стоят 12 знаков зодиакального круга, и к душе, которая открыла себя для всего мира, приходит от них изначальное звучание неизреченного мирового слова, которое могла быть сочетанием 12-ти голосов. И между тем, как,— я должен теперь начать говорить образно, ибо человеческие слова оказываются именно недостаточным,— и между тем как Люцифер имел в себе единственное стремление, всё озарить имеющимся в нём светом и через это всё познать, Христос, напротив, отдал себя воздействию этого неизреченного, мирового слова и воспринял его в себя всецело, вполне; так что в духе Христа были соединены душа Христа стала местом соединения великих мировых тайн, звучавших от неизречённого слова. Так выступает перед нами противоположность Христа, воспринявшего мировое слово, и гордого Люцифера, духа Венеры, который отвергает мировое слово и хочет всё пронизать своим светом. И от того, чем были тогда Христос и Люцифер, произошло всё позднейшее

развитие. Ибо это имело своим последствием тот факт, что сущность Христа восприняла в себя всеобъемлющее мировое слово, всеобъемлющие мировые тайны, а сущность Люцифера потеряла, благодаря тому, что я могу выразить только словами «гордый световой образ»,— потеряла своё царство, царство Венеры. По иным причинам, которые нас сегодня меньше волнуют, другие планетные духи также потеряли или же изменили свои сущности. Для нас сейчас важно не это. Для нас имеет значение противоположность между Христом и Люцифером. Так произошло, что Люцифер всё больше и больше терял свою власть, все больше и больше терял царство Венеры, и стал, так сказать, духом, лишившимся престола, а планета Венера с тех пор должна была оставаться без собственного повелителя и могла поэтому проходить только нисходящее развитие.

Но Христос воспринял в эпоху древнего Солнца мировое Слово, и это мировое Слово имеет такую особенность, что в воспринявшей его душе оно загорается обновлённым светом, так что со времени древнего Солнца мировое Слово стало светом в Христе, и планета, властителем которой был Христос, развилась с того времени в центр всей планетной системы, стала Солнцем, и другие планеты, и их духовные властители пришли в зависимость от Солнца. Этому событию мы должны дать воздействовать на себя, и тогда мы увидим, что в эпоху древнего Солнца разошлись пути Христа и Люцифера. Назад пошёл путь Люцифера, он должен был остановиться в своём развитии; и во время лунной эпохи он также отстал в своём развитии. Вперёд шёл путь солнечного духа, Христа, который в хорошо известном нам образе мог наконец выступить на Земле. Благодаря отдачи себя вселенной, благодаря восприятию божественного творческого Слова, благодаря идентификации с божественно-творческим, неизреченным Словом, благодаря отречению от всяческой гордости, и наоборот вместо гордости, благодаря жертвенной отдаче себя вселенной, Христос стал властителем остальных планет, с центром господствования на Солнце. И, когда вы знаете это (я говорю это для тех, кто слышал мои лекции в Гельсингфорсе), то вы не найдёте противоречия, если о Христе было сказано, как о духе, превышающем духов планет. Таково современное состояние Христа превыше всех духов планет, он дух Солнца, источник обновленного духовного света.

Как сказано, у нас нет времени, чтобы обрисовать ещё третье сознание высшего рода. Я могу только указать, что

этим сознанием третьего рода может быть пережито состояние Сатурна, первое состояние, которое обычно описывается в последовательности перевоплощений нашей Земли. Без сомнения, если мы хотим проследить — инициацию во всей её полноте, то мы должны указать на головокружительные высоты сознания, что известным образом есть уже дерзость, там, где фактически выступает бессилие в употреблении человеческих слов. И в моём «Тайноведении» также отсутствует описание того, что относится к ещё более высоким состояниям сознания, именно потому что высшие вещи не изображены человеческими словами.

В мистериях сообщения об этих высших состояниях сознания даются таким образом, что сначала создаются особые символические знаки, затем говорят на символическом языке, и при помощи этой символики, могут приводить людей к высшим состояниям сознания. Эти высшие состояния действительно существуют, и вполне возможно говорить ещё о 4-м и 5-м сознании сверхчеловеческого рода. Это идёт до бесконечности вверх, и говорить об этом можно всегда, указывая лишь направление. Если мы примем это во внимание, то можем установить перед своей душой возможность для человека, с помощью различных сверхчеловеческих сознаний усматривать ещё другие миры, кроме физического мира; и если вы вспомните, что первый зачаток физического человека — как это описано в «Тайн оведении», был заложен уже в эпоху старого Сатурна, то вы можете заметить в человеке известное отношение к миру 3-го сверхчеловеческого сознания. Но кроме того человек находится под водительством и руководством выше него стоящих существ. Эти высшие существа он может познавать; они действуют на него. И вам, без сомнения, сразу же будет ясно, что хотя человек, каким он стоит перед нами, происходит из тех миров, которые достигают до третьего сверхчеловеческого сознания, но что он связан также с ещё более высокими мирами. И то, что описывается, как достижение различных состояний сознания, разумеется, может быть объяснено также обыкновенному человеку. Он может понять, что существуют такие состояния сознания. Хотя человек, как земной человек, не переживает этих состояний сознания непосредственно на земле, но он переживает внешние откровения этих состояний сознания. Непосредственно он переживает физическое сознание. От

первого сознания сверхчувственного рода человек переживает только слабое подобие, как бы намёк, в том повышенном сновидческом сознании, которое даёт не одни лишь произвольные сновидения, но поднимается до восприятия действительностей, которые принадлежат несомненно к высшему миру. И необходимо, собственно, только систематическое развитие сновидческого сознания, чтобы человек пришёл к первому сознанию сверхчеловеческого рода.

Это первое сознание сверхчеловеческого рода может открыть уже важные свершения, имевшие место на древней Луне. Поэтому вы найдёте, что в оккультных сообщениях большинство описаний относятся (наряду с событиями, происходившими на Земле), именно к древней Луне, — на чём часто эти описания останавливаются. Ибо сообщения эти обычно не идут дальше состояний Луны и не переходят к состоянию древнего Солнца. Это бывает в том случае, когда в основе таких сообщений лежит первое ясновидческое сознание, которое встречается наиболее часто, и которое легче всего достигается. Из этого сознания, доходящего в прошлом до старой Луны, почерпнуто большинство сообщений, приводимых в «Тайной доктрине» Е.П. Блаватской. Они проистекают — это знают все следующие оккультисты,— из этого сознания; и оттого, если вы просмотрите «Тайную доктрину», то в обширных сообщениях об архаических познаниях вы едва ли много найдёте такого, что касалось бы более отдалённого прошлого, чем лунные состояния, предшествующие состоянию теперешней Земли.

Итак, эти ясновидческие состояния сознания суть для земного человека самое начало, нужно сказать, слабое подобие ближайшего сверхчувственного сознания. Когда же человек находится в глубоком сне без грёз, то его сознание погашено, но это не значит, что никакого сознания нет. И если это глубокое сонное сознание пробудится, то оно становится сверхчувственным сознанием второго рода, которое достигает выше, чем первое, и это сознание,— то есть сознание глубокого сна, если бы оно пробудилось вне тела,— без сомнения, привело бы того, кто его переживает, к состоянию древнего Солнца. Если человек немного задумается над собой, то он скажет себе: благодаря своему дневному сознанию, я хожу, выполняя внешние движения, которые связаны с моим дневным сознанием. Но внутренние движения, и именно движения среднего человека, продолжают так же в то время, когда человек спит, они

управляются тем сознанием, какое человек, так сказать, имеет, как сознание глубокого сна. Но он ничего не знает об этом. Оттого движение сердца, дыхание, суть такие движения, которые связаны со вторым сверхчеловеческим сознанием, и могут быть поняты во всей их связи с высшими мирами, также только тогда, когда человек пробуждается вне своего тела,— именно в состоянии глубокого сна своего тела; так что своим разумом человек, собственно может понять, что имеются эти три состояния сознания. Нас навело бы теперь слишком далеко, если бы мы указали, что несомненность вещи, которые могут доказать, что существуют эти более высокие сознания. Во всяком случае мы имели право сказать, что, если человек продумает земную жизнь, то найдёт в ней хотя бы откровения высших сознаний. Поэтому мы можем сказать земному человеку об этих высших состояниях сознания; мы можем сказать, что обыкновенные события земной жизни человек переживает своими обыкновенным сознанием; далее, если бы это сознание было чрезвычайно повышено, то он пережил бы всё то, что связано с законами, которые унаследованы земной современностью ещё от древней Луны; и далее, если бы он мог стать бодрствующим в глубоком сне независимо от своего тела, то он пережил бы состояния древнего Солнца в том виде, как они продолжают ещё в современном земном состоянии.

Итак, об этом можно говорить, и можно сказать о том, каким образом это теперь проявляется. Так что не будет совсем непонятно, если мы укажем на эти вещи. Можно пробудить понимание того, что исследует оккультный испытатель,— того, что он называет различными состояниями сознания, но что в действительности суть различные миры. Вошло в обыкновение называть эти различные состояния сознания «планами»: то, что обозревается физическим сознанием, называть — физический план, что обозревается первым сознанием сверхчеловеческого рода — астральный план; что обозревается сверхчеловеческим сознанием второго рода — высший Девахан или ментальный план; что обозревается третьим сознанием сверхчеловеческого рода — высший девахан или высший ментальный план. Далее, к этому присоединились бы план Будхи и план Нирваны. Это были бы только другие названия того, что даёт оккультное развитие. И тогда, чтобы связать это с более лёгкими представлениями, чем представления о различных состояниях сознания, можно было бы обрисовать человека. Ибо именно человек

действует в своих состояниях, как тот, кто принадлежит к различным планам или мирам; и, таким образом, мы перевели бы знание, науку, познание человека с оккультной точки зрения, где говорится о различных состояниях сознания, на теософскую точку зрения. Между тем, как оккультист говорит о состояниях сознания, теософ говорит о последовательных планах. И вы видите, что оккультизм может быть дан таким образом внешне, как теософия.

Но дело в том, что в ходе наших исследований нам открылись также другие точки зрения, которые необходимо ещё завершить. Одна из них была, например, та, что по своему внешнему образу человек есть трижды семичленный человек. Конечно, у нас нет времени, чтобы рассмотреть все подробности. Припомните сказанное в «Тайноведении» о том, что до этого земного состояния человек прошёл через три другие состояния: Луну, Солнце, Сатурн; что первый зачаток внешней, человеческой физической формы появился уже в период древнего Сатурна, и что далее этот физический человек продолжал непрерывно измениться. Если вы взвесите это, то скажете себе: то, что является нам теперь, как столь удивительное тело, должно было пройти довольно долгое развитие. Ибо это развитие прошло через три состояния: через Сатурн, Солнце и Луну. Каждое из этих состояний может быть разделено на 7,— каждая седьмая часть этих состояний напечатлела нечто человеческому образу, оставила след. Вы имеете, таким образом, трижды семь творческих сил. Вы не можете найти здесь только того, что человек присоединил к этому во время земного периода. Но это и есть именно то, что разрушается, это есть связь, единство внешнего человеческого образа,— то, что разрушено Люцифером. Так что когда мы делим человека на трижды семь членов, то мы имеем в земном физическом человеке выражение того, что напечатлели физическому человеку предшествовавшие состояния Сатурна, Солнца, Луны; мы можем сказать: здесь мы имеем дело с физическим человеком прежде всего. Оккультист должен рассматривать его так, как мы это сделали отчасти, насколько позволило время, в этой лекции; но теософам можно просто указать на то, что уже существует, и можно сказать: это есть физическое тело человека. Так что когда мы рассматриваем человека, то имеем дело прежде всего с его физическим телом, этим сложным образованием, которое прошло так много состояний и теперь ещё носит отпечаток этих многих состояний. Но затем мы рассматривали ещё нечто другое; мы

рассматривали человека в его внутренних движениях; и помните, к чему это нас вчера привело. Физический образ человека мы видим, но движение вчера мы уже указывали, как трудно здесь провести различие, как трудно установить последовательность этих движений, движений, как таковых, мы не видим. Но наше исследование показало, что именно эта способность внутреннего движения в человеке возвращает нас в прошлом к эпохе древнего Солнца. И теперь вам покажется уже странным, если я укажу вам, что вся эта внутренняя подвижность человека связана с переживаниями, через которые человек проходил в период древнего Солнца. И если человек, каким он выступает перед нами, как физический человек несёт на себе отпечаток Сатурна, Солнца и Луны, то, как внутренне подвижный человек, он несёт в себе силы для своей внутренней подвижности со времени древнего Солнца. В этом отношении он прошёл эпоху Солнца, Луны и протекший уже отрезок земного развития. И мы называем это,— то есть то, что не есть внешний образ, но внутренняя причина подвижности,— мы называем это первым невидимым человеком. Мы не видим этого подвижного человека; мы видим только его внешние проявления,— движения; мы называем это эфирным человеком, эфирным телом. Эфирное тело воспринимается только высшим сознанием, но действиями эфирного тела в физическом мире являются те внутренние движения, которые человек выполняет. Итак, мы могли бы сказать: поскольку человек должен был пройти все три предшествующие состояния, он стал физическим человеком, поскольку он должен был пройти только солнечный и лунный период, он стал эфирным человеком; поскольку он прошёл только лунный период, он стал астральным человеком. Тогда к его движениям присоединилось всё то, что привело к мышлению, чувству и воле. Это был дальнейший подъем. Когда вы поднимаетесь от внешнего, телесного к внутреннему, то вы приходите к астральному человеку, который, как таковой, конечно, не видим, но внутренние проявления которого суть мышление, чувство и воля. И далее, мы приходим к тому, что земля дала подготовительно человеку, и что она призвана завершить вполне только в будущем: полное развитие и дальнейшее образование его Я, которое появилось впервые в ходе земного развития, и которое достигнет в будущем высших ступеней развития: Самодуха, Жизне - духа, Духо - человека, — Манас, Будхи, Атман. Таким образом мы построили самого

человека.

Отсюда вы видите, что когда мы понимаем человека в связи со всем миром, то открываются не только различные ступени сознания, которые мы затем называем мирами; но нам открываются также члены самого человека: физическое тело, эфирное тело и т.д. И опять таки, путём разумного внешнего наблюдения человека, молено прийти к пониманию: ты не видишь эфирного тела, но ты видишь его откровения здесь в физическом мире. Откровения эфирного тела, это суть внутренние движения; откровения астрального тела суть мышление, чувство и воля. «Я» открывает себя самого. И если только человек будет достаточно разумен, чтобы понять, что внутренние движения, которые он должен выполнять, исходят не от физических причин, не от внешнего человеческого образа, если он поднимается до единственно разумной мысли, что они должны исходить от сверхчувственного, тогда он получит возможность не только верить, но понять разумом, что существует эфирное тело. Итак, когда оккультизм облачается в такие формы, которые обращены ко всеобщему сознанию, тогда оккультизм переводится в теософию, облачается теософически. И как это будет теософия, когда мы говорим о различных «планах», также теософично будет и то, когда мы говорим о различных членах человеческой природы. Всё, что может быть сказано о человеке, достигается оккультным путём. Оккультный испытатель должен пройти весь мир, должен принять различные состояния сознания; и тогда открывается, что только эти различные состояния сознания объясняют нам то, что есть действительный человек, так что только благодаря оккультизму человек может быть понят в своём истинном существе. И теософия есть попытка облечь оккультные познания в истины разума, так чтобы человек мог сам понять всё это. Вещи, о которых я вам говорил, вполне согласуются между собой и согласуются с миром, если вы проверите их разумом. И в этой разумной проверке я вижу именно то, что должно подтвердить для вас сообщения, полученные из оккультизма.

Вторая точка зрения, которая нам открылась и не получила ещё завершения, должна быть теперь завершена, чтобы вы могли видеть, что теософия и оккультизм не приводят к одним только противоречиям (хотя уже в первой лекции было указано, как мы должны относиться к противоречиям), но что при дальнейшем рассмотрении эти противоречия разрешаются. Относительно многого вы уже

видели это в настоящих лекциях; но, с другой стороны, из того, что теперь опять было сказано, у вас могли возникнуть новые противоречия в связи со сказанным прежде. Разумеется, я не могу обсудить сегодня все возможные противоречия; но одно из них я попытаюсь разрешить с помощью тех оккультных познаний, которые открываются во втором сознании сверхчеловеческого рода. Многие из вас помнят, что я и другие не раз указывали на сущность Христа, как на космическую сущность, превосходящую своими свойствами всех прочих основателей религий и т.д. Было сказано, что несколько нее удивительно, если исключительно значительная сущность Христа может быть признана преимущественно на Западе, ибо Западу свойственен дух историзма. И Западу необходимо,— для того, чтобы развитие Земли могло давать людям возможность проходить через различные воплощения,— Западу необходимо иметь центральную точку этого развития. Удивляться нужно собственно только тому, что на Западе есть люди, которые не хотят признать этой центральной точки развития. Эта центральная точка есть именно Импульс Христа. И кто стал бы говорить о перевоплощениях Христа, тот совершил бы такую же ошибку, как тот, кто думал бы, что весы могут иметь несколько точек опоры. В таком случае относительно сущности Христа вы сделали бы тоже самое, как если бы вы захотели заставить весы двигаться в двух или трёх точках. С этой стороны дело обстоит действительно бесконечно просто, но есть ещё другая, моральная причина, которая должна быть принята во внимание в отношении человека ко Христу (в котором надлежит видеть импульс земного развития). Это есть следующее: Христос вступил в это развитие в определённый момент. Люди, которые живут теперь, были уже воплощены во Христа, следовательно, они жили не только в ту эпоху земного развития, когда Христа ещё не было на Земле, но они продолжали воплощаться, и живут и теперь, после того, как Христос уже был на Земле. И материалистическое выражение, которое часто делается: если Христос имеет такое значение, то его однократное появление на земле было бы несправедливо,— это возражение отпадает. Нас часто спрашивают: как могла совершиться такая несправедливость, что все люди, которые жили до Христа, не могли иметь благодатного воздействия Христа, а те, которые живут после Него, могут иметь это воздействие. Но, ведь, это те же самые люди! Так что со стороны теософов действительно не следовало бы делать

этого возражения. И всё-таки это возражение имеет некоторое значение. До известной степени оно может быть сделано, но лишь относительно весьма немногих случаев; и один из тех случаев, где оно может быть сделано — если вы над этим подумаете,— есть именно случай Будды.

Действительно, между тем, как люди, рассеянные на Земле, всё время рождаются снова и таким образом переживают Импульс Христа в своих инкарнациях после эпохи Христа, Будда жил в до-христианское время, достиг значения, в силу которого он не нуждается уже в возвращении в земное тело, и: таким образом принадлежит к тем, очень немногим людям, которые жили на Земле и отошли от неё прежде появления Христа. Это именно так. И вы можете сказать: Да, как обстоит дело с отношением Христа к Будде,— не считая того, о чём я упомянул вчера, что Будда из высших миров изливает свой свет в астральное тело мальчика-Иисуса Евангелие от Луки,— как вообще обстоит дело с отношением Христа к Будде? Действительно ли дело обстоит только так, что Будда оставляет Землю, прежде чем Христос был на Земле, что он вступает на свой путь к Марсу, так что Христос и Будда действительно проходят мимо друг друга? Но мы должны приступить к этой проблеме с более глубоким оккультным познанием, если хотим её разрешить. Припомните то, что я сказал. Я показал, как Христос связан с Солнцем,— фактически Христос пришёл к соединению с Землей только через крещение от Иоанна или, собственно, через Мистерию Голгофы. Таким образом Христос есть солнечный дух; и прежде чем мистерия Голгофы совершилась на земле, мы должны искать его в связи с его царством, с Солнцем, где искал его также древний Заратустра.

И когда Христос действует как властитель в солнечном царстве, когда он ещё не простёр своё господство — по крайней мере свой Импульс на Землю, в это время протекает земная жизнь Будды. Но мы должны вернуться к более ранним воплощениям Будды, если хотим получить объяснение. Мы знаем, что Будда прежде был Бодисаттвой, что он долгое время действовал на земле, как Бодисаттва. Без сомнения, эти Бодисаттвы имели не ту обыкновенную человеческую душу, которую мы часто описывали; но с ними дело обстояло совсем особенно. Вы должны припомнить то, что сказано в моём «Тайноведении». О начале нашего земного развития: после некоторого пребывания вне Луны и Земли, Солнце снова соединилось с Землёй и другими

планетами; и затем они опять разъединились (см. также цикл лекций о высших иерархиях Дюссельдорф). Таким образом было такое состояние, в котором Земля была соединена с Солнцем. Затем Земля и Солнце разделились; и вы знаете, что далее произошло отделение Луны; вы знаете, как Земля была подкрепляема душами с других планет. Возьмём теперь тот момент, когда Солнце только что отделилось от Земли. Когда это произошло, то в Солнце были ещё заключены обе планеты,—Венера и Меркурий, говоря астрономически. И процесс был именно таков, что сначала Земля отделяется от Солнца, в котором ещё задерживаются Венера и Меркурий. И только уже после этого Венера и Меркурий также отделяются от Солнца. Итак, имеются Солнце и Земля. На Земле продолжается развитие. На ней остаётся только незначительная часть людей. Остальные поднимаются на планеты; затем снова сходят вниз. Но когда Солнце отделилось от Земли, то вместе с ним ушли также существа, — ибо мир состоит не из одной только внешней материи, но и из существ. Их выводит Христос. Ибо в тот момент земного развития, когда Солнце отделяется от Земли, уже совершилось то, что можно назвать превосходством, которое Христос получил над Люцифером и другими планетными духами. Затем выделяется Венера, выделяется Меркурий. Рассмотрим это отделение Венеры от Солнца. Вместе с Венерой отделились существа, которые сначала шли вместе с Солнцем, но затем оказались неспособными оставаться в Солнце; они отделяются и населяют Венеру. И вместе с ними, как посланник Христа к обитателям Венеры, была направлена та сущность, которая лежит в основе позднейшего Будды. Христос послал его сначала на Венеру, где Будда действительно прошёл разного рода состояния; и когда затем души вернулись с Венеры на Землю, то обыкновенные человеческие души были, конечно, менее развиты, чем Будда, который вместе с душами Венеры спустился также на Землю, но был настолько высоко развитой душой, что мог стать Бодисаттвой и затем вскоре Буддой. Итак, вы имеете в Будде древнего посланника Христа, который имел задачу подготовить дело Христа на Земле. Ибо посланничество к людям Венеры не имело другого назначения, как предпослать себе предвестника Солнца на Землю; и теперь вы можете также онять: благодаря тому, что Будда был со Христом дольше, чем другие земные люди — так как Земля отделилась от Солнца раньше, чем Венера, то ему достаточно было той части

Импульса Христа, которую он имел в себе ещё с Солнца, то есть Будда мог воспринять событие Христа из духовного мира с помощью этого Импульса,— того Импульса, который он получил от Христа на Солнце, между тем, как другие люди должны были ожидать явления Христа на Земле. Итак, благодаря тому, что Будда имел своё особенное отношение ко Христу, благодаря тому, что он был послан Христом перед собой, как предвестник, ему не нужно было ожидать события Христа на Земле, но он взял с собою с земли способность,— так же и без той помощи Христа, в которой нуждаются другие люди,—вспомнить то, что означает Я на Земле, и благодаря этому из высших миров созерцать событие Христа внизу на Земле. Так задолго готовилась во вселенной та удивительная миссия, которую Будда принял на себя по поручению Христа. Сначала Будда был послан к людям Венеры,— сравните то, что я теперь говорю, с лекциями в Гельсингфорсе,— Будда был послан к людям Венеры, потом на Землю, потом к людям Марса, где должен был выполнить задолго подготовлявшуюся миссию. На Марсе дело обстоит так, что остававшиеся там люди находились в великой опасности, подобно тому, как земные люди находились в великой опасности, от которой их избавил Христос. Люди Марса подвергались той опасности, что их астральное тело — ибо они не имели особо развитого Я,— их астральное тело и через это косвенно также их эфирное тело должны были потерять многое из своих сил, некоторым образом засохнуть. Природа людей Марса вполне проявилась в том, что там происходили ужасные войны. Люди Марса чрезвычайно оседлы на Земле; люди устроены космополитично,— на Марсе люди гораздо более страстно привязаны к одному месту, и на Марсе очень мало космополитов. Но зато есть, или по крайней мере было,— много войн и распрей; всё это происходило от сил астрального тела, не смягчённого действием Я. Если вы объедините всё это, то поймёте, что у людей, которые развиваются так, как это было на Марсе, должно быть невероятно много распрей. Марс есть некоторого рода перевоплощение Луны; и так как то, что коренится в астральном теле, не было там смягчено действием, то эти люди были исключительно воинственны. Греки имели верное познание, когда именно Марса сделали богом войны. Величайшее удивление охватывает, когда встречаешь в легендах эти отголоски, и когда находишь, что действительно происходили эти невероятные войны. Чувствуешь величайшее удивление, когда в самих

наименованиях сказывается, что в познаниях древних мистерий уже имелись эти оккультные знания. Итак, происходили невероятные войны. И теперь представьте себе дальнейшую жизнь Будды, этого учителя сострадания и любви, этого учителя преодоления кастовых различий, и вы поймёте, почему Будда действительно имеет свою миссию на Марсе,— миссию, которая заключается в сообщении того, к чему люди Марса сами не могут прийти, что показалось бы им преувеличенной набожностью, жизнью монахов и т.д., миссию, действовать на людей Марса примером крайнего смирения и бедности и оживить их в этом направлении. Я могу указать только основные черты действия Будды на Марсе. Значение его для людей Марса, живущих без Я, поистине подобно явлению избавителя и освободителя, приводящего к высшему мирозерцанию. И между тем, как на Земле всеобщее братство и любовь к ближним связаны в глубочайшем: импульсе с Христом, на Марсе главным образом вся человечность связана с делом освобождения, которое должен был там совершить Будда.

Ещё одно, что я должен вам разъяснить, прежде чем мы разойдёмся, есть следующее: разные религии, которые, как это само собою понятно для теософа,— возникли все из одного источника,— эти различные религии по разному относятся к оккультным сообщениям, которые могут быть сделаны. Можно сказать, что каждая религия, если её понимать правильно, указывает на того или иного основателя, который, посредством этой религии, соответственным образом сообщил группе людей какое - либо переживание определённой ступени инициации. И тогда вы найдёте, что может существовать, например, такая религия, которая, в силу своих особых свойств не поднимается до Христа, солнечного духа, но поднимается до той всеобъемлющей души, которая жила в духе, неоднократно воплощающемся, как Бодисаттва, и которая благодаря этому получила особое отношение к тому, что является великим инициатором, вдохновителем Будды. Эта религия, которая не может возвыситься до прозрения, что Христос есть дух Солнца и что он сошёл затем на Землю, поднимается в своём видении до этого посланника Христа и объединяет так же всё, что как исходит от Солнца и что в высшем смысле становится планетным духом. И тогда вполне понятно, что Будда обозначается как планетный дух. Такая религия, указывавшая преимущественно на духа, который руководит собственным развитием Будды, могла воспринять только

такой образ, как образ Вишну в индийской Тримурти. Так как эта религиозная форма ещё не проникла до познания полной победы Христа над Люцифером, то эта религия не может противопоставить Христа и Люцифера таким образом, как это возможно в настоящее время. Поэтому в такой религии Люцифер появляется известным образом рядом с Христом, как самостоятельный, непобежденный, как бы равноценный образ. И мы уже видели, что Люцифер появляется как бы своего рода братом Христа. Вы имеете это, когда Вишну противопоставляется Шива. И если вы ознакомитесь с учением шиваитов, то убедитесь, что индийскую религию Шивы можно понять, только когда знаешь об этой сущности Люцифера. Ибо Шива есть действительно Люцифер в том образе, когда он ещё не побеждён. Весь этот культ, вся эта религия Шивы, с её 60 миллионами, должна быть обозначена с указанной точки зрения, как род люциферической религии.

Вы найдёте понятным, что в зависимости от предрасположенности людей, все формы оккультных познаний могли выражаться на разных ступенях в отдельных религиях. Выше мы сказали нечто о неоткровенном свете, нечто о неизреченном слове, и затем вам удалось некоторыми косвенными путями подойти также к сознанию без предмета — и, если мы охватим всё это в целом, то я опрошу вас, когда вы остановитесь на этой троичности: имеются ли эти три принципа, хотя бы в своих откровениях, какое-либо выражение в нашем мире? И вы увидите, что они проявляются, если припомните то, что говорилось в течение этих лекций. Вы скажете себе: свет в полной мере появляется в характеристике гордого Люцифера, так что свет собственно есть атрибут духовного, человек на физическом плане имеет его только в его слабейшем проявлении, в своих мыслях. Но в чём имеет человек неизречённое слово, когда он находится на физическом плане? То, что есть неизречённое слово в мире, остается неизречённым словом также и здесь на физическом плане; но вам не нужно ходить особенно далеко, чтобы прийти к тому, что есть место рождения — источник этого слова: это есть душевное существо — душа в человеке. И между тем, как свет становится всё большей духовностью в человеке, неизреченное слово открывается всё больше и больше в душе человека. Но как возникает в человеке сознание? Оно возникает благодаря тому, что на человека действует вещество. То, что есть внешнее сознание, нуждается во внешнем предмете; оно питается внешним

предметом. Выше мы нашли: сознание без предмета, неизреченное слово, неоткровенный свет; внизу на физическом плане мы находим их последнее откровение: человеческое сознание, которое переживает материю. Затем мы находим душу, которая хотя и в смутной форме, открывает слово; и наконец, мы находим свет, который в крайне ослабленном виде имеется в человеке, как мышление, так что видящий может созерцать свет, всё вообще, что исходит от света, только как человеческую ауру, только в ауре. В мышлении, или в том, что уже на физическом плане есть нечто духовное, проявляется последний отблеск миру, части человеческого духа. Тело, душа, дух — в греческом сознании они выступают, как трехчленный человек, играют свою великую роль в течение всей эпохи философии. Было время, когда для внешнего мира были закрыты оккультизмы, были закрыты теософии, и люди держались только за внешнее откровение,— за то, что называют тело, душа и дух. Это время простирается до наших дней; но период философии кончился. Эпоха философии лежит в прошлом. Единственное, чем теперь может быть философия — это есть описание человеческого Я, самосознания. Философия должна понять это. Поэтому постарайтесь с этой точки зрения воспринять мою «Философию Свободы», которая исходит именно из того, что должно перевести человеческое сознание в эпоху, которая уже наступает,— в эпоху, когда в развитие человечества снова должно войти то, что может быть более точным отражением мира, чем философия,— в развитие человечества должна вступить теософия.

Итак, вы видите, что эпоха философии закончилась. Теософия древнее, чем философия. Теософия выступит на место философии, несмотря на все препятствия. Она есть то, что имеет, так сказать, более долгую фазу, что превышает своей длительностью философию. С философской точки зрения, человек может быть рассматриваем только в течение известного периода; эпоха теософии в прошлом и будущем захватывает дальше, чем эпоха чистой философии. Человека можно рассматривать также с точки зрения теософии. Но глубже и полнее проникает в сущность человека оккультизм. Оккультизм есть то, что даёт нам полное знание о существе человека. Ибо в основе всех человеческих познаний лежит оккультизм. Оккультизм древнее и имеет самый долгий век. До теософии был оккультизм, после теософии будет оккультизм. Перед философией была теософия, после философии будет теософия.

И вы постарайтесь постигнуть, наряду с прочими идеалами, также и тот, что вы призваны понять в наше время как философский, идеал, доступный всё же только немногим, должен перейти в новый теософический идеал, который будет понятен для многих, так как теософия может говорить к человеку из гораздо больших человеческих глубин, чем абстрактная философия, которая должна оставаться абстрактной, ибо она может предложить только последний внешний отзвук изначальной человеческой сущности и её триединства. Если мы так смотрим на дело, которому мы преданы, то мы видим его во всемирно-исторической необходимости; мы чувствуем тогда, чем должна быть теософия для человечества; мы понимаем, что три точки зрения на человека и его созерцание суть точки зрения самого человечества, которые развиваются одна за другой. И, когда вы думаете об этом, и даёте этому опуститься из головы в ваше сердце, то вы достигаете возможности почувствовать то существенное и значительное и святое, чем должна быть для нас теософия.